

84(2Рос=Рус)6

К - 59

Сергей
Козлов

Вид из окна

114643

Сергей
Козлов

Вид
из
окна

Роман

THE
PUBLISHED
MUSEUM

100
100
100

100

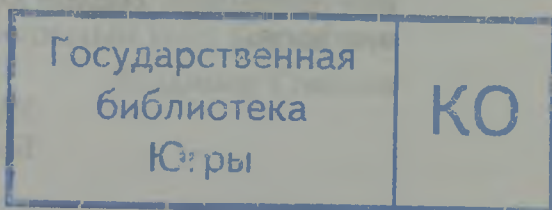
100

Сергей
Козлов

Роман

- 0113710-2 -

Москва

Сибирская Благозвонница

2008

УДК 821.161.1–31

ББК 84 (Рус = Рос)6–44

К–59

Козлов С.С.

К–59 Вид из окна : роман. – М. : Сибирская Благовонница, 2008. – 576 с.

ISBN 978-5-91362-115-3

Небольшое объявление в одной из газет полностью меняет жизнь двух людей – молодой успешной женщины и малоизвестного поэта. Слава, предательство, разочарование в жизни, новая любовь – все это переживают главные герои книги. Благодаря всем перипетиям, случившимся с ними, они открывают сердце для Бога и начинают новую жизнь.

УДК 821.161.1–31

ББК 84 (Рус = Рос)6–44

© Козлов С.С., текст, 2008

© Оформление. Издательство «Сибирская Благовонница» (ООО), 2008

Ибо человек – это его вера.

И.В. Киреевский

Одна коза окотится двумя козлятами,
но от одного кожа пойдет на бубен,
а от другого – на Евангелие.

Сербская пословица

Любовь того стоила...

Эпитафия

Я устал от двадцатого века,
От его окровавленных рек.
И не надо мне прав человека,
Я давно уже не человек.
Я давно уже Ангел, наверно,
Потому что, печалью томим,
Не прошу, чтоб меня легковерно
От земли, что так выглядит скверно,
Шестикрылый унес Серафим.

Владимир Соколов

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

На такое решится не каждый...

Почему это объявление разместили в разделе о вакансиях? Среди требующихся фирмам бесчисленных менеджеров, юристов, бухгалтеров, сварщиков, буровых мастеров и помбуров, такелажников, трактористов, охранников и прочая, и прочая? Оно располагалось в центре газетного листа, словно зажатое обыденной суетой, набранное в отличие от других жирным шрифтом и вставленное в безвкусную рамочку с вензелечками а ля модерн. Так и ожидался текст наподобие: «В салоне мадам N состоится спиритический сеанс. Будут вызваны духи Льва Толстого и Луи Наполеона Бона-

парта». Ан нет! Сообщение было куда забористее!

«Куплю одинокого мужчину для достойного использования. Требования: средних лет, высшее образование, начитанность, любовь к искусству, путешествиям, отсутствие вредных привычек...»

Собеседования с 16 до 18, адрес офиса такой-то, при себе иметь то-то и то-то...

Сначала в недоумении мелькала мысль, что крепостное право давно отменено. Потом ошарашивали вопросы: что еще принесет реставрация капитализма и чем еще готовы отличиться новые богатеи, кроме покупки шикарных вилл, президентских самолетов, футбольных команд и создания финансовых пирамид. До сих пор считалось, что торговля живыми и мертвыми людьми у нас не практикуется. Тем не менее, объявление красовалось в центре вполне либеральной и подчеркнуто толерантной газеты...

Вероятнее всего было бы подумать, что так развлекается престарелая бизнес-леди, покупая себе «мальчика по вызову», но маленькая строчка внизу рушила данное умозаключение на корню. «Не интим», – гласила она. Далее ломать голову было бессмысленно, ибо ниче-

го другого трезвомыслящий человек предположить не мог. Ну не на «запчасти» же хотели покупать мужчину (тогда бы написали: «куплю мужчин»)?

Оставалось три варианта: объявление – шутка, акт отчаяния или чье-то сумасшествие. Поэтому и откликнуться на него мог человек, имеющий достаточную долю иронии по отношению к себе, определенную степень разочарования жизнью, помноженную на нездоровое любопытство. В конце концов, закон «рыночной экономики» неумолим: спрос порождает предложение, а покупатель(ница), возможно, не самый на нынешний день, как теперь говорится, обезбашенный. Может, нужен доверенный для исполнения особых поручений? Другое дело, что купить его хотели, судя по тексту, с потрохами и навсегда.

Объявление заканчивалось словами: «обращаться к Вере Сергеевне, с собой иметь номер газеты, вас проводят».

2

Для начала надо бросить все. Все, с чем связывала тебя предыдущая жизнь. Работу,

дававшую пусть и небольшой, но стабильный доход, завоеванные на корявой и загаженной социальной лестнице высоты, обжитый, выстроенный под себя комфорт. Словом все, что создавало внешнюю сторону жизни. С одной стороны, это может показаться безумием. Но с другой – если вы в полном и беспросветном тупике, где уже нет свежего ветра жизни, то остается единственный выход – повернуть на сто восемьдесят градусов. Проскочить этот отрезок жизни, как школьник, сбегая вниз, перемахивает, ухватившись за перила, почти весь лестничный пролет. «Обнулиться» и начать заново.

Мы знаем, что ничем не выделяющийся человек является под Божьим небом яркой и неповторимой индивидуальностью, которую невозможно выразить цифровым кодом, образом, цветом, звуком, если брать их по отдельности. Человек, несомненно, больше, чем набор информационных – математических, химических, физических, биологических и прочих составляющих, как пытается навязать нашему сознанию современная материалистическая наука.

Большинство людей ждут от жизни чего-то прекрасно-сверхъестественного, предна-

значенного только им, воплощающего самые несбыточные надежды. Но в какой-то момент событие или даже череда таких событий, которые мы не решаемся называть чудом, проходят стороной и (или) остаются незамеченными, потому как истинное значение происходящего в жизни как отдельно взятого человека, так и целых народов, известно только Творцу. Обделённость чудом, явная и подспудная тяга к потустороннему – это ли не тоска по утраченному раю? Возможно предположить, что романтики – это люди, у которых сохранилась допервобытная память – память о том состоянии, в котором находился человек до грехопадения. И всю свою жизнь они тщетно по крупицам собирают мгновения, похожие по вкусу и ощущению на те, что хранятся в реликтовой памяти, пытаюсь составить из них мозаику райских кущ. И не находя искомого, начинают принимать окружающую жизнь с едкой иронией, граничащей, а то и прямо связанной с цинизмом. Потому и посещают нашу ядовитую реальность не Ангелы, а неопознанные летающие объекты.

Переживший (по возрасту) Лермонтова, Есенина и Пушкина поэт, разумеется, не всегда циник, но почти всегда носитель угасающе-

го восхищения жизнью, лишенный достаточных средств к существованию, вынужденный рассчитывать на признание «когда-нибудь»... После смерти.

Настоящий поэт, по определению, не может быть продуктом современного ему мира, потому что он является либо посланцем неба, либо соавтором преисподней. Взаимоотторжение поэта и общества разной степени накала приводит к уже известным в истории последствиям. Противостоять этому можно с маловероятной для поэта успешностью несколькими способами: а) с оружием в руках (Пушкин, Лермонтов); б) с бутылкой на столе (большинство); в) покончив с собой... Любая попытка приспособиться приведёт, если и к выживанию физического индивидуума, то к гибели поэта духовной...

Для обретения новой реальности необходимо уволиться с работы (если таковая была), выбросить (или продать) мобильный телефон, если он есть, продать квартиру, если она не принадлежит ещё кому-то и вы не обременены семьей, попрощаться с любимыми книгами перед отправкой их в букинистический магазин и, взяв с собой стандартный набор командированного, броситься в объятья необъ-

ятной Евразии, не предполагая горячей взаимности. Исходя из степени решимости, можно оставить паспорт, трудовую книжку, военный и писательский билет. При этом гарантий на лучшую жизнь в отличие от той, которая остаётся за порогом пройденного отрезка времени, нет, но есть шанс, какого не бывает во время фатального полёта пули в вашу сторону. И тогда после вас будет кто-то, как после Александра Первого был Фёдор Кузьмич, и пусть первый оставлял следы на земле, то второй, если верить легенде, на небе.

Оставьте всё... Сделать это следует, пока вас не пристрелили, не прирезали, пока вам не пришла мысль удавиться-утопиться-отравиться-застрелиться, пока вас не купили политические партии, пока на вас не завели уголовное дело, пока любимая женщина не одарила вас разочарованием, пока у вас не перестало биться истрепанное сердце, пока последний выход из тупика не забросали могильной землёй.

Когда несоответствие внутреннего и внешнего достигло критической массы, поэт Павел Словцов так и сделал. Покидая свой областной центр, Павел сел в поезд, идущий в Сибирь, потом воспользовался редким по

нашим временам радушием дальнобойщиков, следуя по сибирскому тракту. Дальнобойщики удивлялись глобальному потеплению (еще пару лет назад здесь от мороза колеса отваливались!), Словцов что-то поддакивал, но более смотрел на скользящие за окном пейзажи.

А там стелились замерзшие болота, и морозец терпимый (градусов около десяти) высекал под полуденным солнцем на этих заснеженных равнинах разящие глаза искры. Лишь дорога грязно-серой лентой тянулась за горизонт, нигде не имея начала и конца. Только кончились за окном автомобиля редколесные болотца, как поплыли поля и луга, и вот уже сдавила с обеих сторон корявый асфальт загадочная тайга.

Был маловетренный, почти весенний, но все-таки февральский день. Недели две не выпадал снег, поэтому вокруг человеческого жилья вылез наружу разнокалиберный мусор. Небо тоже выглядело неважнецки – голубая застиранная простыня с белыми заплатками редких облаков. И только солнце набирало всепобеждающую, ослепительную силу, и оттого томительно пахло притаившейся до срока весной.

За Уватом над неровной грядой сосен стали подниматься газовые факелы, а вдоль обочины замелькали многочисленные ответвления к компрессорным станциям. Все это недвусмысленно напоминало, что основа экономической стабильности на сегодняшний день находится глубоко под землей. Стальные нити нефте- и газопроводов подобно аортам и артериям от щедрого сердца тянулись во все стороны света, гарантируя тепло, жизнь и, в том числе, движение автомобиля, на котором Павел ехал. Сошел он в конечной точке следования водителей – Ханты-Мансийске. Дальше можно было махнуть через Иртыш на Нягань, но почему-то казалось, что, совершив круг, придется вернуться назад.

3

Проснувшись утром в гостинице, отмокнув под струей горячего душа, Павел Слозцов стал листать бесплатную газету, которая была любезно оставлена персоналом на рабочем столе рядом с телевизором. Там он и обнаружил примечательное объявление. Но первона-

чально оно не вызвало у него никаких эмоций, кроме кривой ухмылки.

Подобную ухмылку вызвали у Павла и стоимость проживания, и цена завтрака в ресторане гостиницы, что вполне могли составить конкуренцию столичному размаху. После несложных сложений-вычитаний Павел осознал, что сбережений, вывезенных из средней полосы России, здесь хватит ненадолго. Именно тогда в памяти поэта стало настырно мерцать вензелечками странное объявление в центре газетной полосы. Обдумывая, следует ли посетить загадочную Веру Сергеевну и, может быть, нарваться на чью-то весьма необычную шутку, Словцов вынужденно вслушивался в горячий спор за соседним столом.

Когда он пришел в зал ресторана позавтракать, там, видимо, с раннего утра, а то и с позднего вечера обреталась весьма шумная компания. Завидев Словцова, все, как по команде, стали приглашать его за свой стол в качестве третейского судьи. Оказывается, за столом сидели русские (или, как принято из «политкорректных соображений» ныне говорить, – российские) геологи, нефтяники и представители канадских и английских фирм, промышляющих российским углеводородным

сырьем. Спор находился в стадии кульминации и происходил, в основном, между русскими и англичанами, под тихое ерничанье канадцев над теми и другими.

Суть его, как водится после ...дцатой бутылки, сводилась к противостоянию всего мира и России, а точнее: почему Европа, мягко говоря, так недолюбливает Россию. С русской стороны звучало от залихватского «моськи лают на слона» до обвинений в непонимании «русской души». Иноземцы отбивались заученным в колледжах и оксфордах: Россия рассматривает маленькие страны в перспективе своих будущих республик, русская душа, может, и есть, но она едва ли перевешивает русское хамство, граничащее с варварством. Канадцы английского и французского происхождения успевали по ходу схлестнуться между собой. Когда Европу попрекнули завязшим на Руси монголо-татарским нашествием, евро-американская «сборная» аргументов не нашла, а вот по поводу орд Наполеона франкоговорящие канадцы ответили дружным галдежом, из которого четко можно было разобрать только одно слово – Сталин. На вопросе о Гитлере они не много подкисли, в ответ на предъявленный

- 0113710-2-

Ю. ры

КО

советско-германский пакт 1939 г. кто-то из наших вспомнил мюнхенский сговор 1938 г., когда Европа сдала Гитлеру Чехословакию. А уж припоминанием бегства из Дюнкерка боевой запал французских канадцев был размазан окончательно. Все это время «третейскому судье» пытались наливать, но Словцов умело играл язвенника-трезвенника. Наконец вспомнили, зачем его позвали.

– Павел, вот ты по специальности кто? – спросил русский заводила-бородач, вероятно, пытаясь придать его будущему вердикту солидность.

Понимая, что слово «поэт» за этим столом будет, по меньшей мере, неправильно истолковано, Словцов ответил, исходя из нынешнего своего социального статуса:

– Никто.

– Nobody?!¹ – дошло даже до не знавшего русский язык важного британца, который был единственным за столом человеком в костюме и при галстуке.

– Ладно, не важно, – нетерпеливо махнул рукой бородач, – ты как трезвый рассуди. В чем тут суть?

¹ – Никто?! (Англ.)

– Рассуждать тут можно много, – отведя глаза в сторону, смущенно начал Словцов, – но суть в Конце Света. Конец Света – понимаете?

– End of light? ¹ – переспросил лощеный британец.

– Judgement Day! ² – поправил его кто-то.

– Возможно, это сугубо мое мнение, но вы хотели третьейского судью, и мнение это будет как раз третьим. Дело в том, что означенное вами противостояние России и Запада исходит откуда-то из подсознательных глубин и проявляется интенсивнее, чем противостояние Запада и Востока, несмотря на более яркую, более ощутимую разницу их культур. Так вот, с моей точки зрения, Конец Света может исходить откуда угодно, но только не из России. И все это понимают. Нутром чуют. Понимают именно на каком-то метафизическом уровне, понимают и на Западе, и на Востоке. Потому Восток к России тянется, а Запад ее чурается. Запад не знает, как поведет себя Россия, когда настанет скрежет зубовой. И мы сами не знаем... – Словцов обвел ошарашенную компанию взглядом и поторопился встать.

¹ – Конец света? (Англ.)

² – Судный День! (Конец Света!) (Англ.)

Дальше могли и морду набить. Но произошло обратное.

– That’s interesting...¹ – молвил солидный костюм.

Бородач для лучшего усвоения жахнул очередную рюмку и, занюхав кулаком, в него же утвердил:

– Затейливо, но, чую, в точку, – кулак разжался, и он протянул огромную ладонь Павлу, рука которого в ней беспомощно утонула: – Егорыч, меня все так зовут. Может, все же посидишь с нами?

– Простите, не могу, уйма дел, – не моргнув глазом, соврал поэт.

– Понимаю, – увесисто согласился Егорыч, – но если что, вот моя визитка, – он развернул огромных размеров портмоне, где обозначилась солидная пачка различной валюты. – Будут проблемы, звони на мобилу, не стесняйся, я тут многое могу.

– Спасибо, – уважительно принял визитку Словцов и поймал себя на мысли, что еще несколько дней назад он отдалился бы тощим сборником своих стихов, а, хуже того, начал бы заунывно читать их вслух.

¹ – Это интересно... (Англ.)

Он оставил компанию в отрезвляющей задумчивости, успев за время разговора съесть бутерброд, и направился в номер, предполагая совершить ознакомительную прогулку по городу, чтобы завершить ее встречей с Верой Сергеевной.

– Here, on the Siberian North we meet amazing guys ¹, – прозвучало в повисшей тишине за спиной поэта.

– Реально, – согласился Егорыч.

4

После длительной прогулки Павел вспомнил фразу из гайдаевской кинокомедии: «Стамбул – город контрастов». Здесь же «столпы цивилизации» – бетон и стекло – периодически спотыкались о деревянные лачуги. И хотя центр города напыщенно пытался напомнить собой уютную альпийскую Европу, на окраинах, помимо типовых северных двухэтажек из бруса, можно было натолкнуться даже на вагончики-«балки». В принципе, новый город наступал по

¹ Здесь, на Сибирском Севере, мы встречаем удивительных парней. (Англ.)

четко выверенному плану, не оставляя старым развалюхам никакого шанса удержаться на захваченных когда-то рубежах. Строили вокруг много, красиво и с размахом. К вечеру город – столица древней Югры – наполнился щедрым светом многочисленных фонарей, гирлянд и реклам. Более всего Словцова впечатлил мощный белокаменный храм Воскресения Христова на холме, золотые купола которого видны были со всех сторон света. Хотелось назвать его «северным эхом» московского храма Христа Спасителя, но не позволяло собственное величие этих стен, ведущая к воротам лестница из полированных плит, смотрящие в низкий северный горизонт лики изваянных в граните святителей, стоявших на вершине холма, встреча прихожан. А еще – неповторимый густой бас главного «губернаторского» колокола. Нет, у этой «музыки в камне» был свой мотив, своя поэзия. Можно только представить себе, какой простор открывался тому, кто смотрел с колокольни этого храма в сторону раскинувшегося подо льдом Иртыша, встречающегося совсем недалеко с Обью.

Здание офиса, к которому Словцов подошел в шестнадцать ноль семь, сжимая в руках газету с объявлением, оказалось вы-

чурно эклектичным. Трехэтажную хайтековскую коробку венчала черепичная крыша, а перед стеклянным входом держали бетонный козырек две колонны в стиле неоклассицизма. Самым нелепым в этой конструкции выглядел одинокий балкон на третьем этаже с витыми балясинами. Вывеска из листа белого металла над раздвижными дверьми черными буквами гласила: «Траст-Холдинг», что навскидку можно было растолковать как «доверительный холдинг». Последнее слово предполагало, что сфера деятельности компании могла быть весьма разнообразной: от ритуальных услуг до освоения космоса. В холле за стеклом угадывалась солидная рамка металлоискателя и два дюжих охранника с приплюснутыми боксерскими носами. К ним и направился Павел, пытаясь придать лицу серьезное выражение, усилием выталкивая с лица ничемную в данный момент улыбку.

– Я к Вере Сергеевне, по объявлению, – пояснил он с помощью разворота газеты.

Охранники равнодушно переглянулись одинаковыми лицами, один из них показал в сторону лестницы:

– Третий этаж, я провожу.

На третьем этаже у массивных дверей приемной с табличкой «Президент. Зарайская В.С.» охранник, сунув голову в дверной проем, что-то буркнул и жестом пригласил Словцова войти. Секретарша, будто сохранившаяся с советских времен женщина неопределенного возраста в огромных очках и невыразительном костюме серого цвета, предложила Павлу занять место в одном из комфортных кожаных кресел, сама же юркнула в дверь начальственного кабинета. «Если за ней находится такого же типа олигархша, стоит ли продавать себя ей? – озадачился Павел. – Может, ей нужен терпила для чтения нотаций?» Секретарша появилась через пару минут и, прежде чем запустить кандидата на рабство в кабинет, спросила, что он предпочитает: чай, кофе или покрепче.

– Кофе... Покрепче... И, если можно, натуральный... – взвешенно, с достоинством ответил поэт и шагнул за порог неизвестности.

Опасения оказались напрасными. Хозяйка кабинета встречала своего будущего «раба» стоя, и он был приятно удивлен слаженностью ее фигуры, пластикой движений,

напоминающих благородную плавность мемуэта, а главное – красотой точеного лица. На вид ей было лет тридцать–тридцать пять. На каблуках она была лишь чуть ниже Слоцова («Этак сто семьдесят пять», – прикинул он), и взгляды их скрестились практически на одном уровне. С такой силой, что Павлу вспомнились огни встречных машин на ночной трассе. При всей общей томности и плавных переливах низковатого и мягкого голоса она обладала ярко-синими и очень живыми глазами. Полные губы не нуждались в помаде, Слоцов угадал в ней романтика, хотя взгляд Веры Сергеевны был научен скрывать любые проявления внутреннего состояния, сохраняя при этом свойства рентгена.

«Разочарованность!» – озарило Слоцова предчувствие родственной души, но внешне он продолжал стратегию активной обороны.

– Неужели я сегодня первый? – возможно, нарушил он порядок ведения переговоров в этом кабинете и для вящей доходчивости помахал сложенной в трубку газетой у себя перед лицом.

– Возможно первый, но точно последний, – задумчиво ответила Вера Сергеевна

и предложила посетителю присесть к журнальному столику у стеклянной тонированной стены. – Клавдия Васильевна, кофе сюда...

«Не лишена дипломатичности», – определил Словцов, оказавшись и здесь с ней на одном уровне. За рабочим столом (столищем!) в начальственном кресле она, несомненно, оказалась бы на высоте. Дождавшись, когда секретарша покинет кабинет, Вера Сергеевна упрекнула посетителя:

– Ясно, что вы по объявлению, но вы даже не представились.

– Словцов Павел Сергеевич, сорок, вз-о филологическое, без взпэ, рост сто восемьдесят три, единственное увлечение – творчество, без определенного рода занятий и места жительства, – подражая текстам объявлений о знакомстве, отрапортовал Павел.

– Ирония – это всего лишь распространенная форма самозащиты, – подловила его Вера Сергеевна. – Но в вашем исполнении она мне нравится. Что вы умеете еще, кроме разговорного жанра?

– Ничего, – признался поэт, – а что, вы меня уже покупаете? Я думал, тут будет очередь кандидатов, а если бы знал, как выгля-

дит покупательница, потратил бы все сбережения на приобретение фрака...

– Спасибо, – она обезоруживающе дружелюбно улыбнулась, – но хочу, чтоб вы знали, вы единственный кандидат.

– Неужели? – Словцов сделал глоток кофе и мысленно похвалил Клавдию Васильевну – аромат настоящего напитка и бодрящая крепость.

– Все очень просто, пришлось попросить главного редактора, чтобы в тираже была всего одна газета с моим объявлением, остальные... Посмотрите, – Вера Сергеевна кивнула на пачку газет на столике между ними.

Словцов послушно открыл нужную страницу сначала одной, потом еще нескольких газет, на месте искомого им объявления размещалось совсем другое. Какая-то организация, с абсолютно непроизносимой аббревиатурой в названии, продавала кабель. Он вопросительно посмотрел на собеседницу.

– Думаю, у вас, даже учитывая краткость нашего разговора, не сложилось впечатления, что я полная дура, способная выдать в тираж на огромный регион такое

объявление. Расчет был прост: одна газета найдет одного человека, или не найдет...

– Но это же чистой воды фатализм! – изумился Павел.

– Чистой или мутной, не важно, сейчас важно другое – что привело вас сюда? Если простое любопытство, хотя что-то подсказывает мне – это не так, то вам оплатят моральный ущерб, транспортные и прочие расходы, и мы не будем отнимать друг у друга драгоценное время. Опять же, если оно имеет для вас значение...

Словцов был обескуражен. Далее предстояло говорить правду или не говорить ничего, встать, откланяться и уйти. Выбрав первое, Павел пошел ва-банк.

– Я не соврал вам, когда сказал, что на сегодняшний день я никто. Кем был? Раньше думал, что я поэт, яркая индивидуальность, по меньшей мере – незаурядная личность... Даже пользовался успехом у юных дам, – ухмыльнулся сам себе Словцов, – издал несколько поэтических сборников, отмеченных критикой со всех положительно-отрицательных сторон, на хлеб зарабатывал преподаванием в университете, где пудрил мозги студентам высокопарными словесами... Потом?

Потом наступил момент, какая-то черта, перейдя которую, хочется умереть, потому что чувство безысходности и собственной ничемности начало заполнять душу подобно ядовитому газу. Если бы я имел чуть больше веры, я предпочел бы всему монастырь. В моем же случае я просто выпрыгнул из всего, что меня окружало, в черную дыру – в абсолютно неисследованное пространство... Бросил все и уехал в буквальном смысле куда глаза глядят.

– Когда от вас ушла жена? – вдруг перебила его Вера Сергеевна.

– Три года назад. Странно, мы пережили вместе самые беспросветные девяностые, но что-то в ней надломилось. Ей обрыдла ждущая меня посмертная слава, а в настоящем – плохо устроенный быт, ну... и прочие отрицательные стороны поэтического таланта. Могу я теперь, в обмен на начало своей откровенности, услышать нечто подобное от вас. Хотя бы – что значит ваше объявление? Вам нужен раб? Или это шутка преуспевающей, но одинокой бизнес-леди?

– Правда в ваших вопросах только одно – одинокой.

– А преуспевающей?

– Не без этого. Но это заслуга покойного мужа. Я просто получила после его смерти все...

– Соболезную.

– О, это было, теперь уже кажется, в другой жизни, в конце девяностых. Знаете, Павел Сергеевич, я даже придумала, прости Господи, каламбур по поводу его смерти. Он словно оправдал свою фамилию. Ему, благодаря еще советской должности отца, удалось неплохо стартовать в условиях безумного рынка, – в то время, когда бюджетники маялись без зарплат, а шахтеры колотили касками по чему попало, мы жили, как в раю. Но ему этого было мало. Он хотел больше и не собирался ни с кем делиться. Ни с чиновниками, ни с бандитами... Ни, к сожалению, с бедными согражданами. Ну и, получается, не нравится в раю, следуйте дальше – «Зарайский»... Смерть его была ужасной, он заживо сгорел в машине вместе с водителем и охранниками. Помните это время: стрельба на улицах, точно идут бои в городских кварталах. Эпоха вторичного первоначального накопления...

– Помню. Дрянное время.

– В самом конце ельцинского правления оно коснулось и нас. Думалось, все уже по-

делили. Ан нет. Этот процесс не кончается. А время делали мы с вами.

– Вы. Я на себя такой ответственности не возьму. Оды демократии и свободе не сочинял, правда, и на улицу – выковыривать булыжники из мостовой – оружие пролетариата – не шел.

– Да и я, если так посмотреть, была в стороне, меня муж назначил заместителем по домашнему хозяйству. Но измерять меру ответственности не наша прерогатива, откуда нам знать, насколько виноваты те, кто стоял в стороне? Я только чудом не оказалась с ним в одной машине в тот день.

– Извините, – потупился Словцов, уж он-то себя героем никак не чувствовал.

– Не берите в голову. Если б он уступил тогда по вполне сносной цене одно предприятие холдинга, возможно, был бы жив.

– А вы уступили, и потому спокойно продолжаете его дело?

– Все так думают, – уклончиво ответила Вера Сергеевна, – а я и не опровергаю... – в глазах ее мелькнула недобрая стынь. – Хотя мне пришлось покинуть столицу, но об этом я еще ни разу не пожалела. Можно неплохо жить здесь, ведя бизнес в Москве, Питере, где угод-

но, хотя многие предпочитают наоборот. Мне здесь нравится. Здесь, помимо всего прочего, спокойно и тихо, нет бесконечного гламура, охоты папарацци и, в конце концов, здесь не стреляют и не взрывают. Случись здесь подобное, вся тайга встанет на уши. И потом: теперь меня в Москве принимают за нефтяную королеву, и это позволяет мне решать многие вопросы куда как быстрее, останься я в ряду примелькавшихся лиц столичных воротил. Ну, полагаю, предыстории достаточно. Вы в какой гостинице остановились?

– В «Кристалле». Не люблю больших отелей, а эта гостиничка вроде как на отшибе. Но позвольте еще один вопрос, и чем откровеннее будет ответ на него, тем нам проще будет строить свое общение. Для чего вы меня покупаете? Чтобы я заменил вам мужа?

Здесь Вера Сергеевна позволила себе рассмеяться.

– Ну что вы! Начнем с того, что я покупаю не вас. Я покупаю ваше время. Для чего будет составлен специальный контракт, детально определяющий ваши обязанности и зарплату. Заменить моего мужа пытались и хотели бы многие. Но при этом они не прочь были заменить, собственно, меня. Да и мужики

мне все время попадались то сплошная гора амбиций, то беспробудный тупица этакой колхозной закваски, то скрытый тиран, а то и вообще – мужчина только по половому признаку. А хотелось бы иметь друга. И хотелось бы, чтобы этот друг заслонил меня от остальных... претендентов. Мое одиночество мне дороже. В сущности – мое одиночество – это и есть я. Я его заслужила! И мне нужен человек, который поможет сохранить мне этот статус кво. Деликатно, но железобетонно...

– Но вы же прекрасно понимаете, что дружбу купить невозможно. Хотя это больше похоже на хитро замаскированную службу эскорта...

– А я не покупаю дружбу, с чего вы взяли? Я, вынуждена повторить, нанимаю собеседника. На-ни-маю, – разбила по слогам, как будто нежно вбила гвозди. – А уж кому, как ни филологу, этим заниматься? И это не совсем эскорт. Вы мне поможете оставаться собой, при этом даже мои близкие друзья... – она ненадолго застопорилась, подбирая слова, – должны считать вас моим мужчиной. Вас это не смущает?

– А вы не это?.. – не решился выговорить Словцов.

– Не лесбиянка, – договорила за него она. – У меня всего лишь одно отклонение. Буду откровенна: я уже не понимаю – для чего живу, но я не хочу, чтобы меня тревожили... Подозрениями, предложениями, навязчивостью. Ни в Москве, ни в Ханты-Мансийске, где я надеялась хоть как-то скрыться, уединиться. Тем более что в столицу я могу летать отсюда хоть каждый день. Но, как выяснилось, те, кто не желают меня оставить в покое, тоже могут прилетать сюда. Мне, в таком случае, лучше иметь... нанятого друга. Если вас или меня что-то не устроит, мы полюбовно расстанемся, при этом вы в накладе не останетесь.

– Да меня, собственно, этот вопрос волнует постольку поскольку, – смутился Словцов.

– Вот и давайте решим по... сколько. Составленный моими юристами проект договора подразумевает срок первичного контракта на год. Разумеется, я вправе разорвать его в любое время, сами понимаете...

– Понимаю, – кивнул Павел.

– Но в этом случае вы получите значительную неустойку в зависимости от проработанного срока. Контракт предусматривает

ежемесячную оплату в сумме десять тысяч долларов, чтобы вы не чувствовали себя стесненным и зависимым, а по истечении срока – красивая и любимая телевизионщиками цифра – миллион. Если, конечно, – она с сомнением улыбнулась, – вы выдержите условия контракта, сроки и прочую мороку, которую придумали мои юристы, чтобы этот миллион вам не заплатить.

У Словцова неприятно закружилась голова, и это не осталось незамеченным Верой Сергеевной.

– Вас шокируют цифры?

– Не то слово... Еще месяц назад я не мог найти ста тысяч рублей на издание сборника своих стихов. В мягком переплете... На газетной бумаге...

– Издавайте! Кто не дает? На свои собственные!

– Но что я должен буду делать за такие деньжищи?

– Ничего предосудительного. Жить в своей половине дома: спальня, кабинет, собственный санузел. Со мной вы будете завтракать, ужинать, смотреть телевизор, если будет время, ездить в командировки, опять же – если потребуется, и, вполне возможно, –

на отдых. Короче – бывать в так называемом светском обществе.

– Ага, что-то подобное предлагают модельные агентства для сопровождения бизнесменов. Я же сказал – эскорт.

– Ну, думайте, как хотите, а работать будем, как получится.

– И вы не боитесь, что я могу оказаться не тем, за кого себя выдаю?

– А вы? Помимо всего, предпринимая подобный шаг, я продумала все детально и, разумеется, подстраховалась. Но, это уже вас не касается. Итак... Попробуем?

– Рискнем, – Павел сам удивился своему решению, но что-то в этой женщине, в ее плавных движениях, в ее мягком альте завораживало и притягивало... – Но, боюсь, я вас разочарую.

– Это уже не ваша забота. Главное, чтоб через неделю не сбежали вы, Павел.

– Мне некуда, – улыбнулся Словцов.

– Сейчас вас отвезут в гостиницу, заберите вещи, и вас доставят, скажем так, к новому месту работы и проживания одновременно. Охранник Володя вам все покажет и объяснит. Деньги нужны?

– Нет. Я все же не последний бомж, а бывший кандидат филологических наук.

– Надо снять копию с вашего паспорта.

– Будете наводить справки? – Словцов протянул документ.

– Не без этого, конечно, – призналась Вера Сергеевна. – Да, там вас встретит домработница, не пугайтесь ее хамоватых манер. Это бывшая любовница моего мужа.

– Вы так спокойно об этом говорите?

– О! Я не только об этом могу говорить совершенно спокойно, – круги, в которых я вращаюсь, предполагают груду камней за пазухой при ангельском выражении лица.

– У Ангелов в храмах лики весьма суровы... – вспомнил Словцов.

– Никогда об этом не задумывалась... Ну, да ладно, домработницу зовут Лиза. Постарайтесь поменьше обращать на нее внимание и сразу возьмите за правило требовать от нее все, что вам нужно.

– Попробую, – пожал плечами Павел.

– Итак, мы с вами идем ва-банк! Есть какая-то прелесть в неожиданных и, казалось бы, безумных, лишенных расчета решениях, – задумчиво улыбнулась Вера Сергеевна.

– Есть, – согласился Словцов, – я уже вхожу во вкус. Во всяком случае, это второе

подобное решение за последнюю неделю. «Есть упоение в бою», – вспомнил он и процитировал с должной мерой сарказма.

– Может, для оптимизации наших отношений перейдем на «ты»? – и сама поморщилась от этой самой «оптимизации».

– Для этого, вроде, требуется время или, по меньшей мере, брудершафт.

– Брудершафт? Хоть сейчас. А вот времени мне всегда катастрофически не хватает.

– Есть одна проблема. Я не пью, в том числе на брудершафт.

– Совсем не пьешь?

– Крайне редко. Богемная жизнь выработала у меня стойкое отвращение ко всем видам алкоголя. Во мне и так выпитая бездонная бочка. Ты меня за это не уволишь?

– Нет, даже интересно. А ты не будешь против, если я иногда буду себе позволять?..

– Я имею право слова?

– Как начинающий друг.

– М-да... – усмехнулся Павел, – мне приходилось быть начинающим преподавателем, начинающим поэтом... Но я так и не смог «начаться» в полную силу. Таких, как я, Вера, зовут неудачниками, слабаками, размазней... А ты меня за такие баксы хочешь купить.

– Но они же зеленые... Так что за начинающего зеленого «зелеными» – можно.

– У друга есть одна просьба, – на пару секунд Словцов замялся, – только не называй меня «Пашей». Не нравится мне это упрощенное звучание апостольского имени.

– А Павликом под хорошее настроение можно? – озорная искра выскользнула из-под синей поволоки взгляда.

– Можно...

Уже на лестнице Павел остановился в раздумьях. Пришло на память из истории Древней Руси. Рядовичи – временно обязанные люди, заключавшие «ряд» с господином. Не оттуда ли слово «рядовой»? И никак не мог вспомнить, на каких условиях, при каких обстоятельствах рядович мог превратиться в холопа. С одной стороны, Павел Сергеевич Словцов всего-навсего заключил пока что устную сделку, а договор, видимо, предполагалось подробно обсудить в домашних (рабочих?) условиях; с другой, – он вступал в какую-то неясную игру, затеянную богатой дамой. Странно, внешне никакой экзальтации она не проявляла. Да ни к какому «экстриму» Словцов и не был готов. Все, чего он искал, заключалось в слове «покой». В голосе, внешности, в движениях Веры Сергеевны

«покой» присутствовал как основа, главное содержание ее личности. На Востоке такой основы добиваются длительной медитацией, а госпоже Зарайской она была дана от природы. И Павел уже не чувствовал в себе сил свернуть в сторону.

Сейчас к нему подойдет один из охранников по имени Володя... Но еще можно от всего отказаться. Ксерокопия паспорта ни к чему не обязывает. В конце концов, Павел успокоил себя тем, что, «выбрасываясь из окна старой жизни», он абсолютно не предполагал никакой другой. А значит, обретая нечто новое, ничего не терял, ибо прошлое вызывало в душе неиссякаемую тоску да, к тому же, обиду на самого себя.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

«Ну вот, первую глупость за сегодняшний день сделала, – подумала Зарайская, когда за спиной Словцова закрылась дверь, – хотя мужик-то вполне приличный, даже симпатичный. Конечно, судя по внутреннему настрою, размазня, но, главное, голова на месте... Ну не искать же себе партнера по одиночеству на дурацких вечерах “для тех, кому за тридцать”?!»

Минут десять она пребывала в созерцательной задумчивости. Последний год принес Вере Зарайской, помимо космических прибылей, «синдром выгорания на работе», новые неприятности со старыми врагами, полученными по наследству от покойного

супруга, вымораживающее душу одиночество и парадоксальное желание уединиться еще больше. Ленка Солянова, подруга еще со студенческой скамьи, узнав о том, что Зарайская намерена бросить все и куда-нибудь уехать «доживать, проживая заработанное», запричитала: да разве так можно, да многим бабам во сто крат хуже, да найди ты себе приличного мужика, вон сколько женихов к тебе в очередь стоят!.. Но невозможно было объяснить подруге, что даже «человека-интерьера» Вера опасалась, ибо привычка быть одной была куда сильнее, чем здоровый интерес к противоположному полу. При этом ей были одинаково противны налитые мышцами идиоты и самовлюбленные удачливые бизнесмены, в то время как очкарики-«ботаники» пугали собственными внутренними противоречиями. Ленка же все понимала по-своему и настаивала: в конце концов, просто найди товарища по несчастью, такого же одинокого. На замечание о том, что все они, по меньшей мере, стремятся, если не к завладению капиталами холдинга, то к объединению их со своими собственными, Ленка сказала следующее: а ты купи себе нормального (это какого? где такого взять?) мужчину! Ну

не купи, так найми. Чтобы развеял или защитил уже состоявшееся одиночество. И сделай это, исходя из элемента случайности. Купи свою полную противоположность! Хватка-то у тебя есть! А уж то, что любой нормальный по половому признаку мужик западет на Веру Зарайскую, Ленка гарантировала так, что готова была поставить на кон свою парикмахерскую для vip-персон. Она же придумала объявление в одном-единственном экземпляре и договорилась с редакцией. Сама Елена Солянова была счастлива замужем за теперь уже бывшим военным летчиком, в отличие от бездетной Зарайской воспитывала троих детей и еще умудрялась завидовать подруге, сетуя в сауне на свою потерявшую форму фигуру. Когда Виктора, мужа Лены, отправили в отставку, она без лишних раздумий согласилась рвануть на Север, где ей предстояло воплотить свою давнюю мечту: открыть кофейню или парикмахерский салон. На деньги Зарайской ей удалось и то, и другое.

– Сработало, – сказала Вера, набрав номер мобильного Соляновой.

– Кто он?! – радостно выкрикнула Ленка в ответ.

– Поэт, – усмехнулась Зарайская, а далее процитировала самого Словцова, – Словцов Павел Сергеевич, сорок, вз-о филологическое, без взпэ, рост сто восемьдесят три, единственное увлечение – творчество, без определенного рода занятий и места жительства... И это... кандидат филологических наук.

– Во какой нынче народ на дорогах валяется, – изумленно резюмировала Ленка. – Он согласился?

– Вроде да.

– Когда покажешь?

– Давай завтра вечером, сегодня хочу сама к нему присмотреться.

– Ну он хоть не урод?

– Да нет, но и не голливудский красавец. У него в уголках глаз такие морщинки вразлет, что, кажется, он ко всему на свете относится с иронией.

– Лишний вес?

– В норме.

– Мне не терпится посмотреть.

– Потерпишь. Если окажется не то, я тебе его отпишу актом безвозмездной передачи. Будешь стричь в парикмахерской. За такие деньги хоть налысо!

– Налысо сейчас модно. Может, действительно, пошлешь его мне в салон, сделаем из него человека...

– Успеется. Ну, пока, мне еще Астахова озадачить надо.

Через минуту после вызова в кабинете появился агент для специальных поручений, начальник охраны, полковник КГБ в отставке, Андрей Михайлович Астахов. Вера Сергеевна положила перед ним на стол ксерокопию паспорта Павла Слоцова.

– Вот, Михалыч. Узнай все.

– Сроки?

– Чем быстрее – тем лучше. И полная конфиденциальность.

– Первое – постараюсь, второе – профессиональное. Еще что-нибудь, Вера Сергеевна?

– Ничего.

Когда за начальником охраны закрылась дверь, Вера велела по селектору никого к себе не пускать и погрузилась в глубокую задумчивость. Легкий озноб заставил ее поежиться и с надеждой посмотреть на невыпитую при Слоцове рюмку коньяка, но вставать с кресла и идти к журнальному столику не хотелось. Мысли о том, какую странную и

нелепую она затеяла игру, путались в голове с планом работы на день. До последнего мгновения она не верила в то, что кто-нибудь по этому сумасшедшему объявлению придет. Это у Соляновой постоянная игра в судьбу и постоянные жалобы на мужчин, хотя жаловаться ей, собственно, не на что, кроме своей ипохондрии. Но появление Словцова спутало все и на чудо мало было похоже. Принц примчался не на коне, оказался не принцем, но вполне, на первый взгляд, респектабельным человеком. Что там еще Астахов накопает? Лишь бы не псих...

– Я покупаю себе друга, – с расстановкой, по слогам, произнесла Вера, словно пробуя эту фразу на вкус. И с чувством безгливости выплюнула непонравившийся «продукт»: – Абсурд!

Не поздно было позвонить на мобильный охраннику Володе, который сейчас вез Словцова в гостиницу, попросить его извиниться перед человеком, выплатить компенсацию и... Хотя, в конце концов, хоть что-то в этой жизни изменится, успокаивала себя Вера и приняла твердое решение вести себя дома так, как она вела себя до появления в нем Словцова, пусть видит госпожу Зарайс-

кую со всеми ее достоинствами и недостатками. Оставался еще один щекотливый момент: как воспримет появление Словцова московская бизнес-элита, которая по ночам купается в грязи, но днем блюдет незыблемые правила приличия? Мало того, что Словцов явный чужак, буквально инопланетянин в этом кругу, его еще придется представлять как друга. Можно, конечно, придумать какую-нибудь легенду о совместном посещении детского сада, но отчего-то хотелось полезть на рожон. Плевок общественному вкусу?..

Особенно тяжело будет с москвичами. Эти придумали правила тусовки, да и само это дрянное слово. Богатые сомнительные типы, ласково называющие Веру «сестричкой»; легализовавшиеся братки, умеющие различать только самок и самцов, сильных и слабых, даже если они выучили несколько слов для общего развития; прорвавшиеся в бизнес чиновники и прорвавшиеся к власти бизнесмены – не разлей вода братья; бывшие комсомольцы, раскинутые веером по партиям и одномандатным округам; вездесущая элита шоу-бизнеса; не вылезающая из телевизора элита творческая или считающая себя таковой; олигархи – скрытые бонапарты; и тыся-

чи подручных и попутчиков... Все эти годы Вера умело лавировала между ними, как недоступная золотая рыбка, проходила на цыпочках по стыкам их интересов, умело уворачивалась от криминальных сделок, ускользала из липкого тумана ночных клубов, по-разному отбивалась от непристойных предложений и, в конце концов, заработала себе имидж недоступной светской львицы с мягкими манерами и жесткими принципами. Правда, от этого количество желающих поживиться ее капиталами, а заодно и ею самой не уменьшилось, просто в очередь выстроились самые амбициозные. Таких – поэтом не напугаешь. Львице придется рычать самой. Да уж, эти принципы... И теперь предстояло соединить с этими принципами появление Словцова.

Да, в сущности, не наплевать ли? Ходить под ручку с «качками» нынче выглядит как атавизм. Приближать к себе партнеров по бизнесу вредно и для бизнеса, и для здоровья. А выйти «в мир» с таким «полуботаником»-филологом, во всяком случае, не глупо. Как говаривала одна небедная подруга, «мне нравятся умные мушкетеры, надоела неприкрытая физиология». По крайней мере, перестанут распускать слухи, что у светской львицы

в фаворитах охранники, водитель, и прочую несуразицу. Подумав об этом, в который раз ужаснулась тому миру, в котором жила.

Вера вспомнила себя начинающей учительницей географии в средней школе. География тогда не успевала перекраивать карты расползающейся по швам державы. Зарплата учителя являлась одной из лучших насмешек над человеческим достоинством. И всякий рядовой гражданин почившего СССР, бывший некогда винтиком огромной государственной машины, жил с чувством приближающегося конца света. Время дурацких малиновых пиджаков... В том числе и за эти пиджаки она ненавидела «новых» богатых. Не к кому было пойти, когда отцу требовалась срочная операция и на нее нужны были немалые деньги. Понимая это, он вернулся из больницы домой, в трехкомнатную хрущевку, чтобы умереть на любимом диване лицом к стене, спиной ко всему миру.

Геorgia Зарайского Вера встретила по дороге с кладбища на сороковой день. Просто не поместилась в старенький соседский «москвич», пришлось, как самой молодой, идти на автобусную остановку. И оказалась

там в полном одиночестве, ибо рейсовый только что ушел, а следующий предвиделся где-то через час. И тогда, лихо визгнув тормозами, буквально у ее ног замер черный и строгий, как ее платье, «Мерседес». Из салона выглянул внимательный джентльмен с цепким взглядом.

– Могу я вас подвезти? – учтиво спросил он.

– Предпочитаю общественный транспорт, – сухо ответила Вера, прокручивая в уме случаи, куда увозят такие машины неосторожных девушек.

– На мне что, малиновый пиджак? – усмехнулся Зарайский, словно прочитав мысли Веры. – Неужели нельзя просто принять руку помощи? Да, признаюсь честно, вы мне сразу и очень понравились, но это не значит, что я начну к вам приставать. Меня зовут Георгий. Садитесь же, в конце концов!..

И Вера села. По дороге разговорились. Георгий приезжал на кладбище на могилу матери. Узнав о смерти Вериного отца, предложил любую помощь. Доставив ее на Кавказский бульвар, с явным сочувствием взглянул на блочную пятиэтажку.

– Не хотите перебраться в высотку в центре? – спросил он.

– Каким образом?

– Просто. Выходите за меня замуж.

– Вот так сразу?

– Вот так... Но можно не сразу... Вдруг я вам противен.

Нет, он не был противен, более того, был благороден и предусмотрителен, был нежен и заботлив, но со стороны Веры это не было любовью с первого взгляда. Да и подчеркнутая галантность Георгия исчезала, когда он погружался в свои дела, бесконечные и часто кровавые разборки, отчего кладбище приходилось посещать чаще театра.

Вера вдруг вспомнила, что Зарайский просил не называть его Жориком, лучше Гошей... А этот: «Только не называй меня Пашей. Не нравится мне это упрощенное звучание апостольского имени». О как! Вот тебе и параллель. А говорят, они не пересекаются. Ну, если верить, что женщина – это космос... Астахов разберется в этой симметрии-геометрии.

2

Буквально на второй день после смерти Георгия Вера поняла, что такое «звериный оскал» нынешнего жесткого и жестокого бизнеса. После трудного дня, когда зрение никак не могло сфокусироваться от выплаканных слез а руки дрожали и не слушались, в ванной комнате ее догнал телефонный звонок.

– Доброе утро, Вера Сергеевна, – ядовито-вежливо пропел баритон на другом конце провода.

– Кому как, – не согласилась Зарайская.

– Да, примите мои соболезнования. Потому и звоню, что с покойным Георгием Михайловичем у нас остались очень важные незавершенные дела. Он как раз сегодня собирался подписать документы о продаже части акций одного предприятия...

«Именно того, за которое его убили», – завершила мысль Вера и при этом испытала дикий приступ тошноты от страха, но быстро пришла в себя и с этого самого первого момента решила, что страх нужно преобразовывать в злобу и ненависть, а затем давать ему волю.

– А если я откажусь от сделки? – холодно спросила Зарайская, прощупывая противника.

– Такой вариант, конечно, возможен, но, вы сами понимаете, продуманы штрафные санкции. Нужна ли вам сейчас вся эта юридическая казуистика? Предприятие и так находится вне зоны влияния холдинга, – это был прямой намек, – удерживать его дорогого стоит, а наша фирма платит хорошие деньги.

Вера прекрасно понимала, что оказаться в горящей машине следом за мужем – дело не хитрое, еще проще – удар по голове в темном переулке, но знала и другое, если тебя «прогнали» в первый раз, обязательно «прогнут» и во второй. Причем круг желающих будет расти соответственно тому, как ты сдаешь свои позиции.

– Это война, – часто повторял Георгий, – где даже пленных не берут. Говорят, когда-то наступит цивилизованный рынок, но расти он будет на почве, щедро удобренной мертвечиной. Никому не верь, Вера, – печально каламбурил муж.

– Давай отдадим им все, мы и так в раю, – пела совсем в другой тональности Вера, – зачем нам? Лучше бы детей нам Бог дал.

– Кому – им? – вспыхивал Георгий. – Ты не представляешь, сегодня они богатеют, а завтра – управляют! Но у них за душой пустота, гниль, мразь, свинство! Это скарабеи! Маргиналы, даже если у них папа – секретарь райкома, а мама – зав. торговой базы в счастливом прошлом... Вот кому ты хочешь уступить, в том числе собственную жизнь.

– Но ведь ты играешь по их правилам? – смущенно напоминала Вера.

– На их поле, – поправлял Георгий, – но по своим правилам. По правилам войны: стреляют в тебя – стреляй в ответ, не предавай союзников, помни о тех, кто кует тебе победу, подбирай достойных полководцев и не жалеешь денег на военную технику...

– Да зачем мне все это? – отмахивалась Вера, следуя на кухню или садясь с книгой в библиотеке, где проводила основное время.

Теперь стало ясно, зачем.

Изобретательный Астахов придумал схему, по которой конкуренты получали требуемое, а Вера обретала покой на то недолгое время, пока устроится их замысел.

Зарайская начала сворачивать бизнес в Москве, собираясь покинуть столицу. Следователи посетили ее всего один раз, спро-

сив, почему она на второй день после смерти мужа уступила крупнейшее предприятие по явно заниженной цене, но были удовлетворены ответом о последней воле покойного. Вера Сергеевна в этот момент больше всего походила на испуганную и оставленную всеми дамочку, имеющую единственное желание – уехать куда-либо с остатками наследства. Под эту легенду пришлось продать еще несколько элементов холдинга, но мало кто знал, что вырученные средства через подставных лиц вложены в бизнес и строительство дорог на Севере. А Вера, посещая элитные клубы исключительно в черном и жестко отбавивая женихов-воздыхателей, скупала офисы за Уральскими горами и аккуратно интересовалась перспективными месторождениями углеводородного сырья, необъятными лесными просторами в Сибири и на Дальнем Востоке. Надо сказать, что горе, как безошибочный тест, проявило всех псевдодрузей и явных недругов. Легенда о поступательном разорении холдинга Зарайского, о том, что он идет с молотка, позволила увидеть истинные лица тех, с кем еще вчера Георгий Михайлович играл в теннис, ходил в сауну, планировал совместные предприятия.

Всю цепь событий держал в руках верный Астахов. Зарайский вытащил полковника Астахова из «Матросской тишины» после августа 1991 года. Если крупных путчистов освободили под громкую (на всю страну) амнистию, то их подельников средней руки решено было провести через серию назидательных процессов, увольнений и прочих лишений прошлых заслуг. Первые, разумеется, забыли о вторых, но вторые не забыли первым их отступничества. Зарайский в буквальном смысле выкупил Астахова за слегка астрономическую сумму у нарождающегося демократического правосудия, потому что он был другом родителей.

– Гоша, я тебя никогда не предам, – сказал пьяный, но честный Андрей Михайлович Астахов.

И Гоша сделал Андрея Михайловича вторым человеком в создаваемом раю. Учитывая его опыт и отношение к криминальному беспределу, Астахова он назначил руководителем службы безопасности, одновременно удалив всех, кто предполагал работать «по понятиям», а не по долгу службы. И бывший полковник создал в холдинге безупречную систему безопасности.

Но против «Таволги» ребята ничего сделать не успели... Реактивная граната превратила бронированный «Мерседес» Зарайского в факел. Самое досадное, что исполнители, в суматохе оказания машиной сопровождения бессмысленной первой помощи, успешно ретировались, оставив бесполезную – без отпечатков пальцев – стеклопластиковую наводящую трубу в полукилометре от засады.

Уже на следующий день Астахов подал Вере Сергеевне рапорт об отставке, который был разумно отклонен. Вместо него бывшая учительница средней школы, а ныне госпожа Зарайская, потребовала подробный план дальнейших действий. В результате его исполнения убийцы Зарайского были устранены. Их наследники, хоть и получили часть холдинга, но даже помыслить не могли, что столкнулись с местью испуганной и печальной женщины с подчеркнуто мягкими манерами. Поэтому стали искать сильных врагов, начиная по ходу новые локальные конфликты за передел собственности. После того, как всем сестрам было выдано по серьгам, Вера Сергеевна с чувством омерзения покинула столицу, чтобы начать жизнь с чистого листа. Но совсем с чистого не получилось. Сто-

личная тусовка, держа нос по ветру, а значит, ощущая прибыли от углеводородного сырья, стала появляться в новом офисе Зарайской с кучей предложений, как из одного рубля сделать триста. Вере пришлось снова играть на чужом поле.

Во всей этой заварухе было только одно слабое звено. Снайпер. Пришлось нанимать из бывших сослуживцев Астахова. Человек этот, по кличке «Справедливый», был очень необычный, замкнутый, прошедший все возможные войны и конфликты. Главным условием его работы было предоставление полной информации об «объекте» и основаниях приговора. У Веры Сергеевны он потребовал только оплаты накладных расходов, полностью отказавшись от огромного гонорара. «Земля круглая, – сказал он по телефону, – вдруг и мне понадобится ваша помощь. Могу я на нее рассчитывать?» Вот так ненавязчиво в друзьях у Веры оказался киллер, который, кстати, ничем не напоминал о себе. До сегодняшнего дня... «Упаси Бог, чтоб вы еще раз понадобились мне», – подумала тогда Вера Сергеевна.

3

Астахов принес отчет по Словцову к вечеру.

– Резюме, как у новорожденного, – подытожил он письменный доклад, – не был, не привлекался, родственники на оккупированной территории не проживали. Удалось добыть пару сборников его лирики. Читать будете?

– Разумеется.

– Автореферат кандидатской диссертации нужен?

– Оставьте. Что еще, Михалыч?

– Всплыл Справедливый. Думал, уже в живых его нет, а он объявился.

– Прямо здесь? В городе?

– Пока по телефону.

– Чего он хочет?

– Ему надо где-нибудь отлежаться.

– Так я и знала, что когда-нибудь он притянет за собой грязный след. Но делать нечего, я у него в долгу. Сними ему, Михалыч, какую-нибудь фазенду на окраине, заполни холодильники съестными припасами и попроси беспокоить нас только в экстренных случаях. Интересно, где он наследил?

– Известно где, в Москве.

– Так, Гочишвили... Ты, думаешь, он?

– Почти уверен.

– А кто заказчик?

– Справедливому иногда заказчик не нужен, у него совесть может быть заказчиком. Хотя, кто его знает? Он из тех, что и на костре инквизиции прикурить попросит.

– Еще «приятные» новости есть?

– Объявился ваш столичный воздыхатель и старый друг Хромов. Бьюсь об заклад, опять будет свататься. Сейчас отмокнет после ночных возлияний в сауне гостиницы «На семи холмах», потом ждите его в гости.

– Кто бы ему его самомнение в этой сауне ошпарил. М-даа... – поджала губу Вера Сергеевна, – а тут у меня Слоццов. Хромов явится ко мне не только в кабинет, но и домой. Кстати, это, с одной стороны, хорошо, Слоццова – сразу «на работу», хотя и придется придумывать ему легенду. Думала, хоть немного посмотреть на него со стороны, но Юра Хромов сразу кинется на абордаж, а появление поэта в моем доме, во всяком случае, введет его в замешательство. Ты-то хоть меня за эту глупость не ругаешь?

– Нет. Да и лучше так, чем знакомство в этих помойных столичных клубах.

– Спасибо за понимание, Михалыч. Не будь у тебя жены-красавицы и трех детей, я бы стала с тобой флиртовать. А что? Рыцарь плаща и кинжала и женщина-вамп...

– А я бы не стал, Вера Сергеевна.

– Что, не в твоём вкусе?

– Нет, просто сначала надо поменять работу. Кстати, я тут поэта вашего малость почитал. О женщинах он толково пишет. Наверное, сердцеедом был. Вы, вообще, с ним надолго? – потупил взгляд Астахов. – Его самого взять под охрану?

– И под наружное наблюдение, но ненавязчиво. На шпиона он точно не тянет.

– Согласен, чутье подсказывает. Эх, если б я еще гранатометы за полкилометра чуял...

– Брось, Андрей Михалыч, не кори себя, восемь лет прошло... Супермены в Голливуде, а у нас простые люди, – срифмовала она. – Знаешь что, огромная просьба, организуй мне сегодня тихий домашний вечер, чтоб никакие бизнес-планы, чтобы Хромов со своим «Хеннеси» и пошлым букетом алых роз, чтобы никто... Сделаешь?

– Постараюсь, – смутился Астахов. – Не бойтесь, что Лизонька вашего поэта до вечера со всеми его рифмами проглотит и выплюнет?

– Я его предупредила, но пусть для него это будет первое боевое крещение. Я же на работу его наняла, а не на покой.

– И зачем вы ее держите?

– Сама себе удивляюсь, Михалыч. К ней привыкаешь, как к яду в малых дозах.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Охранник Володя понравился Слобцову с первых же минут. Есть такие люди: от них на всю округу веет природным добродушием, они жизнерадостны и подчеркнуто вежливы. Внешне он ничем не напоминал суровых верзил, охраняющих тела. Напротив, имел телосложение аскета, зато весьма цепкий взгляд, и для него не осталось незамеченным, что Павел глянул на него с некоторым сомнением.

– Да, я не мастер спорта по бодибилдингу или вольной борьбе, – приветливо улыбнулся он, – я только чемпион России по пулевой стрельбе.

– А я – Павел Слобцов – вообще никто. На сегодняшний день – официальный друг Веры Сергеевны, – реабилитировался поэт.

– Ну, это уже немало. А для меня это вообще все.

Они сели в машину. И уже в салоне охранник протянул руку:

– Меня зовут Владимир Среда...

На вид ему было лет тридцать. Выглядел он скромно, был не коротко, но аккуратно подстрижен.

– Среда?..

– Да, это не кличка, фамилия. Мама с детства говорила: будешь, Володя, ты у нас посередине. Так и получилось. Кажется, что посередине должно быть такое состояние покоя, а получается – стоишь в толпе, давят со всех сторон сразу, если слабый – раздавят и забудут. Даже тем, кто впереди, проще. На них, если давят, только сзади или снизу, потому у них только один путь остается – вперед или вверх. А вот последним иногда не остается – только давить. Хотя, если пораскинуть мозгами, они из эгоизма своего, из зависти давят, а то и от тупости. У них-то путей в три раза больше. Просто повернулся на сто восемьдесят градусов, и це-

лый мир перед тобой, а не спины более удачливых граждан.

– Целая философия получается, – задумался Словцов, – «отфамильная». Я, выходит, из тех последних, из тех, кто догадался повернуться на сто восемьдесят...

– Во-во! Еще только успел повернуться, а уже столкнулся лицом к лицу с первыми. Вроде как круг получается...

– М-да... Это первое лицо мне понравилось.

– Вера Сергеевна? Красавица и умница!

– «Комсомолка, активистка, понимаешь», – улыбнулся Павел, цитируя известную кинокомедию.

– Щас вас там Лиза встретит...

– Предупрежден.

– А, ну тогда, значит, шока не будет, и я могу не оставаться у ворот в ожидании, что через минуту вы с сумками выкатитесь на улицу и помчитесь в аэропорт.

– Вдруг с сумками выскочит незабвенная Лиза, – напыжился Словцов.

– Вот это вряд ли. Уж если ее Шахиня, простите – Вера Сергеевна, не может выставить...

Словцов ухватился за новую цепочку знаний.

– «Шахиной» Веру Сергеевну все подчиненные зовут?

– Нет, в основном охранники и водители, по большей части мужская составляющая коллектива.

– Это связано с какими-то ее особенностями, манерами?

– Да нет. Просто однажды к ней сватался один богатющий и влиятельный кавказец. Так он все называл ее «шахиня моя». Привез с собой роту нукеров, целую гостиницу заняли и доставили массу неприятностей ОМОНу своим непосредственным поведением.

– И она ему отказала?

– Ага, она-то «Шахиня», а он бывший тракторист совхоза «Красная Гора». Обычный алчный самец. Образование – три класса, хотя считать умеет до нескольких миллионов. Приехал с полной уверенностью, что Вера кинется к нему в объятия, а город превратится в его аул.

– А вы, Володя, судя по речи, вовсе не по мишеням учились.

– Будете смеяться. Я окончил музыкальное училище по классу фортепиано, а потом

еще исторический факультет университета. Правда, по полученным специальностям мне работать не приходилось. Ребята ко мне часто прикалываются: что ты нам Бетховена, ты нам «Мурку» слабай!

– А можете Бетховена?

– Да могу, конечно, хоть и сажусь за инструмент редко. Мечтал в ансамбле играть, но мне тренер по стрельбе сказал, что я одним указательным пальцем любого Баха разбабахую. Да и выбора особого не было... Сессии сдавал в тире.

– А я вот и не выбирал ничего. Стихи писал. Даже несколько книжек вышло, – признался Павел.

– Круто.

– Да ничего особенного. Кому теперь нужны стихи?

– Не скажите! Вот я своей Светланке признавался в любви в том же тире. Семьюдесятью пулями написал: я тебя люблю. А она мне так, будто каждый день такое видит: а стихами можешь? А стихами я не могу. Вот такая проза жизни.

– Но в итоге, я понимаю, замуж она за стрелка вышла.

– Вышла, – широко улыбнулся Володя.

Между тем они въехали в район, сплошь состоявший из разномастных коттеджей-особняков. Многие были недостроены, но почти все претендовали на эксклюзивность. Хозяева явно соревновались. Примечательно, что на въезде стоял опорный пункт милиции, откуда машину внимательно осмотрел постовой сержант.

– Шанхай, – пояснил Володя, повернув к огромным стальным воротам, окрашенным серебристой краской.

Маленький пульт в его руке гостеприимно распахнул ворота, открывая весьма внушительную парковку, внутренний двор с хозяйственными постройками, летнюю беседку, стоящий в углу мангал и витые чугунные фонари с круглыми плафонами-головами вдоль очищенных от снега дорожек.

Сам дом – трехэтажный особняк красного кирпича – стоял в центре двора. С разных сторон кирпичной ограды на него целились камеры видеонаблюдения, крыльцо представляло собой открытую веранду, где летом легко можно было устроить чаепитие для большой семьи. Даже в этом районе престижа и броского благополучия дом госпожи Зарайской возвышался над другими красной черепичной кры-

шей, из которой поднималась труба вытяжки то ли камина, то ли кухни. «Сколько стоит содержать такую махину?» – невольно озадачился Словцов. Ему предстояло войти в совсем другой мир.

У ворот их встретил другой охранник. Он перекинулся парой слов с Володей и окинул цепким взглядом Словцова.

– Удачи, – подмигнул Володя, протягивая Павлу руку.

Было в его пожелании что-то неподдельно дружеское, и Павел с благодарностью принял рукопожатие.

– А книгу со стихами и автографом для моей Светланы как-нибудь сделаем? – смущаясь, попросил Володя.

– Обещаю, – заверил Словцов.

Володя нажал кнопку домофона, и на крыльце появилась молодая особа в ярко-красном спортивном костюме. Въедливым холодным взглядом она просверлила Павла насквозь и, недовольная его явно аскетическим видом, демонстративно повернулась к двери.

– Это друг Веры Сергеевны, – предупредил Володя.

– Да мне хоть папы Римского, – не обращившись, ответила девушка, потом вдруг ос-

тановилась, глухо хохотнула и все же повернулась: – Его, случайно, не Пьер Ришар зовут? Очень похож на игрушку...

– Его зовут Павел Сергеевич, он, между прочим, поэт, – заметил Володя, подавая Слоvcову сумку из багажника.

– А, ну значит, будет оды нашей Шахине писать. Омар Хайям.

Словцов на всю эту словесную пикировку никак не реагировал. Он сразу понял, что Лиза относится к той категории женщин, у которых виноваты все и вся, кроме них самих. Знает Омара Хайяма, уже неплохо. Между тем, она была красива, как девушка с обложки гламурного журнала. Высокая, стройная, порывистая... Двадцать восемь, от силы – тридцать лет. Надменности и холодности ее взгляду придавали ярко-зеленые глаза. «Линзы у Лизы?», – спросил себя Словцов в рифму. Темно-каштановые волосы были собраны на затылке в роскошный хвост, что, в свою очередь, подчеркивало спортивный стиль. «Боевая лошадка», – оценил Павел.

В дом он входил с установкой ничему не удивляться и ни на что не реагировать.

Весьма длинная прихожая, идущая мимо дверей подсобок, выходила в гостиную в тем-

но-зеленых тонах, в центре которой стоял низкий стеклянный стол, а на стенах умело и со вкусом были размещены несколько натюрмортов и офортов. Мягкие кресла под цвет стен, аудио- и видео-аппаратура хай-класса, к одной из стен примыкал компактный, но весьма насыщенный экзотическими бутылками бар. Из гостиной вели четыре двери и лестница на второй этаж. На стене вдоль лестничного марша ступенями поднимались фотографии одного и того же природного ландшафта во все сезоны, при всякой погоде, в разное время суток. Выглядел такой дизайнерский ход оригинально.

– Не подскажите, где мои апартаменты? – спросил Словцов уже отвернувшуюся от него Лизу.

– Подсказывают двоечникам на уроках, а вам – на второй этаж, дверь сразу направо от лестницы. Если вздумаете шарашиться по дому, то я не экскурсовод.

– Это я понял сразу...

На втором этаже оказался еще один холл, где стояли разнообразные тренажеры, на стене висел плазменный телеэкран, а напротив был выход на просторную лоджию, которая размещалась над верандой крыльца. Еще одна лестни-

ца вела на мансардный этаж. Открыв указанную дверь, Павел присвистнул. В его распоряжение предоставлялась комната, в которой могла разместиться вся его предыдущая квартира. За окном просматривался отдельный балкончик, выходящий во двор. Возле окна стояла кровать-«аэродром» с торшерами-«часовыми» по краям. У стены напротив – кожаный диван с парой таких же кресел, рабочий стол с компьютером. Просторная ванная комната блистала крупной плиткой кафеля высшего качества, двумя десятками вмонтированных в потолок ламп и дюжиной зеркал разных форм. Слобцов поймал себя на мысли, что нисколько не завидует всему эту комфорту и великолепию. Ему просто подумалось, что так могло бы жить немалое число граждан огромной богатой страны, если б незначительная, но самая наглая и, скорее всего, самая подлая часть ее населения не хапнула себе путем махинаций и бандитских захватов общенациональное достояние. Кроме того, Павел был глубоко уверен, что любое накопление не имеет никакого смысла. Об этом ему захотелось поговорить с Верой, понять ее мировоззрение. А пока он, не имея больше сил на дальнейший осмотр дома, не раздеваясь, рухнул на кровать и мгновенно заснул коротким и глубоким сном.

2

– Уважаемый поэт, вас ждут на чашку кофе в гостиной, – услышал он и открыл глаза.

На пороге его комнаты бесцеремонно красовалась Лиза.

– Вера Сергеевна сегодня пораньше с работы освободилась, видимо ради вас, Павел Сергеевич, – с явной издевкой пояснила она, – ей не терпится с вами увидеться.

– Спасибо, Елизавета, как вас там по батюшке?

– Лиза, просто Лиза. Я же прислуга.

– Если вас так смущает ваш социальный статус, то к чему оставаться на такой работе? Я тут тоже на условиях найма, – сказал Словцов и демонстративно направился в ванную.

Ополоснув лицо, он спустился в гостиную, там было пусто. Вера появилась через пару минут, одетая в спортивные брюки и просторную футболку.

– Сейчас будет кофе, а потом ужин. Я сегодня читала твои стихи, подбросили сборник, да в Интернете накопили. Хочу спросить – почему ты бросил писать?

– Я не бросил, бросают пить или курить, я просто переместился в иные обстоятельства. Депрессия. «Ленивый ум не посещает вдохновение», как сказано у Пушкина. Вымучивать из себя пусть даже причесанные, умелые строки сродни получению огня посредством трения, когда у тебя в кармане зажигалка. Просто в ней кончился газ. Надо заправить.

– Что для этого нужно? Впечатления? Муза?

– На этот вопрос нет точного ответа. Может, Ангел должен махнуть крылом...

– Поэтично.

В гостиной появилась Лиза с двумя чашками кофе. Поставила их на стеклянный стол в центре и спросила:

– Бутерброды подать или все-таки пождете ужина?

– Ты как, Павел? – переадресовала вопрос хозяйка.

– Пока обойдусь кофе.

– Мне готовить, когда вам вздумается или как положено? – обидчиво надув губы спросила Лиза у хозяйки и тут же вышла, а Павел спросил шепотом:

– Не боишься, что она тебя когда-нибудь отравит?

– Нет, – улыбнулась Вера, усаживаясь в кресло напротив, – если со мной что-нибудь случится, она останется ни с чем. Напротив, с каждым годом моей жизни пособие Лизы и ее пенсия в процентном отношении растут. А уж ее меркантильность способна приглушить в ней любую ненависть.

– Умно.

– Напротив, банально.

– Но почему тебе пришло в голову нанять на работу любовницу своего мужа?

– О, это старая, немного глупая и немного печальная история. Однажды я не смогла из-за болезни поехать с ним на турецкий курорт. Сама же настояла, чтобы один ехал, – он крайне вымотался на работе. Георгий долго не соглашался, но, в конце концов, мне удалось его убедить. Он поехал с друзьями. В какой-то из дней они крепко поддали и, разумеется, оказались в компании охотниц. Есть такие, специально ездят на курорты зацепить бизнесменов, если не навсегда, то хотя бы для оплаты накладных расходов. Утром он проснулся в постели с Лизой. Ты уже заметил, что внешними данными природа ее не обидела. Фигурка-то йо-хо-хо! Короче – банальный курортный роман. Все бы ничего, но через месяц

Лиза появилась у него в офисе, объявив о беременности, и мой бедный Зарайский вынужден был положить ей ежемесячное денежное содержание, о котором я узнала уже после его смерти. Сначала обратила внимание на девоньку с ребенком на кладбище. А потом она пришла сама – потому что ей оставалось либо на панель, либо... в общем, ничего ей не оставалось, кроме как попытаться предъявить хоть какие-то права. К приличным ежемесячным пособиям она уже привыкла и неплохо на них жила. Тем более, у нее на руках был наследник. Астахов все проверил. Получалось – правда. Я спросила его: что делать? Он ответил просто: врага либо уничтожают, либо хорошо контролируют, либо делают другом. И тогда я приняла решение: подписать с Лизой договор о разграничении претензий на собственность, ребенка я решила взять на воспитание, ну, там, элитный детсад, элитная школа... Честно говоря, сама до конца не знаю, что мною тогда больше двигало: желание избавиться себя от конкурентки или все-таки в коей-то мере жалость. Ведь она, в отличие от меня, одарила его наследником и даже назвала в честь него. Так у меня появились домработница и воспитанник. За эти годы я привыкла к ее характеру

и прирученной ненависти ко мне. И, что важно, нам обеим есть, что предъявить покойному Зарайскому.

– Ей есть, за что тебя ненавидеть, – ухмыльнулся Словцов.

– А мне? – резонно заметила Вера. – Так или иначе – светская львица и дикая тигрица ужились вопреки всему. Теперь, когда она не дома, я даже как-то скучаю.

Вера взяла со столика пульт дистанционного управления и направила его на стену.

– Только не телевизор! – взмолился Словцов.

– Не беспокойся, это камин. Автоматика такая, что загорается и гаснет от нажатия кнопки.

– М-да, сервис... И сколько может стоять такой домище?

– Не поверишь, но я взяла его по дешевке. Говоря нынешним сленгом, мне его «слил» один местный чиновник, который любовно складывал его по кирпичику, а потом испугался получившейся в результате роскоши. Ему бы пришлось выбирать: либо дом, либо карьера, а то и «Матросская тишина». Он выбрал второе, а я первое. Я только кое-что поменяла, достроила...

– Занимательно, но вернемся, если не возражаешь, к истории для мыльной оперы. Где в этом «бразильском сериале» ребенок? – Словцов выразительно огляделся по сторонам. – Ему сейчас лет семь? Должен скоро в школу пойти?

– У бабушки в Москве. Ходит в элитную гимназию. Местный климат ему не подошел. Маленький Георгий Георгиевич здесь часто болел, и Лиза сама попросила меня отправить мальчика в Москву. Мне, как ты понимаешь, это только на руку. Каково смотреть каждый день на последствия измены своего мужа?

– А Лиза с ним не поехала? Странно как-то... Хотя, наверное, догадываюсь: ему ведь полагается часть отцовского состояния?

– Фигушки, – улыбнулась Вера, – в завещании Зарайского о сыне – ни слова. Он его не усыновлял. Поэтому, наверное, тебе понятно, почему Лиза предпочитает оставаться здесь. «Держит руку на пульсе», тем более что я младшему Георгию все же кое-что на жизнь и образование в банк положила. Другое дело, что Лиза этими деньгами воспользоваться не может. Астахов и юристы умело закрепили ситуацию. Но, в принципе, Лизе и так не «кисло»: работа – пару раз в день при-

готовить, пару раз в неделю прибраться дом, пару раз в неделю съездить по магазинам, а остальное время – пялиться в телевизор и болтать по телефону. Тем более что в любое время она может съездить, куда ей хочется, включая любые курорты, где уже она может развлекаться с такими же охотницами, какой была сама. В общем, вот такой у нас «пакт о ненападении», и, знаешь, если от любви до ненависти один шаг, то и в обратном порядке ходы возможны. Время лечит, время учит... И у нас теперь что-то типа незамутненной взаимными восторгами дружбы, в которой каждый знает свое место.

– Умно, – второй раз за время беседы оценил Словцов. – Честно говоря, я всегда думал, что там, где крутятся большие деньги, вращаются и большие подлости, неприятности и прочий негатив. Люди не понимают бессмысленности любого накопления.

– Любого? Что ты под этим подразумеваешь?

– Все, кроме духовного самосовершенствования, к которому, как показала жизнь, я и сам оказался не способен. Любое накопление – тлен. Если не сегодня, то завтра.

– Даже интеллектуальное?

– А что, русская интеллигенция – это ли ни яркий пример «горя от ума»? Весь вопрос в том, что можно взять с собой на тот свет? В дни беспросветной депрессии я много думал о смерти, мысль моя не нова: смерть «обнуляет» любое накопление. Даже если тебя положат в золотой гроб в костюме от Кардена, – это уже ничего не будет значить. Человеческая память? Миллионеров в основном помнят по их экстравагантным выходкам, даже не по добрым и благотворительным делам, если им довелось совершать их при жизни. Тут уж Спаситель четко определил – легче верблюду пройти в игольное ушко, нежели богатому в рай.

– Это ты сейчас свою бедность оправдываешь? – Вера посмотрела на Павла так, будто заглядывала в душу.

– Да я вовсе не сторонник неоправданного аскетизма и кричащей о своей правоте бедности! Я встречал бедных, которые куда хуже богатых, способных обвинить весь мир в своих неудачах, в своей неустроенности, забывая о собственной лени и культивируемой, лелеемой глупости. Я только о бессмысленности накопления. Не более того. Количество, по всем законам, и по физическим, и по духовным, должно переходить в качество. Иначе накоп-

ленное – это только значительная масса для образования тлена. А о своей бедности... – он на какое-то время задумался, – в тот момент, когда я бросил все, я вовсе не решил стать пилигримом, каликой перехожим, просто решил уйти в сторону, выбраться из омута, в котором меня не устраивала роль премудрого пескаря.

– Ага, – снова улыбнулась Вера, – и попал на обед к акуле капитализма.

– Не похожи вы, Вера Сергеевна, на акулу капитализма, поверьте моему опыту, вы в этом мире тоже человек случайный. И еще неизвестно, повезло ли вам, когда вы стали наследницей всего движимого и недвижимого господина Зарайского. От меня не зависит, пойдет ли завтра снег или будет оттепель, от меня не зависит, будет ли новый ледниковый период или всемирный потоп, но я могу отдать частицу тепла, частицу души, частицу сердца – свои стихи. И люди брали, а некоторые хотели взять все, рвали на части, другие бросали полученное на помойку... И от меня ничего не осталось. Ни-че-го... Бесконечно можно брать только от Бесконечного, но они не берут, они берут то, что попадает под руки, берут временное, берут тленное, то, чем невозможно насытиться.

– Знаешь, Павел, – посерьезнела Вера, – ты тут говоришь о смысле жизни... А когда целая страна этого смысла не знает? Ты прав, и я в этой «стремнине» держусь за то, что мне подвернулось под руки. И сотни рук хотят ухватиться за то же, полагая, что это если не непотопляемый крейсер, то спасательный круг.

– Наивняк, так говорили мои студенты.

– Наивняк, – согласилась Вера, и в комнате повисло многозначительное молчание.

Каждый из них в это мгновение подумал, что встреча их не случайна. Миры соприкоснулись.

– Что тебе было жалко больше всего?

– В смысле?

– Когда ты решил вот так уехать? Практически в никуда. Ведь что-то должно быть особенно жалко? Это же не из поезда в поезд перескочить.

Павел на минуту задумался, потом уверенно сказал:

– Вид из окна.

– Вид из окна?

– Да, именно вид из окна. Я сегодня первым делом посмотрел в окно из твоего дома и увидел высокий забор да угадывающиеся крыши других коттеджей. Во дворе пока только са-

женцы, станут ли они полноценными деревьями – еще вопрос. Все. На этом пейзаж кончился. Этот мир еще не нажил сам себя, а наживет ли? И мне стало немного не по себе. Подумалось, что вот, здесь живут богатые люди, которые могут позволить себе все, но получается – мир их крошечный. Он едва соприкасается с тем огромным, который мы называем Божьим творением. Но не это в моей мысли главное. Просто у каждого есть свой вид из окна. В нем концентрируется память детства. В доме, где я жил, с высоты пятого, невысокого по нынешним меркам этажа, виден старый город. Купеческие особняки, деревянные домики с резными наличниками, петляющая к реке дорога, старые в два обхвата тополя и клены, бугрящие корнями асфальт. Я был частью этого пейзажа. Я специально просыпался в пять утра, чтобы увидеть этот мир еще никем не тронутый, не задетый метлой дворника. В такие моменты ты пронизываешь взглядом не только до боли знакомое пространство, но и, собственно, время. Это и есть машина времени, которая работает не столько от внешних энергий, сколько от человеческой памяти. Поэтому человек из всех сил стремится вернуться именно к виду из окна. И по этой теории человек, который с дет-

ства видел в окне только кирпичные стены окружающих его жилье домов, в чем-то ущербен. Такой, если и станет поэтом, то будет слагать сухие конструкции, может, и толково рифмованные, но абсолютно лишенные чувственности, того самого поэтического начала, что составляет при чтении стихов работать душу.

Вера заморожено слушала Павла, лишь в один момент отвлеклась на мысль, что, похоже, не зря потратила деньги – собеседником Словцов был необыкновенным! Во всяком случае, клубные дамы будут говорить о нем с придыханием. И, устыдилась ли этой мысли, но вдруг отчетливо вспомнила вид из окна у себя на Кавказском бульваре.

– Знаешь, – продолжал Павел, – у поэта Ивана Жданова есть очень интересные строки. Может, об этом, а, может, и нет. – Он выдержал паузу и процитировал:

*«Я не блудил, как вор, воли своей не крал,
Душу не проливал, словно в песок вино,
Но подступает стыд, чтобы я только знал,
То, что снаружи крест, то изнутри окно...»*

Но еще точнее Заболоцкий в его знаменитом «Слепом», там вообще про меня:

*«И куда влечешь меня,
Темная грозная муза,
По великим дорогам
Необъятной отчизны моей?
Никогда, никогда
Не искал я с тобою союза,
Никогда не хотел
Подчиняться я власти твоей...»*

– А я любила стоять на балконе. И тоже утром. Когда над центром Москвы висел непроницаемый смог, у нас было свежо и почему-то даже в солнечные дни пахло мокрой листвой. Я стояла и ощущала движение утра, как смешивание запахов. Будешь смеяться, но из открытых форточек струился в основном запах вареных сосисок. Странно, но в те времена завтрак москвича в девяноста случаях из ста состоял из сосисок с горчицей и ломтика бородинского хлеба. А еще было немного сероватое даже в солнечные дни московское небо и такое странное, едва уловимое ощущение, что впереди так много удивительного и прекрасного...

Что-то давно забытое, щемящее содрогнулось в душе от этого воспоминания. Вере даже показалось, что она уловила запах мос-

ковского утра. И за это воспоминание следовало благодарить Словцова.

3

– Вера Сергеевна, к вам Хромов Юрий Максимович. Впускать? – голос охранника в селекторе на стене прихожей не оставлял сомнений, что господин Хромов все равно окажется на пороге дома.

– А куда ж его денешь, пусть заходит, – вздохнула Вера Сергеевна и со значением посмотрела на Словцова: – Уж этот точно знал, где он сегодня будет ужинать, – кивнула на накрытый Лизой стол. – Честно скажу, это делегат от столичной тусовки, якобы мой поклонник. Старый друг Георгия. А вот как представить ему тебя, я придумать не успела. У тебя нет готовой легенды?

– Нет, – пожал плечами Словцов, – но, по опыту знаю, чем больше правды в таких ситуациях, тем лучше.

– Ты хоть под это теорию не подгоняй. Теперь, следует признаться, вечер пропал. Юра настоящий друг, но прямой, как лобовая танковая атака.

В это время в прихожей, шумно дыша, появился плотно сбитый, высокий мужчина. Он небрежно скинул с себя кожаный плащ, скосырнул ногой об ногу ботинки и, светясь широкой улыбкой, вошел в гостиную.

– Верочка, я как бы по делам, но реально только к тебе! – огласил он, но тут же придержал коней, с удивлением взирая на Слоцова.

Обладая крупными чертами лица, он обладал и яркой мимикой, но сейчас эта мимика явно не находила нужного выражения:

– О! У нас гости? – сказал Юрий Максимович так, словно он был мужем Веры Сергеевны и просто задержался к ужину.

– Знакомься, это мой друг и новый работник – Слоцов Павел Сергеевич. Кандидат филологических наук, – хотела продолжить «поэт», но, заметив умоляющий взгляд Павла, осеклась.

– Хромов, – протянул тот огромную ладонь, сверкнув парой дорогих перстней.

На всякий случай Юрий Максимовичзнакомился со Слоцовым, как с равным, хотя было заметно – таких для него немного, а уж выше него нет никого. Слоцов, как кролик удава, почувствовал легализовавшегося бандита еще с порога.

– Слобцов, – привстал Павел.

– Верочка, я голоден, как крокодил!

– Лиза, принеси еще прибор! – попросила Вера в открытую дверь коридора.

И, что примечательно, Лиза появилась почти мгновенно, словно ждала команды за этой дверью, и буквально подалась всем телом к Хромову, сияя расположением.

– Ах, Юрий Максимович, как приятно снова видеть вас, здесь так мало стоящих, – она сделала акцент на этом слове, – людей. От большинства пахнет мазутом и нефтью...

– А от меня «Пако Рабан», – хохотнул ей навстречу Хромов, – а ты, Лизонька, все такая же стройная кошечка. Хочешь, я выдам тебя замуж за миллионера? На фиг тебе посуду таскать?

– Да все обещаете, Юрий Максимович, – прогнулась в талии Лиза.

– Обещаю, значит, обязательно сделаю, я хозяин своего слова.

– Да уж, хозяин, – игриво согласилась Лиза, – хотите – дадите, хотите – заберете обратно.

– Умница! А если нальешь мне выпить чего-нибудь позабористей, то станешь моим другом навеки. Я чего-то не по географии

оделся, замерз малость, – и пока Лиза удалилась на кухню, Хромов переключился на Слоцова. – Значит, вы новый работник? В какой должности?

– Советник, – опередила растерявшегося Павла Зарайская, – советник по общим вопросам.

– Ну, в твоей системе только такой должности не было, – ухмыльнулся Хромов, потирая сплюснутый боксерский нос. – И давно ты ужинаешь в обществе своих подчиненных?

– Павел Сергеевич и живет здесь, – размеренно, томно, но весьма твердо разъяснила Вера Сергеевна.

– Вот как, а говорили, ты пуленепробиваема, и стрелы амура отскакивают от тебя, как от стального листа.

– Фу, Юра, как ты банален. Я думала, ты меня искренне уважаешь.

Хромов смутился и попытался исправиться:

– Прости, Вера, это столичные заморочки. У меня одна знакомая купила себе огромного сенбернара. Зачем? Говорит, ей не хватает человеческого тепла. Не хватает человеческого, купила себе собачье.

Хромов ехидно зыркнул на Словцова, который, будучи отстраненным от данной словесной пикировки, предпочел заниматься содержимым своей тарелки.

– А ты, Юра, сегодня ночью в сауне тоже не собачек купал, – поддела Вера.

– Доложили, – покачал головой Хромов. – Но ты же знаешь, Вера, одно твоё слово, и я стану твоим самым верным сенбернаром. Любого, кто приблизится к тебе ближе, чем на метр, съем, – он снова выразительно посмотрел на Словцова.

Для того, наконец, нашлось, что вставить.

– Сенбернары – не охранники, сенбернары – спасатели. Большие, но очень добродушные псы. Людей откапывают из-под снега, – заметил Павел.

В это время Лиза вынесла коньяк и смело налила Хромову полную рюмку. Тот, не раздумывая, опрокинул её в рот, зажмурился от удовольствия и потянулся вилкой к рыбной тарелке. Закусив тонким ломтиком свежемороженой стерляди, продолжил кураж:

– Я тоже большой и добродушный. Правда, Вера? Могу откопать, что хочешь, а

могу закопать, кого хочешь. А вы, Павел Сергеевич, я так понимаю, словами играете?

– Можно и так определить, – согласился Словцов.

– А как насчет, что касается, настоящих мужских занятий?

– Юра, – попыталась остановить Хромова Зарайская, – ты опять приехал на охоту, а мне заливаешь про важные дела?

– Охота – это святое, – не без патетики заявил Юрий Максимович, – это самое состоявшееся мужское дело с первобытных времен. Ну, так как, Павел Сергеевич, насчет того, чтобы пострелять? Доводилось хоть раз?

– Доводилось, – равнодушно ответил Словцов, – в армии.

– Ого! Да мы служили! – искренне удивился Хромов.

– Было дело...

– А я полагал, что вся интеллигенция предпочитает смотреть на армейскую службу со стороны.

– Не вся.

– Уважаю, – сам для себя решил Хромов. – Тогда тем более, отчего не порезвиться на природе? Карабин подходящий найдем,

лицензия на лосей есть. Или слабб, Павел Сергеевич?

– Да не слабб, Юрий Максимович, просто пользы от меня там будет мало. Охота – это не тир, да и, честно говоря, мне не доставляет удовольствия стрелять по бессловесным тварям. По безоружным...

– Вы так изъясняетесь, Павел Сергеевич, будто вам приходилось стрелять по вооруженным, – усмехнулся Хромов.

– Приходилось, – коротко ответил Словцов, – но это было в другой жизни.

– И после этого вы решили стать кандидатом филологических наук?

– После этого я полюбил литературу. Хотя это может показаться странным.

– Мальчики, а ничего, что я тут вместе с вами сижу? – напомнила о себе Вера.

– Прости, золотко, – опомнился Хромов, – если я в течение пяти минут забыл преподнести тебе очередной комплимент, значит, в этой жизни что-то не так. Но ты же понимаешь, я ревную к твоему новому работнику. Он пользуется привилегиями, которых не имеет ни один из твоих поклонников. Можно, к примеру, я тоже останусь переночевать?

– Нет, – решительно и холодно отрезала Вера. – Юра, я давно уже все тебе сказала. Я не выйду замуж за бизнесмена, больше не выйду, – со значением добавила она.

– Хорошо, – шумно выдохнул Хромов, наливая себе еще рюмку, – пойду в рабочее, в дворники. Но останусь самым богатым дворником. – Сто грамм? – обратился он к Словцову, целясь из горлышка в пустую рюмку, стоявшую рядом с ним.

– Не пью, – вынужден был признаться Словцов.

– Лучше налей мне, – спасла положение Вера.

– С удовольствием, милая. – И снова переключился на Павла: – И все же, Павел Сергеевич, если вы хотите почувствовать Север, вам надо выехать в тайгу. Давайте завтра поутру я за вами заеду. Никто не заставит вас стрелять, можете быть наблюдателем от «Гринпис». Или все-таки слабо?

Словцову пришлось выдержать не только паузу, взятую им на раздумье, но вместе с тем испытующий взгляд Хромова. Ничего хорошего этот взгляд не обещал. «В конце концов, за такую зарплату должны

быть еще и неприятности», – решил Павел, а вслух сказал:

– Поедем, Юрий Максимович.

– Но, может, кто-нибудь спросит меня?! – вскинулась Вера. – Павел Сергеевич, между прочим, мой работник, и никто ему завтра выходной не предоставлял!

– Твой работник, Верочка, только что принял мужское решение, а ты сейчас пытаешься это решение у него отнять, – хитро заметил Хромов.

Зарайская с пронзительным холодом посмотрела на Хромова своими синими глазами и со значением предупредила:

– Но ты, Юра, вернешь мне Павла Сергеевича вечером в целости и невредимости. И никаких ночевок в тайге. Он все равно не пьет. Завтра в это же время он должен будет сидеть за этим столом.

– Клянусь, – процедил сквозь зубы Хромов сначала коньяк, а следом обещание.

«В конце концов, – подумала Вера, – первый воздыхатель принесет в столицу первую весть – крепость сдана, комендант – «ботаник», Зарайская, вроде как, больше не вдова... Правда, как поведет себя при этом сам Юра?»

4

Ночью Словцова посетила целая вереница сумбурных и, на первый взгляд, бессмысленных снов. Сначала приснилась жена Маша. Она ничего не говорила, просто что-то делала по дому, словно они и не разводились. Павел во время этого сна все пытался понять, что она делает, и никак не мог уловить. Может быть, еще и потому, что сам себе в этот момент задавал вопрос: а ушла ли любовь, безразлична ли ему Маша? Так или иначе, но оставалось ощущение незавершенности.

И прямо во сне вдруг вспомнил, как они встретились двадцать лет назад, когда он был еще студентом. Он вошел в автобус и угодил на редкое по тем временам явление: в автобусе были пустые сидячие места. И как-то сразу он увидел задумчивую девушку у окна. Нет, она не была сногшибательно красива, но в образе ее любой художник, в первую очередь, заметил бы обворожительную женственность. Невозможно объяснить, отчего некоторые женщины обладают этим качеством. Его ореол настолько раскрыт и ярок, что замечен с первого взгляда, причём Словцов готов был поспорить с кем угодно: такой притягательностью обладают

именно русские женщины. В мужчинах они будят не столько безумную страсть, сколько высокое чувство преклонения и нежность.

Маша смотрела в окно на пронизанный солнцем октябрьский пейзаж. Осень в том году выдалась золотой. Павел вдруг поймал себя на мысли, что, глядя на эту девушку, ему не хочется называть погоду за окном «бабьим летом». Хотя и знал молодой филолог, что теплая солнечная осень называется «бабьим летом» не только в России, Украине и Белоруссии, но и в Сербии, а в Германии оно уже «бабушкино», тогда как у чехов – «паутинное», американцы придумали себе «индейское лето», а болгары – «цыганское»... Одни только карпатские славяне пошли от обратного, назвав солнечную осень «бабьими морозами».

Павел спросил разрешения у девушки и сел рядом. У него было всего три остановки для того, чтобы заговорить. Сколько остановок было у нее, чтобы ответить или не ответить, он не знал. И тогда он рассказал Маше про бабье лето. А потом сказал, почему ему не хочется его так называть. Маша, до тех пор безучастно смотревшая в окно, повернулась к нему вполоборота и спросила:

«Вы метеоролог?». И Слозцов даже засмеялся и предпочел ответить собственными стихами:

*Все та же роща, та же осень,
Печально золотом звеня,
Качает русские березы,
Кидает зелени огня.*

*Все та же ива над рекою
Ей что-то шепчет не спеша.
Все те же строчки под рукою,
Все так же мечется душа.*

*Все то же, так же, там и снова,
Все повторяется опять!..
На языке горчило слово,
И я не мог его сказать.*

Ох уж эти поэты! Первого эффекта у женщин, а особенно у романтических девушек, они добиваются почти сразу. Достаточно после прочтения на вопрос: «Чьи стихи?», ответить, потупив с ложной скромностью взгляд: «Мои». И на просьбу: «А еще?» или вопрос: «Правда?», зарядить еще одну лирическую обойму. Но Маша вдруг спросила:

– Какое слово? Какое слово не смогли сказать?

– Вы мне очень нравитесь, – признался Павел.

– Но в стихотворении – о другом.

– Сегодня – об этом.

И они вышли из автобуса вместе, чтобы идти плечом к плечу семнадцать лет. Двенадцать из них они жили душа в душу. Так что, даже делаясь своим мнением по поводу чего-нибудь, дивились не только совпадению ответного, но и тому, что высказывались одновременно одними и теми же словами. Порой отсекались на полуслове и начинали смеяться, потому что надобность в словах исчезала. Все и так было ясно. Что уж там говорить о нежности и страсти, которые они испытывали друг к другу. И еще: Маша умела ходить, как кошка, когда Павел садился за диссертацию или «изменял» ей со своей поэтической музой, и умела гордиться мужем, когда видела и слышала, как его стихи то погружаются в человеческие души, то царапают их, заставляют сжиматься до слез на глазах, то, наоборот, расправляться во всю небесную ширь и лететь.

Казалось бы, они прожили вместе самые трудные времена, когда их зарплаты были

меньше, чем те деньги, которые способен насобирать нищий на бойком месте или пропить богатый за один вечер в ресторане. Когда страна из «самой читающей в мире» превратилась в самую «телесмотрящую» и самую спивающуюся, тонущую в собственном безумии и разврате. Когда вечно мятущаяся русская интеллигенция вдруг поняла, что она никому не нужна. Они пережили вместе (в основном благодаря Маше) то, что Павел чуть не утонул в захлестнувшем страну после запретов разносортном и некачественном алкоголе. В какой-то момент он хотел плюнуть на всю эту жалкую борьбу за выживание и наняться где-нибудь «солдатом удачи». «Горячих точек» было хоть отбавляй. Но и в этом случае Маша редкой женской мудростью и лаской удержала от безумных поступков, которые хоть и позволяют мужчинам оставаться мужчинами, но большей частью счастья и радости не приносят, как, собственно, и денег. Хорошо повоевать тогда стоило меньше, чем «разбомбить» торговый ларёк или получить один «откат», занимая соответствующую должность. Но все эти социальные катаклизмы сами по себе ничто, если на другой чаше весов любовь, хотя сама по себе любовь между мужчиной и женщиной – чувство хруп-

кое и капризное. С годами она может превратиться в обычное чувство привязанности или шагнуть в небо, к той любви, которую принёс в этот мир Спаситель. Третьего не дано.

Евангелие Павел открыл, как многие тогда, потому что стало можно. Открыл, чтобы восполнить пробел в знаниях, которые раньше пополнял с помощью Достоевского и Лосева, энциклопедии «Мифы народов мира» или «Настольной книги атеиста». Преодолев родословную Иисуса Христа у Матфея и читая все дальше и дальше, он вдруг начал чувствовать, не понимать даже, а именно чувствовать, что верит. Происходившее с ним, несомненно, было чудом прикосновения. Разум же, точно компьютер, искал аналогий и не находил их, оставляя единственное решение: если это написано человеком, то продиктовано Богом. Вместе с верой пришло осознание собственного несовершенства, порочности, а затем раскаяния. Когда он в первый раз заплакал над страницами Евангелия, к нему подошла Маша и попросила читать вслух.

Во время Крещения в храме Михаила Архангела у него уже не было никаких сомнений, потому и привел с собой еще сомневающихся жену и пятнадцатилетнюю дочь Веронику. Во

время таинства несколько раз чувствовал какую-то необъяснимую тяжесть, желание быстрее закончить, выйти на воздух, но когда все вместе читали Символ Веры, душа вдруг распахнулась, дышать стало легче, окружающие люди стали близкими, как родственники. И в словах: «Чаю воскресения мертвых, и жизни будущего века», открылся вселенский глубинный смысл происходящего.

Но слишком поздним было открытие простых и светлых истин Нагорной проповеди. Не совсем верно в отношении евангельских истин говорить «поздним», ибо поздно не бывает никогда, а через веру чудеса и счастье в земном его понимании не сыплются. Поздним в том смысле, что их надо закладывать в раннем детстве, что позволит ребёнку правильно ориентироваться в мироздании.

Мир Слоцовых дал трещину тогда, когда этого меньше всего ждали. Летом следующего года Вероника улетела в Америку, так как училась в новомодной школе с углубленным изучением иностранного языка и экономики. За счет каких-то подозрительных фондов российские школьники разъезжались по разным странам за умом-разумом, как когда-то при Петре боярские дети. Из Штатов вер-

нулись все, кроме красавицы-доченьки Вероники. Она добровольно осталась там под патронажем каких-то странных общественных организаций, гарантирующих талантливой девочке дальнейшее обучение в США, а точнее, в связи с тем, что на нее положил глаз какой-то молодой миллионер. При этом она позвонила оттуда и полчаса втолковывала родителям, что это ее решение, что не следует ограничивать ее в правах... И Павел с горечью осознал, что оттуда звонит не его дочь... Даже голос казался каким-то чужим, «зомбированным». Первое, что он хотел сделать, собрать деньги, полететь за океан, образумить дочь, но тут вдруг на стороне Вероники выступила Маша.

– Павел, надо успокоиться, не пороть горячку, а вдруг наша девочка сможет научиться жить лучше, чем мы? «Что мы дадим ей здесь?»

– Дура ты! – взорвался Словцов, оскорбив жену в первый раз в жизни. – Мы ей самого главного не дали! «Что мы дадим ей здесь?» – передразнил и еще раз уверенно и осознанно повторил: – Дура ты, Маша, у тебя ребенка украли, а ты... Ты читала, что Есенин об Америке говорил? Кнут Гамсун? Ну кого тебе еще в пример привести?.. – и махнул в сердцах рукой.

Мир Слоцовых треснул и распался на две половины, потеряв то, что их соединяло – Веронику.

5

Приснилось еще, что студенты, с которыми Слоцов работу не закончил, оставив их на полпути к сессии, покупают в деканате билеты на самолет в Америку, где они собирались продолжить обучение. Сам Павел Сергеевич словно наблюдал это со стороны, откуда-то из-под потолка, и очень хотел что-нибудь им посоветовать. Типа: «Артем Васильевич Рогачев тоже хороший преподаватель, даже лучше Слоцова, потому что стихи не пишет, и они не мешают ему сосредоточиться на научной работе». Но сказать было некому, потому что все были рядом, но в то же время оставались неуловимы. Бегали за треклятыми билетами в треклятые Штаты. Сквозь всю эту нелепицу поэта посетила мысль, что он, наверное, последний внештатный сотрудник. И сам он пересекал таможню где-то в аэропорту «J.F.K.» и выпрашивал вид на жительство... у Вероники, которая почему-то была похожа на мулатку...

Последним в сумбур сновидений ворвался Хромов. «Да как же без него?» – прямо во сне подумал Павел. Хромов же, снилось, ворвался в спальню и возбужденно прокричал:

– Подъем, филолог, зверье ждет! – прокричал так, что проснулась бы рота смертельно уставших солдат. Словцову даже показалось, что в комнате стоит всепобеждающий запах его кожаного плаща.

Павел открыл глаза и посмотрел на электронный будильник на рабочем столе. Было чуть больше пяти утра. В раннем пробуждении сказывалась, хоть и небольшая, разница во времени. Но царящая за окном тьма отнюдь не казалась утренней. Больше всего хотелось снова закрыть глаза и забыться на неопределенный срок, как в знаменитом стихотворении Лермонтова: «Я б хотел забыться и заснуть! Но не тем холодным сном могилы...». Но через час на пороге действительно появится Хромов и начнет подтрунивать над разнеженностью Словцова.

Полежав несколько минут с открытыми глазами, в который раз примеряя на себя новое пространство, Павел решительно встал и направился в ванную. Потом некоторое время рылся в сумках, подыскивая подходящую

одежду. В результате облачился в джинсы и теплый ирландский свитер. На цыпочках спустился вниз и зашел на кухню. Очень хотелось кофе. Долго с тоской смотрел на мощный кухонный гарнитур, пытаясь по закрытым дверцам догадаться, где могут быть молотый или растворимый кофе, турка, сахар... Неожиданно вспыхнул свет, и на пороге появилась заспанная Лиза.

– Это мое место работы, – сказала Лиза, подразумевая вопрос.

– Не претендую, просто хотелось кофе, меня тут, по случаю, пригласили на охоту...

– Знаю. Иди, Павел Сергеевич, в гостиную, сейчас все сделаю. Бутерброды?

– Можно, Лизонька, – в этот момент он испытал к домработнице искреннее чувство благодарности.

– Ну, прям, девятнадцатый век! Лизонька! – включила свое вечное недовольство девушка. – Щас еще Вовка припрется. Ему тоже, поди, кофеев распивать захочется.

– Какой Вовка? – спросил и уже догадался Павел.

– Охранник. Вера велела ему сопровождать вас, а если потребуется, вступить в неравный бой с врагом.

– А памперсы она мне с собой велела дать?

– Это уж вы с ней...

В этот момент на кухню вышла в махровом халате сама Вера.

– Кофе я тоже буду. Мне сегодня надо пораньше.

Павел только успел сделать несколько глотков ароматного «амбассадора», когда дверь открылась без обычного доклада охранника и на пороге появился Володя.

– Проходи сюда, Володя, присоединяйся, – пригласила Вера. – Лиза, еще одну чашку! – крикнула она на кухню.

Тот скинул пуховую куртку прямо на пол и сел рядом с Павлом. Они обменялись рукопожатиями.

– Как вам здесь? – вполголоса спросил он, но было заметно, что вопрос этот также интересует Веру.

– Интересно и непривычно, – честно сказал Словцов, – что ни говори, но я себя ощущаю, словно из кинозала влез в экран, прямо в кинофильм, типа «богатые что-нибудь делают»...

– Человек ко всему привыкает, – резонно заметил Володя.

– Да, – согласился Словцов, – если одновременно отвыкает от себя.

О Хромове дежурный охранник доложил десятью минутами позже. Тот ввалился в гостиную, не раздеваясь, лобызнул руку Вере, кивнул мужчинам.

– Готов? – спросил он Павла.

– Володя поедет с вами, – опередила ответ Вера. – Заодно научит вас всех стрелять.

– Вот как? – не очень обрадовался Хромов. – А массажистку нельзя с нами отправить, вдруг у кого-нибудь на номере руки-ноги затекут?

– Тебя что-то смущает? – прищурилась Вера.

– Нет, золотко, твое слово – закон. Готов взять с собой даже Первую конную армию товарища Буденного, чтоб было кому сохатых загонять.

– Вот и чудненько, – порадовалась его уступчивости Вера.

6

Ехали на огромном «Хаммере». Кроме Хромова, водителя и Павла с Володей в маши-

не был еще один мужичок, представленный как Коля. Коля оказался охотником-профессионалом, которого Хромов нанимал, чтобы сутками не гоняться за зверем. Судя по тому, что Коля, рассказывая об охоте, присыпал речь любезностями в отношении Хромова, от которых тот морщился, заплатили ему неплохо. Володя и Павел молчали.

– Лучше бы вертолетом, как в прошлый раз, Юрий Максимович, – тараторил Коля, – а эта зверюга, – кивнул он вдоль салона, – она только с виду мощная, ездил я на таких, но наш-то «уазик» на зимнике проворнее, а уж по целику у этого подвеска рассыпется. До засидки будем пешком идти пару километров. Иначе никак. Лось осторожный, башку по ветру держит. Их там три: лосиха, двухгодовалый и годовалый с ней. Петруха их три дня тропил, дурак, а у них там место жировки, они по кругу наяривают. У реки справно будет, он шумнет, они по насту попрут, там низина и река, а мы с другого берега.

– Первый выстрел мой! – оборвал его Хромов. – Уж если не остановлю, тогда шмалайте.

– Знаю-знаю, – быстро согласился Коля, – волокуши приготовили на три туши, ни одного

не упустим, вы-то как всегда себе только заднюю ляжку возьмете?

– Две, со мной, видишь, экскурсия.

– Да мне что, ваша лицензия, столько денег ввалили. Когда в засидке будем, вы рукавицы не снимайте, оно хоть нынче не холодно, а руки чувствительность потерять могут, особенно указательный палец беречь надо. С вашего-то «Тигра» стрелять одно удовольствие, оптика вон какая! Мы-то в унтах, а экскурсантам вашим я валенки дам, как знал, запасные взял. А Петрухе, главное, водки, он пока не выпьет – не человек. Я уж ему вчера бутылку оставил, там от избы нашей километров пять будет, по сто грамм на километр. А то не дойдет до жировки, а уж там должен быть, лоси спозаранку пойдут. Нам бы успеть...

– Олег, наддай, – сказал Хромов водителю.

А Николай снова завел басню об особенностях национальной охоты. Словцов, слушая его, невольно вспоминал известный фильм. Тем более что где-то сзади недвусмысленно позвякивали бутылки. Время и расстояние, наполненные торопливым говором Николая, потеряли смысл. Зато Словцов не-

плохо пополнил словарный запас охотничьими терминами, узнал, как по нарыску – линии следа – выйти на волка и как недавно Николай взял переярка «на штык». Пришлось переспросить. Оказалось, речь идет о прямом выстреле, когда зверь идет буквально в лобовую атаку на номер.

– И ведь умные нынче, черти, пошли, уходят из оклада через флажки, по фигу им красное знамя. Контрреволюционный волк нынче пошел! А уж сколько собак в поселках подрали! Охотников-то нынче мало, неприбыльно это, вот и ходят уже под порогом стаями. Это ладно, если дюжина, а мы тут с Петей напоролись – почти тридцать! Пришлось еще водки брать и подмогу звать. Какой там обклад, там роту с автоматами надо, лес прочесывать. Я районному начальству предлагал гранатами с вертолета бросать. Не послушали. Так они в одной деревне детей на дерево загнали, замерзли бы малые, если б не мы с Петрухой. А собаки что, собаки друг друга, ежели у разных хозяев, грызть будут, а против стаи объединятся стаяй – у них такого закона нет...

Между тем Хромов повернулся к нему с переднего сиденья и вдруг весьма серьезно заявил:

– Я, Павел Сергеевич, жениться на ней приехал, – и стал внимательно смотреть в глаза Словцова, словно хотел увидеть душу.

Павел выдержал этот неприятный едкий взгляд и ответил:

– А я что, могу возражать, Юрий Максимович?

– Нет, просто, как только мы с ней договоримся, ты уволен. Не переживай, без бабок не останешься, я тебе, как в старые времена, отступного дам столько, сколько унести сможешь.

– Спасибо, у меня гонорар и так высокий, да еще льготы и страховки разные.

– За вредность-то Лизкину доплачивают? – ухмыльнулся Хромов.

– И «северные» тоже.

– Ну-ну, в общем, Павел Сергеевич, ты меня понял. Вся Москва знает, что я сюда за ее сердцем полетел.

– Для того чтобы сказать мне это, не обязательно было тащить меня на охоту, – пожал плечами Словцов.

– Да ты встряхнись, посмотри, красотища какая!

И действительно, с того момента, как они свернули с трассы, пейзаж стал походить

на сказочный. Да, картина открывалась – отдых для учителя русского языка: повесил репродукцию такого пейзажа на доску и объявляй детям тему сочинения: «Зимняя сказка». И пусть крутят извилинами, вспоминая стилистические штампы: о мохнатых лапах кедров и елей, снежных шапках, вереницах звериных и птичьих следов, притаившихся в чаще чудесах и диговинах, – короче, развивают художественное воображение.

Зимник здесь тянулся через плотный кедровый лес, петляя и ныряя по пригоркам. Боевая машина пехоты США на самом деле здесь была неуклюжа и неуместна, по бортам то и дело били кусты, а днище цепляло кочкары.

– Это вам не «Буря в пустыне», – прокомментировал Коля, – сюда пусть приезжают, промораживаться, как немцы под Москвой. А вот сейчас налево, да-да, по целику... И это, потише бы уже надо.

– Сядем, Юрий Максимович, – с кислой миной сообщил водитель, рассматривая впереди покрытые настом сугробы и торчащий из них кустарник.

– Ну врежь еще, сколько можешь, а дальше ножками, – распорядился Хромов, – видишь, кто-то же до нас шел.

– Ну это «Нива» вроде пролазила. Так и обратно уже след есть.

– Откуда «Нива»? – всполошился Николай. – Поди, нашего зверя кто-то просек. Петруха-то бы не заспал! Кого нечистый принес? Зачем-кого сюда несло?

– Ясно, что не за грибами, – ответил на его причитания Хромов. – Да вон уже там следа нет. Тормози, Олег, от греха подальше. А то посадим машину на пузо, потом играй тут в пехоту, рой окопы до китайской пасхи.

Минуты через две встали. Володя и Павел переоделись в валенки, которых у Николая оказалось с собой четыре пары, так что по размеру, более-менее, подобрали. Хромов расчехлял оружие – три карабина, обмотанные бинтами. Видимо, маскировка, решил Словцов, и в подтверждение этому получил армейский маскхалат белого цвета.

– Сейчас уже говорить не будем, – предупредил Николай, – словно его самого можно было остановить, – пойдём вон там, – показал рукой, – низиной, там потом овражек и речка, выйдем на ту сторону. Лишь бы Петруха ничего не напутал, – в руках у него появилась вдруг шипящая эфиром рация, но говорить он в нее не стал, а только пару раз отжал тангенту. В

ответ эфир ответил такими же, но тремя щелчками.

Николай кивнул рации, сунул ее в карман комбинезона, выкрутив звук до минимума, а потом перевел нехитрую морзянку остальным:

– Три зверя. Два быка и корова. Петя готов.

– В смысле – «готов»? – испугался Хромов. – Напился уже?

– Да нет, Петя никогда не напивается, нет такой емкости, – шумнуть готов.

– А-аа... Ну если все удачно пройдет, мы твоему Пете такую емкость выставим – уто-нет!

И потянулись гуськом, почти след в след. Олег остался в машине. Впереди шел Николай, за ним Хромов, за его широкой спиной – Павел, Володя замыкал. Словцов от всей этой экзотики чувствовал себя уныло, бессмысленность его присутствия здесь была настолько явной, что он невольно начал сочинять стихи. «Может быть, моя депрессия-фрустрация не лечится шоковым выбросом в другой мир?» – подумалось ему.

Прошло около получаса, когда они вышли на берег таежной речушки, чтобы залечь в густом кустарнике на ее берегу. Причем Николай

предусмотрительно выдал каждому по куску брезента для того, чтобы одежда не промокла. Он все время так и продолжал говорить, но теперь уже шепотом. Сверившись с часами, он сообщил Хромову, что ждать осталось полчаса, не более.

— Я вчера все точно просчитал, несколько кругов сделал, чтоб правильно обложить. Думаю, местовой зверь здесь кормится. Правда, лоси б еще стояли, но Петро правильно пугнет, ход им в одну сторону будет. Сюда — к нам на мушку.

Хромов, Володя и Николай залегли с карабинами, а Слобцов — с выданным ему биноклем. Хромов успевал периодически потягивать коньяк из фляжки. Николай, глядя на него, тоже добыл из-за пазухи чекушку, Володя от обоих видов спиртного отказался вслед за Слобцовым.

Лоси вышли на другой берег, как и предполагал Николай, через полчаса. Их было трое. Пробиваться по насту им было неудобно, но, похоже, некий Петруха не оставил им другого пути. Выйдя на берег, они замерли, словно чувствуя скрытую опасность. Впереди шел бычок с шикарной вилкой на голове. Безрогая лосиха, но с очень богатой «серьгой»

на шее, шла в центре. Лось помоложе немного отстал. Словцов пожалел, что у него нет с собой фотоаппарата, хотя бы в мобильном. Мгновение, когда животные замерли, выбирая себе путь, было прекрасно. Но именно этот момент – самое подходящее для стрельбы время.

Хромов не промахнулся. После его залпа у быка подкосились передние ноги, но повалился он все же чуть назад и набок. Следом пальнул Николай, также уложив лосиху. Разумеется, не промахнулся и Володя. Хромов хотел уже, было, подняться, как на лед вылетел, словно обезумевший, волк. Так, во всяком случае, всем сначала показалось. Всем, кроме Словцова, который в бинокль узнал в животном хоть и крупную, но лайку. Возможно, волк у собаки был папой. Хромов, алчно цокнув языком, тут же прицелился, а Словцов совершил поступок, который сам не смог бы себе объяснить. Он вдруг вскочил и бросился сверху на карабин Хромова:

– Это же псина!

В тот же миг раздался выстрел, но отнюдь не из карабина Хромова, а совсем с другой стороны. Совпадение с прыжком Павла было уникальное.

– Я ранен, – сообщил Словцов Хромову, когда оказался с ним лицом к лицу. – Пуля в плече, больно дико...

– Какая сволочь стреляла, Коля!? – Закричал Хромов, но предпочел не вставать до выяснения обстоятельств. – Там что, твой Петруха совсем до синего напился? Он же в человека попал.

– Да не он это! – вступился за товарища Николай. – Кто-то другой! У Пети ружье, а тут с нарезного кто-то «пудельнул». И собака, наверно, этого человека.

– Не тайга, а Брайтон-Бич! – определил Хромов и длинно выругался. – Павел, ты как? – Хромов без обиняков перешел на «ты». – Ты бы отполз, вдруг этот урод еще стрелять надумает.

– Хреново, честно говоря, – признался Словцов. – Дышать больно, похоже, ключице каюк. Так и чувствую, что она там сидит.

– Ты, похоже, мою башку только что спас. Твое плечо как раз напротив моего лба было. – Хромов от осознания этого сначала побледнел, потом покраснел и вытер лицо снегом, точно хотел погасить накал. – Коля! Давай свои волокуши быстро, и где у тебя аптечка, надо перевязать Павла.

– Я уйду в сторону, потом через реку, надо ж посмотреть, кто стрелял, – сказал Володя.

– Только недалеко и недолго! – предупредил Хромов. – Павла в больницу надо резче. Если случайник какой, так он вышел бы уже, а если кто дальше? Пуля ж три километра летит, а раз застряла, значит, издали шмальнули. Павел, а ты пока желание загадывай! В первый раз на охоте, в первый раз ранен... Э-э-э, парень, только не засыпай...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Павел медленно приходил в себя после анестезии. В голове набух то ли туманный сумбур, то ли сумбурный туман. Так или иначе, сознание нехотя пробивалось к реальности, определяя, что вот еще миг назад был день Божий, а сейчас из недалекого окна текут в комнату сумерки. Следующее ощущение – стянутое плечо, в котором изрядно поковырялись. Причем казалось, что там до сих пор орудут хирургическими инструментами. Когда он распознал у своей кровати лицо Веры, то наконец смог четко сформулировать хоть какую-то мысль. «Первый рабочий день окончился больничным». Вера пришла с подругой, которую представила Еленой Соляновой. Вот уж

что менее всего было сейчас уместно – так это смотрины. А то, что это смотрины, можно было прочитать в любопытных глазах Елены.

– Как самочувствие? Чего хочется? – посыпала вопросы Вера.

– Самочувствие никак, хочется пить, – в том же порядке проскрипел в ответ Павел.

– Вот, – спохватилась Вера, и тут же наплескала полный стакан холодного апельсинового сока.

Словцов хотел, было, отказаться пить из ее рук, но принять сидячее положение пока не получилось. А пить пришлось два стакана подряд. «Главное, чтобы дело не дошло до утки», – представил и ужаснулся Павел.

– Еще следователь придет, – предупредила Вера.

– Хлопот-то из-за меня. Одноместная палата, как у ответственного работника, следователь... Чем там все кончилось?

– Володя ничего не нашел на другом берегу. Откуда стреляли. Зачем-то арестовали Петра, хотя он был настолько пьян, что стрелять не смог бы, да и Николай говорит – ружье у него другое. Хромова тоже допрашивали.

– А он уже сделал тебе предложение?

– Какое?

– Обычное. Какое мужчины порой делают женщинам.

– В который раз? – улыбнулась Вера.

– А собака жива?

– Какая собака?

– Ну, вообще-то я из-за собаки пулю получил...

– Ах да, так не нашли потом никакой собаки, даже пытались след брать! Ерунда какая-то, будто сквозь землю провалилась.

– Павел, а можно я с вами тоже буду «на ты»? – топором врубилась в разговор Лена.

– Можно, – ответил Павел и чуть не добавил: «оплачено». Вслух сказал другое: – Друг моего друга – мой друг.

– А почему твоих книг в Москве не видно? – приценилась подруга.

– А что вообще в Москве видно? Там из десяти миллионов девять миллионов слепых, а, судя по музыке, которую столица качает на всю страну, еще и глухих. – Словцов немного обиделся. – Книги там мои, конечно, есть. Но я же не бразильские сериалы пишу, а так, стишки... Кому они сейчас нужны?

– А стихи у вас о любви? – Лена, сама не замечая, перепрыгивала с «ты» на «вы» и обратно.

– Да, лирика была тоже. Потом не до лирики было. Так, «боевая публицистика»... Да я вообще не люблю о своих стихах говорить. А сейчас – особенно.

– А Лена пригласила меня сегодня в Общество сознания Будды, – перевела тему на другие рельсы Вера, – она там йогой фигуру правит, а сегодня приехали какие-то индийские гуру, обещают дорожный набор чудес и просветительскую лекцию.

– Буддизм – очень древнее заблуждение, – категорично сказал Павел. – Хотя буддиста с поясом шахида представить невозможно.

– Есть разные пути к Богу, – тут же включилась Елена.

– Совершенно верно, – согласился Павел, – но кто сказал, что этот путь верный? Путь-то, может, и есть, но если он ведет в никуда?

– Нирвана – это не «никуда»! – Лена едва сдерживала раздражение.

– Ты так говоришь, как будто являешься специалистом по буддизму, – заметила Вера.

– Весьма поверхностно, но все же я это уже ел, или, если будет угодно, проходил.

– Ну все ясно, вы, Павел, православный ортодокс! – определила Лена.

– Хотел бы быть.

– Между прочим, существуют утверждения, что Христос после воскрешения направился в Индию, а в юности учился там!

– Да, в апокрифических книгах, которые не были официально приняты Церковью и рассматриваются ею как ересь. С Сиддхартхой Гаутамай, он же Будда Шакьямуни, у Иисуса были разные цели. И разные пути их достижения.

– Разве не приблизить человека к высокой духовности? – возразила Солянова.

– Смотря что подразумевать под этими словами. Начнем с того, что Сиддхартха – это человек, а Иисус – Богочеловек, Сиддхартха рожден во грехе, Иисус рожден от Святого Духа, Он безгрешен, Сиддхартха стремится к совершенству, чтобы впоследствии стать Буддой, что означает «просветленный». Иисус совершенен изначально. Будда страдал, совершенствуя себя, Иисус страдал, взяв на себя грехи всего человечества. Будда определил, что вся жизнь – это страдание в разных его формах, то есть бесконечный круговорот сансары, постоянно изменяющееся сознание, вырваться из которого можно, достигая нирваны, то есть состояния непреходящего покоя и умиротворения. Иисус проповедовал покаяние и спасение

во имя вечной жизни. А буддизм отрицает существование души. Это не разные пути к одной точке. Это пути в разные стороны.

– Павел, но скажи, ты же признаешь, что йога полезна? – не унималась Лена.

– Если искать в ней совершенства форм тела, то, возможно, при старании ты, действительно, добьешься видимого результата. Тебе, конечно, важно, как ты используешь прану, как трансформируешь сансарическое дыхание организма...

– Чего? – изумилась Солянова, для которой йога была не больше, чем набор упражнений.

– Вот-вот, что немцу хорошо, то русскому смерть, – заметил Павел. – Не рисом единым... И уж что хорошо индусу или китайцу на пути к ожидаемой ими трансцендентальной мудрости, нас не приведет к спасению души. Буддизм эту самую душу не признает. Для него нет личности, а есть только набор психофизических элементов, расположенных в данное время в данном месте в данной конфигурации. Так что, Лена, с помощью йоги вы, возможно, и сможете изменить эту самую конфигурацию, но спасти душу... Вы будете очень заняты собой, тогда как Христос говорил о помощи ближним. Кста-

ти, Вера, тут есть один интересный момент, связанный с твоей фамилией, фамилией твоего мужа. Помнишь, ты сказала, что он переместился за рай?.. Так вот, буддисты признают под землей целых десять адов. И называют их «нирака» или «нирая». Для русского уха это звучит как «ни рая» – «без рая». «Ни» – отрицательная частица. Это восточное учение отрицает существование Бога как творца, погружает человека в самого себя и не придает значения такому высшему понятию, как любовь, о которой говорил Иисус Христос.

– Между прочим, наш учитель так любит все и вся, что даже комара не убьет! – это был последний аргумент Лены.

– Тут как раз все просто, у буддистов в сознании существует четкая система причинно-следственных связей. Они считают, что окружающий мир создает человека, в котором он – только его элемент. Поэтому, убив комара, можно нарушить кучу причинно-следственных связей и в итоге – убить самого себя. Теперь скажите – это любовь или четко рассчитанное поведение? Комар мне брат, но истина дороже...

– У меня заболела голова, – призналась Лена. – Павел, предупреди сразу, в чем еще

ты сведущ, и я сразу зарублю себе на носу: не начинать об этом разговор! Я признаюсь: просто хотела улучшить свою фигуру, чтобы не завидовать Вере!

– Лен, там уже следователь ждет, ты дай нам, пожалуйста, пару минут побыть наедине, – прервала разговор Зарайская.

– Ну разумеется! – подчеркнуто радостно согласилась Солянова.

Когда она вышла в коридор, Вера заговорила вполголоса:

– Павел, следователь будет спрашивать, как мы с тобой познакомились. Если ты скажешь...

– Что мы познакомились по объявлению в единственном экземпляре газеты, по роковому стечению обстоятельств оказавшейся у меня в руках, то люди твоего круга могут подумать...

– Да плевать мне на людей моего круга. Кто его чертил – этот круг? Нет, но у следователя точно возникнет еще больше вопросов.

– Ну, тогда приехал собирать местный фольклор. Скажем, тосты. Это можно?

– Можно, но птичку жалко, – улыбнулась Вера.

– Ты интересуешься литературой, читала мои стихи... Читала?

– Читала...

– Ну вот, решила помочь бедному писателю.

– И потому сразу пустила к себе домой? – высказала сомнение Вера.

– Но я же был знаком с твоим покойным супругом?

– Об этом я не подумала.

– Потом я могу сказать, что ты собираешься мне помочь издать очередную книгу. Вообще, красная книжица, которая лежит у меня в нагрудном кармане куртки, по инерции еще производит впечатление.

– Что за книжица?

– Удостоверение Союза писателей России.

– Ну, тогда я могу считать, что нашу общую версию мы согласовали.

– А тебя еще не допрашивали?

– Нет.

– Зачем все это? Ясно же, что выстрел был случайный. Тот, кто стрелял, скорее всего, даже не знает, куда попала выпущенная им пуля.

– В итоге в руки к хирургу.

2

Когда в палату зашел следователь, Павел чувствовал себя изрядно уставшим. Во всяком случае, он даже поймал себя на мысли о том, что ему абсолютно все равно, кто стрелял, куда стрелял и зачем стрелял. Напротив, следователь – молодой худощавый парень, был настроен решительно. У таких на лицах читается: этот в жизни добьется многого.

– Ерышов Сергей Петрович, – представился он и добавил вместо Павла: – Слобцов Павел Сергеевич.

– Может, вы и на остальные вопросы ответите сами? – с улыбкой спросил Павел.

– А как вы думаете? Обязательно отвечу, для того я и здесь, чтобы ответить на те вопросы, на которые сейчас ни у кого нет ответа.

Одетый в темные джинсы, джемпер и серый пиджак, Сергей Петрович являл собой типичного сыскаря, как их представляет кинематограф и как, вслед за кинематографом, они сами представляют себя. Вопросы он задавал жестко, но вежливо, и на каждый требовал подробного ответа. Разумеется, первым был вопрос о знакомстве с госпожой Зарайской. Павел гладко изложил согласованную с Зарай-

ской версию. Добавил только, что Вера Сергеевна планирует и дальше, как признанный меценат, поддерживать исследования в области словесности и фольклора. Новая история каллиграфическим почерком легла в блокнот следователя. Потом последовал вопрос об обстоятельствах знакомства с Хромовым, а также Николаем и Петром. Здесь все было просто, кроме одного. Каким-то чутьем из показаний охранника Володи следователь пришел к заключению, что Хромов ревновал Веру к Павлу. Никакие заверения в том, что подобные подозрения не имеют под собой оснований, в расчет не принимались. Ерышов дотошно пытался копнуть эту тему с разных сторон, вопросами типа: «А вы не думаете, что Вера Сергеевна взялась помогать вам, исходя из того, что вы нравитесь ей лично?». Правда, в эту схему не очень помещались охотники Коля и Петруха.

– Петра мне увидеть не посчастливилось, – сообщил Слобцов.

– И все же, зачем Вера Сергеевна отправилась с вами на охоту охранника?

Вот это был самый каверзный вопрос, ответа на который Павел придумать не успел.

– Ну так, чисто из техники безопасности. Я все же поэт, а не таежный охот-

ник. Вдруг ножичком поранюсь или ствол не в ту сторону направлю.

– Правда, служили в разведроте и кое-где побывали. Извините, мне пришлось изучить не только ваш паспорт, но и военный билет. Кроме того, пока вас оперировали, успел навести кое-какие справки.

– Да когда это было! – хотел махнуть рукой Словцов, но скорчился от боли.

– А вот на вашей работе не знают, что вы отправились собирать фольклор, и очень удивились такому раскладу.

– Какой же вы шустрый, – с сожалением сказал Павел. А вот у нас – в средней полосе, знаете ли, человека убьют, и не одного, а дело могут через полгода открыть. Друг мой, милиционер, жаловался, сплошные «глухари», говорит.

– У нас нерасторопных не держат. И спрос с нас жестче. Здесь, знаете ли, живут в основном обеспеченные люди, а преступность, опять же, в основном приезжая.

– Вы на меня намекаете? – улыбнулся Словцов.

– Да нет, по вам видно, что вы «ботаник»... Простите...

– Ничего-ничего, но мне все же больше подойдет – филолог.

– Извините, мы так за глаза...

– Да я знаю. Хорошо хоть не «лох», как говорят мои студенты.

– А вот насчет Хромова вы поосторожнее, по нему я тоже справки навел, за ним всякое может быть.

– Но ведь если б не мое плечо, пуля досталась бы ему.

– Не факт, – уверенно и серьезно заявил Сергей Петрович и повторил: – Не факт. Может, к тому времени как раз вас на мушке держали, а вы дернулись не к месту, снайпер и оплошал.

– Скажете, снайпер! Я ж потом еще минут пять к нему спиной лежал, из меня дуршлаг можно было сделать.

– И все же Хромова поостерегитесь. Москвичи к нам в основном приезжают денег срубить, а этот – один из немногих, кто приезжает тратить. Ну и в элите поговаривают, что к Зарайской он явно не равнодушен. А тут вы... с фольклором.

– Спасибо за совет, Сергей Петрович.

– Не за что, Павел Сергеевич, вот номер моего мобильного, если вдруг что-то узнаете,

что-то вас напугает, ну и вообще на всякий случай. А у вас есть мобильный?

– Не поверите, я от души шваркнул его об стену.

– Достал?

– Нет, просто мне некому было звонить. И мне никто не звонил.

– Так вы счастливый человек, Павел Сергеевич.

– Сам о себе я этого не знал.

– Выздоровливайте.

– И вы не кашляйте.

3

Время в больнице тянулось однообразно и добавило Словцову хандры. Валяясь целыми днями, бессмысленно уставясь в телевизор, он вдруг начал понимать, что обладает каким-то сверхчеловеческим знанием. Может быть, он сам выдумал его себе, но даже выдуманное, оно находилось в нем. Он смотрел на страдания больных, на порой равнодушную суету медперсонала, на ворчливых санитарок и чувствовал себя совершенно отстраненным от этого больничного мира. Более того, вся мир-

ская круговерть казалась ему бессмысленной и нелепой. Но самое главное – Павел понял, что ему, как себя ни гони, сбежать, скрыться от этого не удастся, хоть тысячу раз поменяй адрес или пополни армию бомжей. Он вдруг понял, что нет основного, за что он все время держался в этой жизни. Нет любви. И даже Маша, случись им начать все сначала, не вернет ему этого, поистерлась любовь к Маше. А Вика? Поступок ее был сродни предательству, и он, как всякий отец, простил ее, но его любовь, получается, больше ей не нужна. И это понимание опустошало его.

Вера приезжала каждый день, заваливая его фруктами, соками, шоколадом и всякими вкусностями. И Павел каждый день брал с пакетом в соседнюю детскую хирургию, где раздавал привезенное детям. Его отрешенный взгляд почему-то приводил медперсонал в умиление. Видимо, он был тот редкий тип пациента, который не донимает врачей и сестер своими проблемами, жалобами и рассказами про бывшую здоровую жизнь.

Вера же пыталась рассказывать Павлу о делах, а он смотрел на нее, слушал, впитывал и все время ловил себя на мысли, что она так же одинока, как и он. Просто продолжает крутить

педали этой жизни по инерции, думая, что человек живет, зарабатывая деньги. Зарабатывая деньги, человек существует, потому как зарабатывает их, чтобы существовать, неважно какой уровень этого существования он может себе позволить. Несомненно, пребывание Павла в больнице сблизило их больше, чем если б он слонялся по дому, препираясь с Лизой. А еще Павел пытался понять самого себя: Вера, бесспорно, ему нравилась, даже больше, чем нравилась, но он не мог подавить в себе комплекс, который назвал «эзоповым». Умереть свободным или рабом-любовником?

Следователь Ерышов приходил еще несколько раз, задавая почти одни и те же вопросы, просто меняя их последовательность или форму. Правда, у него появился еще один каверзный вопрос: отчего это Павлу Сергеевичу вздумалось заступиться за собачку, которая была похожа на волка? И уж если Словцов не мог ответить на этот вопрос себе, то и следователю – тем более. Дело чем дальше, тем больше заходило в тупик, и Ерышов искал самые невероятные зацепки. Павел же пытался уверить его, что выстрел мог быть сделан случайным охотником, ведь не зря пуля застряла в плече, а не прошила его насквозь,

как бывает при стрельбе с близкого расстояния. И следовательно сам был готов склониться к этой версии, если бы не одна маленькая деталь – та самая пуля калибра 7,62 миллиметра, сданная хирургом, как единственный вещдок в данном деле. Эксперты утверждали, что пуля была выпущена не из охотничьего карабина, где нарезка в стволе «несколько помягче», а из боевого оружия. Разумеется, не из автомата. Но и лежанки снайпера, обшарив всю округу, не нашли. Следов было немало, но что с них возьмешь, если все они вели в сторону трассы, где, в свою очередь, следов от автомобильных покрышек тьма тьмущая? Следовательно буксовал, а Павел страдал от его въедливости, как будто сам был виноват в том, что его подстрелили.

Вера еще пару раз приходила с Леной, которая бросила йогу и пошла заниматься в фитнес-клуб и на лекции по диетологии. А Лена один раз привела с собой своего мужа Виктора. Тот обреченно отсидел время их болтовни, а когда за ними закрывалась дверь, Павел не без удовольствия услышал заключение Виктора, ради которого его и приводили: «Нормальный мужик, умный. Че? И в армии служил? Вообще нормальный. А че я скажу?».

В один из дней на пороге появилась Лиза. Это не было громом среди ясного неба, потому как она вошла так, словно бывала здесь каждый день. С порога начала возмущаться больничными запахами, выкладывать из пакета кастрюли, а главное – несколько пар новых носков и комплектов белья. Жаловалась, что брала на глаз, но носки – всеразмерные. Есть сейчас и такие. Вера об этом не догадалась, и Павел каждый день мучительно застирывал одной рукой единственную пару. На вопрос Слоцова – ни Вера ли Сергеевна отправила ее сюда, Лиза приняла такой обиженный вид, что Павлу пришлось минут десять сыпать извинениями и комплиментами. «Что я, не человек что ли? Совсем меня в гримзу записали, – обиженно причитала Лиза. – А еще поэт называется. Если у меня характер скверный, это от жизни собачьей, и вовсе не значит, что я конченная сволочь». Слоцов тут же зацепился за последнее слово и рассказал ей его этимологию – от глагола «сволакивать», а заодно – кого сволакивали и для чего. А потом он почитал ей стихи Гумилева, и они расстались если не друзьями, то уже не врагами.

Нет худа без добра. Больница позволила Слоцову сосредоточиться, осмотреться, а

главное: ему пришла мысль – написать роман. Пишут же прозаики стихи, иногда очень неплохие, ну и поэты периодически ударяются в прозу. Неважно, кто и что делает, важно – как. Проза, полагал Словцов, даст ему новую форму существования, не жизни еще, но хоть какое-то осмысленное бытие. Другого он ничего не умел, а возвращаться в аудиторию пока не хотелось. Об этом он рассказал Вере, и та отнеслась к задумке Словцова с пониманием. Уже к вечеру в его распоряжении был ноутбук. Благотворительность госпожи Зарайской вынуждала Павла считать себя маленькой комнатной собачкой, которую всячески холит одинокая хозяйка. Он-то по старинке и по природной скромности имел в виду общую тетрадь и несколько дешевых ручек.

Отбросив мудрствования, Павел сходу написал первую часть, в ней рассказывалось об объявлении в газете. Сюжет, задуманный им, был весьма далек от реальности, герои выдуманы, он просто, как говорят спортсмены, «прыгнул с толковой ноги» – использовал то, что преподнесла сама жизнь. Так и пошел, нанизывая вымысел на действительное. Проблема была лишь в том, что буковки приходилось набирать одной рукой.

4

Вера в это время пыталась всеми правдами и неправдами отделаться от круто запившего Хромова. Ранение Павла пробудило в ней какое-то новое, правильное сказать, давно забытое чувство, и оно было больше, чем простое сострадание к ближнему. Оно уже больше походило на интерес. Именно опасаясь самой себя, Вера потащила с собой в больницу Солянову, которой не терпелось посмотреть на «редкий экземпляр мужчины». Все это вкупе с Хромовым выбивало из колеи, лишало привычной работоспособности.

Хромова Вере пришлось провожать самой. За рулем сидел Володя. Юрий Максимович, забыв о том, что он приличный джентльмен, всю дорогу отхлебывал из походной фляжки «вискаря» и «размазно» ругался. Размазно – это когда ругательства либо не договаривают, либо смазывают их окончания, либо заменяют в них буквы, полагая, что для женских ушей это вельми терпимо или даже безобидно. Самым приличным неологизмом из них было нечто вроде междометия «мля». Хромов крыл, на чем свет стоит, охотников, тесноту в хваленной тайге, косоглазых стрелков и бродя-

чих собак. Перед въездом в аэропорт он обещал перейти на рыбалку, причем с удочками и, лучше всего, на юге.

– Полюбишь рыбака, Вера? – вопрошал он. – Давай, бери билет и дернем из этой тайги, пока ты здесь окончательно не одичала. На фига тебе этот нефтегазовый край, если он не рай?

– Но я же Зарайская, – смеялась Вера.

– Ханты, манси, турбанси... Ермак уже сколько веков назад притаранил сюда огнестрельное оружие, а они до сих пор стрелять не научились, чуть поэта жизни не лишили! Да все равно, все трубы в Москву ведут. «Северное сияние», Вера, лучше всего в бокале, и даже не смотрится, а пьется. А у меня от северного сияния голова болит, Север мне противопоказан.

– Юр, тебе никто не говорил, что крепкие напитки и крепкие выражения не для приличных женщин?

– Простите, леди, я пьян, как поручик Ржевский, но от вашего Ханты-Мансийска у меня стойкая изжога.

– Тебя в самолет не посадят.

– Главное, чтоб куда подальше не посадили! – хохотнул Хромов.

Еще оставалось время до регистрации, и Хромов потащил всех в кафе. На первом этаже была пересменка, и Юрий Максимович, ругая ненавязчивый российский сервис, направился на второй. Вера хотела, было, развернуться и уехать, но он по-настоящему взмолился:

– Вера, ну не бросишь же ты старого друга в таком состоянии без должной опеки? Или тебе нравилось в детстве топить слепых щенков?

– Нет, – холодно ответила Вера и, вспомнив первый разговор Словцова с Хромовым о собаках, добавила: – А вот пьяных сенбернаров выгуливать я не пробовала.

В кафе прозябали три посетителя. Две девушки щебетали над бокалами вина и салатами, один мужчина сидел к входящим спиной. Он медленно потягивал кофе. Когда подошли к стойке бара, Володя сразу узнал его и бросился к его столу, широко раскрыв руки для объятий.

– Андрюха! Какими судьбами!? Е-мое, вот уж не думал встретить тебя здесь, думал, ты где-нибудь по Европам...

Человек, которого он приветствовал, встал из-за стола, ответил на рукопожатие, обнялся с Володей. Первое, что бросалось в гла-

за, это его ничего не выражающее лицо. Казалось, упали сейчас небо на землю, в его мимике ничего не поменяется. Какой-нибудь физиономист, скорее всего, посчитал бы, что на лице его отражена избранность. Внимательный взгляд серых глаз был медленным и сверлящим. На лице – несколько шрамов. Прямой, чуть сплюснутый боксерский нос, седой ежик волос, прижатые крупные уши, высокий лоб и огромный хромовский объем тела при заметной военной выправке и скупой точности движений.

Володя не заметил, как пересеклись взгляды Веры Сергеевны и его товарища, не просто пересеклись, а будто обменялись информацией. Вера сразу узнала Справедливого, и ей стало не по себе. Муть нехороших предчувствий и догадок единым махом, как стакан водки, ударила в голову. Она знала, что была единственным клиентом, которого он удостоил очной ставки, все остальные находили его через третьих лиц или по специальной почте. При этом Справедливый брался отнюдь не за всякую работу. Исключение для Зарайской он сделал по просьбе Астахова, с которым был знаком еще со времен военного училища. И чем они еще и где зани-

мались, можно было только догадываться. С Верой Сергеевной у Справедливого состоялся тогда долгий и обстоятельный разговор, проникнутый взаимным пониманием, но потом они разошлись, чтобы, по меньшей мере, не сталкиваться больше лоб в лоб, это было в интересах обоих. При этом госпожа Зарайская оставалась у Справедливого в долгу. Но вот они опять оказались рядом, и Веру стали мучить нехорошие догадки, а Справедливый представлял собой «Великую китайскую стену». Он смотрел только на ее охранника.

– Володя, я тебя тоже никак не ожидал здесь увидеть. Я на биатлон приезжал посмотреть. Садись, кофейку хлебнем.

– Но он же не кончился еще?

– Стреляют как попало, неинтересно, смотреть не на что... Наши за фрицами угнаться не могут, скандинавы – и те впереди. Тоска. Думал хоть здесь отдохнуть душой после нашего футбола. Облом. Да и дела ждут.

– Ты где сейчас? – напирал Володя. – Я тебя после того чемпионата мира не видел.

– Да нигде, даю консультации, случайные заработки, – уклонился он от прямого ответа. – А ты тут биатлонистов, поди, тренируешь?

– Нет, я в охране, – парень взглядом указал на Веру Сергеевну, – нормально, все пучком.

– Вот как, ну тогда охраняемое тело может спать спокойно.

– Да-а... там без меня спецов хватает. Но я думал, ты давно уже сборную тренируешь.

– Не с руки, я вообще сейчас не стреляю, – пояснил тот и положил открытую ладонь на стол так, чтоб Володя видел, как она вся иссечена шрамами, буквально сшита из кусков.

– Ого, где это тебя так?

– Да где, телевизор, что ли, не смотришь? Пригласили тут на маленькую войнушку, руку по плечо чуть там не оставил. Все вроде функционирует, доктора долго колдовали, но рука уже не та.

Между тем, за их столик без приглашения хлопнулся Хромов, официантка принесла три бокала, наполовину заполненные коньяком, и блюдечко с нарезанным лимоном.

– Юра, – протянул он руку Андрею – Справедливому.

– Андрей, – вынужден был ответить тот.

– Хлопнем, мужики, а то мне лететь, а летим мы сейчас ой как плохо. То шасси не откроется, то двигатель зачихает, то террористы

бомбу к Аллаху везут. Ну? Будем! – он единым махом опрокинул содержимое бокала в рот, закинул следом дольку лимона и тут же щелкнул официантке пальцами, что означало «еще».

Вере пришлось сесть рядом, ей принесли кофе.

– Я за рулем, – отказался Володя от выпивки.

– У твоей начальницы пропуск для любых ментов есть, – недовольно хмыкнул Хромов, – ну, не хочешь, как хочешь. Давай, Андрей.

Тот взял свой бокал, немного отпил. На лице Веры читались растерянность, какое-то неудобство, и Справедливый спросил ее:

– Тоже летите? Волнуетесь?

– Нет, летать я не боюсь, я в этом смысле фаталистка.

Наконец, объявили о начале регистрации, и первым из-за стола поднялся Справедливый. Вежливо со всеми распрощался, взял номер мобильного Володи, ничего не оставляя взамен, откланялся Вере. Хромов намеревался выпить еще «на коня».

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

После встречи со Справедливым чувство тревоги долго не покидало Веру. Неожиданно приехал, неожиданно уехал? А тут еще пьяный слюнявый Хромов со своими поцелуями «на дорожку»... Вера попросила Володю вместо офиса увезти ее на природу. Было у нее за городом любимое место, километрах в двадцати от города – поворот с тюменской трассы на деревню Шапша. Там стоял вдоль дороги стройный – один к одному – кедрач, словно высаженный селекционерами. Осенью там паслись целые стада грибников, а зимой можно было найти незаезженный сверток в лес, где еще оставалось некоторое безлюдье. Тайга же близ городов и поселков

буквально кишела людьми, машинами, наполнялась звуками их вездесущей деятельности, и только те дороги, которые не вели к месторождениям и буровым, сохраняли вокруг себя нетронутое пространство лесной сказки. Вера не охотилась, не ловила рыбу, не бегала на лыжах, поэтому погружалась в этот мир весьма редко, ради интимного общения с природой, сродни тому, которое еще живо у северных аборигенов, разговаривающих с деревьями.

По дороге Вера только один раз нарушила молчание, спросив Володю:

– Ты давно знаешь этого Андрея?

– Да, вместе выступали на соревнованиях, он тогда представлял армию, но было это в другой жизни. Да и в другой стране, это уж точно, – в Советском Союзе. Он вам интересен?

– Постольку поскольку у него странная манера разговаривать, все слова на одной ноте, так, будто его ничего не волнует...

– Раньше он был веселее, открытее...

Вера утвердительно, будто сто лет была знакома с этим человеком, качнула головой и снова погрузилась в задумчивость. Далее понятливый Володя молчал.

Прогуливаясь вдоль незаезженной колеи, Вера пыталась поймать причину тревоги, хотя прекрасно понимала, что это из тех занятий, которые находятся в системе координат «черная кошка в темной комнате» или «иголка в стоге сена». Точно знаешь, что иголка есть, боишься уколотся, но где она? Вот и сена бы подстелить...

Все эти дни Вера не пыталась проецировать Зарайского на Словцова и наоборот, но чем больше она общалась со Словцовым, тем больше подходила к той черте, за которой женщина невольно начинает сравнивать, в чем-то оправдывая свой интерес. И сейчас, пытаясь отвлечься от саднящего чувства чего-то неотвратимого и неприятного, она вспоминала Георгия. Да, по сравнению с мечтательным, ироничным, лишенным какой бы то ни было прагматичности Словцовым, Георгий был, что называется, матерым волком. Уж за ним точно как за каменной стеной. При этом по интеллекту ему и близко не было равных в его окружении. Побратимы по бизнесу, выросшие из малиновых пиджаков, только сейчас начали понимать, что в высшие эшелоны теперь с бандитскими ухватками не пройдешь, и стали запасаться «солидностью», кое-что почитать и

покупать дипломы. При этом Георгий не был лишен романтичности. Вере нравилось, как он часто повторял, перефразируя Тертуллиана: «Я с Верой – значит, существую, и это не абсурд». А интеллект Павла был совсем другого рода, он был мало применим на том поле, где нужно было зарыть пять сольдо и ждать, когда вырастет дерево с золотыми монетами.

Вот, вчера вечером, навещая его в больнице, она что-то говорила ему о вечернем Ханты-Мансийске, а он смотрел в окно и вдруг стал читать в полный голос стихотворение Тютчева «Одиночество»:

*«...Луна медлительно с полуночи восходит
На колеснице облаков,
И с колокольни одинокой
Разнесся благовест протяжный и глухой;
Прохожий слушает, – и колокол далекий
С последним шумом дня сливает голос свой.»*

И тут, словно совпадая с ним, с улицы донесся колокольный звон из храма, заставив Веру вздрогнуть и подойти к окну, за которым над щедрыми огнями города висела полная, но не желтая, а красная, словно перегретая изнутри луна. Вера стояла, соприкасаясь с Пав-

лом плечом, и ей казалось, что она чувствует, как холодный космос пронизывает поэта. Пришлось, правда, переспросить, чтобы узнать, чье это стихотворение. Словцов же вдруг вернулся на землю, и с вечной своей полуулыбкой процитировал:

«Не верь, не верь поэту, дева;

Его своим ты не зови –

И пуще пламенного гнева

Страшишься поэтовой любви!»

– И это Тютчев... – сообщил он, возвращаясь в унылую больничную реальность.

Зарайский стихов не читал. Но сказать, что он был безразличен к искусству, было бы по отношению к нему несправедливо. Всякое свободное время Георгий посвящал либо Вере, либо Вере на природе, либо Вере в театре, на выставке, в картинной галерее. Он хорошо разбирался в живописи, в кино, пытался быть в курсе современного литературного процесса. Но только по сравнению со Словцовым, который сам жил где-то внутри творчества, во всяком случае, искусства слова, Георгий был просто потребителем. Он мог ценить то же стихотворение или картину так же, как он

ценил хорошо приготовленное блюдо в ресторане, восторгаясь талантом повара. Про таких говорят: у него хороший вкус, и слово «вкус» как будто специально пришло с кухни.

К Слобцову категория «вкус» была неприменима. Он, кстати, сам говорил, когда рассказывал о своих студентах, что вкус привить невозможно, он не вакцина, просто либо в человеке есть иррациональная тяга к духовному, либо на нем «каинова печать» цивилизации.

– Один сын Каина, Иувал, был отцом всех играющих на гусях и свирели, другой – Тувалкаин, был ковачем всех орудий из меди и железа, – пояснял Слобцов. – Казалось бы, вот вам и нужное разделение человечества: с одной стороны – музыкант, с другой – кузнец, духовное и материальное. Но у Адама и Евы, кроме Каина и убитого им Авеля, был ещё один сын – Сиф. Он был отцом тех, кто призывал имя Божие. Тех, кто всегда помнил о Создателе, об Отце высшей гармонии. И если бы потомков Сифа не было, если бы не влились они в человечество, то потомки Тувалкаина так и не построили бы величественных храмов, делая только орудия труда или орудия войны, а потомки Иувала гудели бы языческие пляски, смыслом которых является раздражение естества, страстей

и похоти. Говоря проще, потомки Каина так и остались первобытными, не взирая на глобальные скачки технического прогресса и на новые формы извлечения звука, на его мегатонное усиление специальной аппаратурой. Они остались шаманами и охотниками у костров каменного века, ставшего теперь веком стеклобетонным. И кто знает, если бы не соблазнили дочери Каина, «дочери человеческие», как называет их Библия, потомков Сифа, то услышали ли бы мы божественные гармонии Баха и Моцарта, дышали ли бы Пушкиным, созерцали бы волшебную игру красок импрессионистов?.. Представь себе ночное небо без звёзд! Жить под таким небом, конечно, можно, можно заменить естественные светила искусственными, и эту жизнь можно будет считать цивилизованной, но будет ли это жизнью? Далёко я ушёл от того, с чего начал, но вкус, если уж говорить о нём, это умение отличать декорации от Творения! Вот скажи мне, какова на вкус молитва? Или: можно ли назвать «Страсти по Матфею» Баха молитвой?

Со Словцовым Вера вдруг начинала ощущать в себе давно утраченное ощущение прикосновения к запредельному. Когда она утра-

тила его? Или это чувство просто стерла так называемая «взрослая жизнь»? А Павел, похоже, вообще жил «по ту сторону»... Он и процитировал Фета:

*«Я загораюсь и горю,
Я порываюсь и парю
В томленьях крайнего усилья
И верю сердцем, что растут
И тотчас в небо унесут
Меня раскинутые крылья.»*

И больше ничего не говорил, хотя Вера готова была слушать и слушать. И лететь вместе с ним.

Главное, она поняла: Павла нельзя купить, нельзя содержать по договору, нельзя ни за какие деньги, в какой-то момент он плюнет на любые барыши и бросится в «свободное плавание». Сам же вопрос денег, то, что его содержат, будет ржавым гвоздём торчать в его душе и кровоточить до тех пор, пока он не решится «умереть свободным». А решится он – это аксиома, если не найдёт себе оправдания, достойного применения. Уйдёт и оставит любую подачку. Так она растолковала то, что Словцов назвал для себя «эзопов комплекс». Мас-

ла в огонь подлила даже Лиза. Вернувшись из больницы, она поделилась своими соображениями.

– Да, это не Зарайский. С такими, как Георгий Михайлович, хочется долго и счастливо жить, а с такими...

– Что с такими? – не выдержала Вера Сергеевна.

– Бросить все и уехать хоть на край света!

– А что потом?

– Так это уже неважно, – обожгла взглядом Лиза.

Мол, понимаешь ты всё, хозяйюшка, лучше моего понимаешь. Вера понимала. И знала, что какое-то время можно будет играть со Словоцовым в игру «продавец–покупатель», потому как женщина, купившая себе друга, – это нонсенс. Другой вопрос, сможет ли стать «каинова дочь» другом поэту? В любом случае, чем больше Вера общалась с Павлом, тем больше понимала, что это именно тот человек, которого ей долгие годы не хватало, но сможет ли он в ее теперешней жизни заменить все?

Так или иначе, после ранения Павла Вера взглянула на него другими глазами. В ней проснулся именно тот интерес к мужчи-

не, который чреват непредсказуемыми последствиями. Она ещё только ощущала его странным предвосхищением грядущего, возможностью соприкосновения с другим миром, и смешивалось это ощущение с чувством вины за ранение Словцова, которое он воспринял спокойно, как банальную неотвратимость. И приходилось отгонять от себя мысль: а что будет, если случится та ночь? Что она может изменить? Ничего. В сущности, никто никому ничем не обязан. В том числе – по договору.

2

Вера вернулась в офис после обеда, по-прежнему пребывая в состоянии некоторой отрешенности, делающем современного человека беззащитным даже перед мелкими неприятностями и уж тем более перед серьезными или неясными. Именно последние ждали Веру на пороге ее кабинета. Клавдия Васильевна встретила хозяйку как всегда с папкой ожидающих рассмотрения бумаг.

– Будете сейчас смотреть, Вера Сергеевна? Есть срочные.

– Хорошо, через три минуты. Ваши бумаги и горячий кофе. Потом Астахова пригласите.

– Бумаги ваши, а не мои, – буркнула секретарша.

– Согласна, – улыбнулась Зарайская, – бумаги мои, но кофе – ваш, а пить его буду я, знобит как-то.

Пять минут спустя Клавдия Васильевна подавала ей один за другим листы, комментируя:

– Это – налоговая, это – счет коммунальщиков, это – запрос из правительства округа на финансирование очередного фестиваля...

– Мы ж на биатлон давали?

– Ну не давайте, что ответить?

– Пока ничего. Я узнаю, кто еще на это проклянется и чего от нас ждут. Ссориться с властью не в наших правилах.

Последним был лист факса, который Клавдия Васильевна явно придерживала. Заметив это, Вера нервно поторопила:

– Ну что там у вас? Клавдия Васильевна, не томите.

– Да, в общем-то, глупость какая-то. Пришел факс на приемную. Без подписи. Непонятно откуда. Но, думаю, не мне, потому

как я счастлива в виртуальном браке, – наигранно гордо сказала Клавдия Васильевна и положила бумагу перед Верой Сергеевной.

Жирный крупный шрифт на листе кратко предупреждал: «Не выходи замуж».

– Это что?! – утратила свою медлительность и томность Вера.

– Вы меня спрашиваете?

– М-да... И когда это пришло?

– Часов в десять утра.

– Мы с Хромовым еще в кафе сидели, значит, не он. Дурацкая шутка какая-то?

– Это вы, Вера Сергеевна, с Астаховым посоветуйтесь, может, и не шутка дурацкая, а предупреждение об опасности, – резонно заметила секретарша.

– Скажете, Клавдия Васильевна.

– А поэта вашего скоро выпишут? – не очень тонко намекнула Клавдия Васильевна.

– Скоро, но он не мой. Зовите Астахова.

Андрей Михайлович не заставил себя долго ждать. Вера сунула ему в руки факс. Тот повертел его и профессионально отметил, что обратный номер в любом случае должен был пропечататься.

– Вероятно, можно узнать, откуда его послали, хотя вряд ли это что-то даст, по-

тому что его мог отправить за деньги любой бомж с любого почтового отделения. Кто у нас еще, кроме Хромова, в поклонниках, может, конкуренты его? Знали ведь, что он сюда полетел.

– Да все, кроме него, крест на мне поставили, – задумчиво ответила Вера. – Я видела в аэропорту Справедливого, сидела с ним за одним столом. Он, оказывается, знаком с нашим Володей.

– Вот! – не сдержался Астахов в эмоциях, но ругательство сжал между зубами.

– Ага, и пил с Хромовым. И одним рейсом полетел с ним обратно. Он же отсидеться хотел?

– Не знаю, Вера Сергеевна, он мне, как вы понимаете, не отчитывается. Он вообще никому, кроме себя, не отчитывается. Может, улеглось у него там все?..

– Михалыч, – прервала ход мысли Астахова Вера, – у меня какое-то нехорошее предчувствие.

Астахов пристально взглянул на Зарайскую, словно оценивал серьезность и вескость сказанного.

– Если б я был последовательным аполлетом марксизма-ленинизма, то ответил бы

основательной отповедью о предрассудках, определил бы сознание бытием и порекомендовал успокоительное в средних дозах. Но я даже в те времена не был атеистом, и у меня у самого порой третий глаз открывается, и, часто бывает, чутье не подводит.

– А что ты сам думаешь о том выстреле на охоте?

– Следов ноль, а тут я привык верить фактам. Хотите, усилим бдительность, охрану?

– Не знаю, Андрей Михалыч, тебе виднее. Может, попробуешь узнать, зачем прилетал Справедливый?

– Тем самым мы нарушим вашу с ним конвенцию, – напомнил Астахов, – но если есть приказ, я его выполняю.

– Нет, не надо, до сих пор у нас все было честно. И вот что, Слобцов просил, чтобы следователь этот – Сергей Петрович, поменьше его донимал. Это реально?

– Реально. Хотя парень – честный служака.

– Поэт наш взялся за прозу жизни, – глядя мимо начальника охраны, сказала Вера Сергеевна.

3

Выписавшись из больницы и вернувшись в особняк, Павел первым делом подключил ноутбук к принтеру и распечатал то, что ему удалось написать за эти дни. Писать он мог по-разному: карандашом, ручкой, на машинке, на компьютере, но читать предпочитал только печатный вариант. Так ему легче открывались собственные огрехи в тексте. Читал он написанное как раз до обеда, потом Лиза позвала его в гостиную, где весьма доброжелательно потчевала супом из красной рыбы и грибами тефтелями, рецепт приготовления которых узнала этим же утром по телевизору. Готовила она отменно, и Павел не преминул сказать об этом.

– На ужин будет то же самое, – предупредила Лиза. – Вера-то бизнес-ланчи поедает на работе, нет, чтобы домой приехать. Вот и получается, что я впустую готовлю, а обед на ужин остается.

Но Вера в этот день приехала. Видимо, из-за того, что вернулся из больницы Павел. Торопливо, рассказывая что-то на ходу, начала переодеваться.

– Что такое? – поймала Вера его взгляд.

– Да все нормально, – поспешил успокоить ее Павел, – тебе это идет. Этакая неприужденность красивой женщины.

– Красивой? Ты действительно так считаешь? Я думала, меня работа уже стерла, порвала, как Тузик грелку. Мне сейчас совсем некогда ходить по косметическим кабинетам.

– Тебе и нужды нет, – честно и просто ответил Слобцов, – бывает у человека талант от Бога, у женщины – красота. Она, конечно, мир не спасет, но одного мужчину может. Зато остальные умрут от зависти.

– Паш, – вдруг забыла об уговоре Вера, и он аж поморщился, – извини... Ты меня что, дразнишь, или начал ухаживать?

– Я всегда говорю женщине то, что о ней думаю, кроме тех случаев, когда лучше молчать.

– Ну вот, теперь я слышу привычную иронию господина Слобцова. О! А это то, что я думаю? – остановилась она перед пачкой листов на журнальном столике.

– Да, подбивал там кое-что...

– И ты назвал свой роман «Над не»? Странно, хоть и оригинально.

– Это из-за отсутствия собственных мыслей. Берешь пьесу пролетарского класси-

ка, переставляешь в ее названии одну букву и получаешь собственное.

– Хм, а Горький, между прочим, ничего бы не потерял, если б назвал так свою пьесу, даже выиграл бы. Ведь получается – «над» отрицанием всего. Еще какие у тебя параллели? Надеюсь, ты не ассоциируешь меня с Василисой Костылевой?

– А себя с Лукой, – продолжил Павел. – Да упаси Бог хоть от каких аналогий. Я жутко в школе не любил две пьесы: чеховского «Дядю Ваню» и горьковское «Дно». Горький опустил людей ниже нижнего. Они ведь не столько находятся на дне социальном, сколько на дне собственном, собственного сознания, души, если у нее есть дно. И единственная задача Горького – заставить читателя выпучить глаза на все это. И мне в ответ хочется сказать словами его собственного героя Сатина: «Эх, испортил песню, дур-рак!».

– Я что-то еле припоминаю из школьной программы... С трудом.

– Вот-вот. У нас школьную программу разрабатывают, что тогда, что сейчас, те, кому, видимо, поставлена задача: сделать все, чтобы наши школьники возненавидели русскую классическую литературу.

– Чего ж ты зацепился... за дно?

– Из-за сходства. Сходство – в невозможности существования на дне самих себя, над «не» самих себя, «не», заставляющем человека перечеркивать самого себя. Сейчас, кстати, снова вошло в моду писать о социальном дне, о бомжах и проститутках, сутенерах и прочем. Воров и убийц придумали больше, чем их есть на самом деле. Горький, если бы повидал наше дно, пожалуй, в срочном порядке начал писать пьесу «Всплытие»... Совпадение еще и в том, что герои пьесы Горького одиноки. Но Горький неверно оценивает роль и суть одиночества. Одиночество – это и есть главный двигатель цивилизации.

– Вот как?

– Попробую объяснить. Первобытных людей одиночество перед дикой природой заставляло собираться в общины. Одиночество заставляет человека искать свою вторую половину. Одиночество заставляет человека совершать все мыслимые и немыслимые поступки ради того, чтобы преодолеть его. Но сам человек в этом процессе только попадает из одной фазы одиночества в другую. Даже обретая семью, друзей и детей, человек может оставаться одиноким. Это и есть другая фаза.

Зайдя в тупик одиночества, человек может отчаяться. Отчего кончают с собой миллионеры? Казалось бы, такой суицид – сумасшествие. С жиру бесятся.

– Но тогда как быть с монахами? Особенно – схимниками, которые предпочитают одиночество?

– Это люди, которые знают, где единственно верный выход из одиночества. Он называется – присутствие Бога. Где бы они ни были – в пустыне, в тайге, – они ощущают присутствие Бога и стремятся к Главному Собеседнику.

– Выходит, любовь между людьми, между мужчиной и женщиной, не панацея от одиночества?

– Да, она лекарство, как и все – временное. Принял таблетку, голова перестала болеть, но если не устранить причину боли, она заболит снова. Но! Если любовь стремится к совершенству, развивается, то она преодолевает одиночество – тем, что дает умение делить с человеком, со своим возлюбленным, его одиночество. Не радость и печаль, хотя и это немаловажно, а именно – одиночество. Ведь изначально Бог создал Еву из ребра Адама именно для этой цели, чтобы не было

ему в этом мире одиноко. Читай Библию, там ответы!

– Как все просто и сложно одновременно. – Вера подошла к пачке листов. – Я могу почитать?

– Ты? Да. В сущности, я пишу это для тебя и только для тебя. Должен же я как-то оправдывать свое существование в твоём доме, а заодно свою зарплату.

– Тебя это волнует так сильно?

– А ты как думаешь? Если тебе интересна эта смесь реальности и воображаемого – причем, не только моего, но и твоего, то я буду пытаться продолжать этот текст до тех пор, пока он не станет романом. Прости, но за отправную точку я взял твоё объявление и свои «размышлизмы» о судьбах поэтов – самых бесполезных существ в условиях прогрессирующей каиновой цивилизации. Правнуки Ноя всё же вынесли часть его печати из ковчега.

Вера улыбнулась в ответ.

– Как твое плечо?

– Если мне придется до конца жизни работать грузчиком, то можно считать меня вполне здоровым. Доктор велел теперь интенсивно разрабатывать порванные пулей

связки. Так что, если ты не возражаешь, я порой буду заниматься на твоих тренажерах наверху.

– Не возражаю, но плохо представляю тебя в тренажерном зале. А можно мне посмотреть на... эту рану? Я никогда не видела огнестрельных ранений вблизи.

– Уже заживает, – заметил Павел и скинул футболку.

Вера от неожиданности замерла, рассматривая его вполне даже приличный торс. Павел в этот момент оторвал марлю, державшуюся на пластыре, демонстрируя затягивающуюся рану.

– Такая маленькая, – удивилась Вера.

– Во-во, а шуму сколько?

– Знаешь, а я думала, ты такой щупленький...

– Ну не совсем же я анемичный.

Они стояли так близко, что, казалось, вот-вот обнимутся. И, пожалуй, обоим этого хотелось.

– И что, в твоём романе будет маленькая столица большой Югры?

– Будет. И большая столица большой России...

– Главный герой будешь ты?

– Нет, это будет мое «альтер эго». Этакая параллельная реальность.

– А когда тебе надоест или ты посчитаешь себя несовпадающим с этим миром, ты опять выбросишься из него с парашютом? И твое одиночество будет длиться?

– Да, – честно признался Словцов. – Парадокс в том, что я изначально не совпадал с этим миром, но что-то меня в нем удерживает. Но и твое одиночество будет длиться.

– И мы не сможем его преодолеть?

– Главный смысл, вселенский смысл одиночества – научиться любить людей, как Бог. Как Христос, который, уже будучи распятым, просил простить своих мучителей. Человек, который умеет любить людей, не знает одиночества. Человек, который умеет любить людей, любит Бога. И Бог отвечает ему взаимностью.

– Твоя жена не смогла разделить с тобой твое одиночество?

– Скорее, я не смог. Она была в моем мире, а я ни разу не вступил в пределы ее мира. На бытовом философском уровне это называется эгоизмом. По-русски – «яканье». Но, извини, об этом я меньше всего хочу говорить. Я придерживаюсь правила: никогда

не говорить с одной женщиной про другую, тем более, никогда их не сравнивать.

– Одна просьба: когда захочешь уехать, предупреди меня.

– Обещаю.

– И еще: если бы я вдруг решила бросить все, как ты, ты бы взял меня с собой?

Павел почувствовал, как нечто толкнулось в сердце, какая-то мощная волна окатила его с головы до ног. Он едва не вздрогнул.

– Возьму. Ведь ты тогда поймешь бессмысленность бесконечного зарабатывания и накопления, – улыбнулся он.

– И не застрелюсь, как миллионер.

– Вера Сергеевна, вы обедать, в конце концов, будете? Микроволновка уже по второму разу все сварила. – В гостиную с кухни вошла раздраженная Лиза.

4

Утром Вера проснулась со странным и приятным чувством обновления. Ей впервые за долгое время было абсолютно все равно, что сегодня будет происходить на работе. В ванной комнате она долго смотрела на себя в зер-

кало и так не спеша собиралась, что охраннику у ворот пришлось два раза напоминать ей: подошла машина. «Эту пунктуальность, весь этот ритуал придумала я сама? Зачем? – спросила себя, садясь на заднее сиденье «лексуса». – Хорошо Слобцову, он вырвался из этого беличьего колеса...» Какое-то важное решение назревало даже не в разуме, где-то в душе, и она только пыталась уловить его, попробовать на вкус.

Перед сном Вера читала часть романа, написанную Слобцовым, в то время как сам он стучал по клавишам ноутбука у себя наверху. Некоторые совпадения, пророчески увиденные Павлом, ее почему-то не удивили. То, что главная героиня возьмёт для чтения рукопись, это уж почти по-булгаковски, это само собой разумеется. Хотя откуда ему было знать, что Хромов летел домой пьяным в ноль? Сама Вера ему об этом не рассказывала. Но так поступил бы каждый второй мужчина на планете, снимая стресс. Особенно, если у него есть к этому предрасположенность. Больше всего её удивила сентенция про телевизор. Звучала она так: если мужчина и женщина не смотрят друг с другом телевизор, значит, они влюблены друг в друга. Объяснялось всё просто: значит, есть

что-то волнующее их в себе самих больше, чем мощные чары колдовского ящика. И тут же в памяти отмотала обратно последние дни. Она действительно не смотрела телевизор ни с Павлом, ни в те дни, когда он был в больнице, хотя до этого обязательно следила за вечерними новостями или могла сунуть в DVD-плеер какую-нибудь голливудскую стряпню, номинированную в этом году на «Оскар».

Ну, хорошо, это тонкое наблюдение поэта. Женщину от телевизора, если она не последняя дура, могут оттащить любовь, книга и собственный ребёнок. Но было одно размышление-предсказание, которое Веру напугало: в больнице главный герой, рассуждая о летающих над землей пулях и их траекториях, приходит к заключению, что если пуля предназначалась Хромову, то обязательно будет пуля и для Словцова. А случайная пуля иногда выбирает точнее, чем рассчитывает тот, кто ее выпустил, или тот, кто ее заказал. И это было созвучно нехорошим предчувствиям и опасениям Веры. И настолько явно, что захотелось войти сейчас в его спальню и сказать: «Бросай все, поехали отсюда!». Или: «Я давно одна, мне страшно, мне ни к чему даже эта внешне богатая жизнь, я перестаю

видеть в ней смысл». И вдруг пришло озарение: то же самое может повторить ей Словоцов. С той разницей, что он уже решился на поступок. Он попытался парить над «не». Какое-то время она обдумывала проснувшееся в ней желание, пытаясь понять, чего в нем больше: стремления преодолеть собственное одиночество или рождающегося чувства к Павлу?

В конце текста она прочитала всё то самое, что он сказал ей об одиночестве, определяя его движущей силой вселенной. Всё, кроме одной фразы, в которой сам Словоцов задавался вопросом: а не создал ли всех нас Господь, чтобы избежать одиночества? Собственного. И стали мы плодиться и размножаться, и досаждать Создателю неблагодарностью, потому что не умели ценить ни любви, ни одиночества, считая лекарством от последнего даже Интернет, виртуальный мир. Наверное, компьютер считает Интернет богом, потому что упрямо пишет это слово с большой буквы, в то время как слово «Бог» он готов писать с любой. Даже компьютер жаждет подключения к Сети, чтобы избежать одиночества. Мы настолько созданы по образу и подобию, что готовы поделиться свои-

ми антропометрическими характеристиками не только с собаками, но и грудой микросхем и железа. И это тоже признак одиночества. Признак слепоты. Экраном телевизора или экраном компьютера мы загораживаемся от Создателя. Но не можем загородиться от одиночества. «В начале было Слово, – начал свою Благую Весть любимый ученик Христа. – И Слово было у Бога, и Слово было Бог». Посредством слова человек преодолевает одиночество. Посредством Слова человек преодолевает себя, преодолевает смерть...

В офисе она даже не удивилась, получив от Клавдии Васильевны факс с тем же предупреждением, что и вчера. Надо рассказать об этом Павлу, подумала она, если он уже в каком-то виде не смоделировал эту ситуацию. Она еще и еще раз прокручивала в сознании события последних дней и даже – лет: одиночество, работа на износ, снова одиночество. Даже находясь среди людей, которым могла доверять, Вера оставалась одинокой. Она ни разу не просила в эти годы ни о чем Господа Бога. Но она ни разу не поблагодарила Его, словно не за что. Наверное, данное ею глупое газетное объявление, эта игра в фатум, стало, по существу,

молитвой сразу для двух человек. «Вера – имя ко многому обязывающее», – вспомнила она строчку словцовского романа. Напращивалось продолжить: Надежда, Любовь. Словцов же на обратной стороне листа карандашом оставил набросок стихотворения:

Если вдруг ты заставишь меня
Верить в то, что любовь преходяща,
Станет город, как мертвая чаща,
А костер, как рисунок огня.
Станет ветер и будет стоять,
Не толкая унылое небо,
Был я здесь или, может быть, не был,
Мне уже никогда не понять.
Пушкин в руки перо не возьмет,
Не коснется холста Боттичелли,
И в системе бесполох значений
Нерожденный Петрарка умрет.
И пройдет самый глупый парад:
Натюрморт, аппетит и карьера,
Вместо музыки будет «фанера»,
Вместо образа – черный квадрат.
Поколениям счет завершая
По замшелым могильным холмам,
Вырвет сердце от горя Адам,
Ибо ребра ему не мешают.

Пей же Евину хитрость и статью!

Эту жизнь без любви не приемлю.

Для чего нас сослали на Землю,

Без тебя не дано мне понять.

Еще она вместе с бессонницей вынесла из прошедшей ночи твердую уверенность: Павел – не просто играющий ироничную пьесу интеллектual, а талантливый человек, страдающий от постоянной душевной боли.

Вера вызвала Астахова. Кивнула ему на факс. Он безнадежно покрутил его в руках.

– Завтра, наверное, еще один придет.

– Это что, психическая атака? – спросила Вера.

– Факс был из Москвы, вчера удалось установить. Вполне может быть, что и хромовские так шутят по его же приказу.

– Глупость какая-то. Михалыч, я вообще-то тебя позвала не для этого. Мой кабинет твоим ведомством не прослушивается? – как будто это было вообще возможно, все же спросила Вера.

– Нет. Сто процентов. Никем.

– Тогда я хочу тебе задать очень важный вопрос. Мне нужен честный ответ человека, которому я целиком и полностью доверяю. –

Вера сделала нужную в таком месте паузу. – Скажи, если я вдруг решу исчезнуть, ну просто раствориться в этом безумном мире, насколько это возможно? Сможешь ли ты мне помочь?

– Придется ответить банально: в этом мире за деньги возможно очень многое. И на меня, Вера Сергеевна, вы можете положиться... Да что я говорю, сами знаете. Но по-настоящему исчезнуть можно только без денег. Во всяком случае, не менее трех четвертей вашего состояния должно быть на плаву. А какой смысл исчезать без денег?

– Михалыч, у меня есть тайны, в которые не посвящен даже ты. На плаву у меня и так далеко не все. Было бы неосмотрительно глупо не страховать в наше время.

– Это я подозревал. Но даже тайные вклады надо по-умному отвести от удара.

– За это не беспокойся, для таких операций существуют честные банкиры. Если я тебя попрошу все организовать, ты поможешь?

– Два раза меня просить не надо... Правда, в этом маленьком городке исчезнуть практически невозможно, поэтому лучше это имитировать в Москве или где подальше. Потому что, если исчезнет человек вашего масштаба, тут будут рыть до самой вечной мерзлоты. Так

что – Москва. Этому Вавилону все равно. Или заграница какая. Вам все же стоит почаще ездить в столицу, хоть вы этого не любите.

– Как скажешь. – На минуту Вера задумалась, но все же решилась добавить: – Для тебя я тоже сделаю все, чтоб тебе до конца жизни уже не пришлось нигде и никому служить.

– Догадываюсь, – благодарно улыбнулся Астахов, – но служить я привык, как дышать.

– Дальше будет уже твое дело.

– А вот мое дело, это интересно, давно мечтал открыть свой клуб единоборств.

– Тебе и карты в руки. И спасибо...

– Не за что...

5

Вечером Вера привезла Словцову листы факсов. Не комментируя, положила на стол в гостиной. Павел прочитал их, понимающе поиграл бровями и спокойно заявил:

– Мне кажется, я знаю продолжение этого романа.

– Со мной не поделишься?

– Сначала с бумагой.

– Это что, игра такая, в пророка?

– Вера, упаси Бог! Я вообще ни на что не претендую. Но если раскрывать все тайны творчества, оно просто потеряет смысл. А пишу я больше для того, чтобы чем-то занять себя.

Вера вдруг поймала себя на совершенно отвлеченной мысли и, сама не зная зачем, высказала ее:

– От тебя сегодня не пахнет больницей...

– Полчаса отмокал в душе. Лиза помогла мне заклеить пластыри куском полиэтилена, доктор сказал, что марганцовка доведет лечение.

– Лиза помогала?

– Да. Тебя что-то смущает?

– Нет, ничего, – ответила Вера, хотя вновь поймала себя на мысли, что, пожалуй, в этот момент приревновала Словцова, хотя не имела на это никакого права. Что это за глупая ревность? Ревность – это уже признак... чего?

Павел заметно растерялся, но на выручку ему пришла бесцеремонная Лиза. Выглянув из коридора кухни, она мгновенно срисовала ситуацию, да, по всей вероятности, еще и подслушивала.

– Вера Сергеевна, да не трогала я вашего поэта! Он сам пришел! И не мучайте

себя ненужными подозрениями, мне он нравится только как человек, а как мужчина – не в моем вкусе.

– А мне нравится... – сорвалось у Веры, и она попыталась тут же исправить-ся, – точнее, мне не нравится, Лиза, что ты подслушиваешь и вмешиваешься в чужие разговоры.

– Не больно-то надо! Вы бы еще перед микрофоном на радио беседовали. Сами знаете, какая в этой комнате акустика – как в театре.

Повисшую в воздухе неловкость помог снять впервые за долгое время включенный телевизор. Огромная плазменная панель на стене, подчиняясь командам с пульта в руке Веры, переключала программы. Павел просто сбился со счета. Антенна на крыше, похоже, отличалась эфирной всеядностью. Вера же, проскочив, как минимум, три десятка каналов, вернулась к новостям на Первом.

– Ну, чего они хотят? – возмущенно прокомментировала она предыдущий видеоклип. – Насилие, безнравственность и глупость! И бредят при этом гражданским обществом! Больные на всю голову! Вот смотри, и в новостях каждый день... – и осеклась.

Диктор на фоне аэропорта «Домодедово» рассказывал об очередном покушении на крупного бизнесмена... Юрия Хромова. Покушение произошло вчера на Каширском шоссе. По машине Хромова произведен всего один выстрел. Бизнесмен был ранен и доставлен в институт Склифосовского, где ему была сделана успешная операция. Водитель сумел вывести машину с линии огня и не пострадал. Ведется следствие, отрабатываются, как водится, сразу несколько версий.

Сюжет сменился. Вера сидела, в буквальном смысле открыв рот. Она смотрела на экран, Павел на нее. Через минуту их взгляды встретились.

– Что ты там писал о неслучайной баллистике?

– Значит, мне все-таки досталась его пуля, – задумчиво поджал губы Словцов.

– Зачем было ехать за ним сюда, чтобы в итоге выстрелить в Домодедово?

– А там в него стрелял другой человек, – уверенно заключил Словцов.

– Тогда многое объясняется... Но не все. Факсы эти дурацкие...

– Что объясняется?

– Павел, когда-нибудь я тебе многое расскажу, и, возможно, тебе захочется от меня отвернуться, уйти и больше никогда не возвращаться, ни за какие деньги. Но сейчас мне просто страшно, страх, правда, не животный, а какой-то метафизический.

– Я не боюсь смерти, – сказал вдруг Павел.

– Совсем? Это невозможно.

– Нет, это пришло в свое время, как осознание ужаса жизни. В последнем романе Воннегута «Времятрясение» есть фраза, которую он приписывает Марку Твену: «С тех пор, как я стал взрослым, мне ни разу не захотелось, чтобы кто-нибудь из моих покойных друзей возвратился к жизни». По-моему, исчерпывающе.

– У меня нет детей, значит, и мне бояться не стоит, – обреченно согласилась Вера.

– У Веры должна быть вера.

– Надо ехать в Москву... Хромов все-таки друг. Друг семьи даже. Он знал Георгия. Вместе они когда-то начинали. Поедешь со мной?

– Я же на работе, – улыбнулся Словоцов, – тем более, сто лет не был в столице. Наверное, со времен перестройки.

- Тогда готовься к шоку.
- Шок – это по-нашему, – передразнил рекламный слоган Павел.
- Ты не возражаешь, если я чего-нибудь выпью. Позабористей. Текилу какую-нибудь.
- А мне кофе, – попросил Словцов.
- Аиза! – крикнула в сторону кухни Вера. – Выпить хочешь?!

6

По своим комнатам расходились с чувством какой-то недосказанности. Вера и Лиза, правда, повеселели, после того как выпили три раза «Текилу-бум». Но алкоголь либо притупляет, либо обостряет. С Верой был второй случай. В сущности, каждый знал, чего ему в этот момент не хватает, но сознательно не определял этого желания. И так, с ощущением неопределенного разочарования, разбрелись по спальням.

Вера взяла с собой из библиотеки двухтомник Тютчева, Лиза просто махнула на все рукой, а на кухне махнула еще и рюмку, Павел сел, было, за роман, но не писалось, и он только тупо смотрел на монитор компьютера. Он

почему-то подумал о всемирном законе тяготения. Вакуум вселенной – это, собственно, и есть разреженное одиночество. Преодолевая одиночество (читай: прорезая его орбитами), планеты вращаются вокруг звёзд, а у многих планет есть ещё и спутники. Ничего нового в этих «размышлизмах» не было, кроме того, что Павел пытался проецировать закон всемирного тяготения на людей. Все вместе они тянутся к чему-то светлому, к Богу, и также взаимопротягиваются. Есть среди них планеты-гиганты, планеты-карлики, есть чёрные дыры... А что происходит с людьми, когда они преодолевают тяготение друг к другу?

В конце концов, Павел пришел к мысли о том, что больше не в силах сопротивляться притяжению Веры, иначе они могут просто разлететься в огромном пространстве. Он начал искать повод, чтобы прямо сейчас прийти к ней. Разумеется, не найдя ничего подходящего, он просто спустился вниз, на кухню, где налил себе воды и стал пить медленно и со вкусом, будто только что вышел из пустыни. И закон притяжения сработал. За спиной щелкнул выключатель, зажегся свет, и, оглянувшись, он увидел Веру в ночной рубашке.

– А я... – пыталась определить она, но не стала городить нелепости, – не спится мне, даже после текилы.

– А мне и без нее.

Павел нащупывал нить дальнейшего разговора, но, получалось, хотел сказать слишком много. Иногда пресловутая женская логика, точнее, её отсутствие, определяют более точное и ожидаемое решение, не оставляя при этом никаких шансов другим вариантам. Так поступила и Вера. Она просто подошла и взяла Павла за руку со словами:

– Пойдем ко мне.

– Пойдем, – облегченно вздохнул он.

– Ты этого хотел?

– А ты?

– Пойдем... Я не знаю... Ничего пока не знаю... И знать не хочу...

Когда они поднялись в спальню Веры, Словцов приостановился на пороге. Ее комната по планировке мало чем отличалась от той, которую отвели ему, была как бы зеркальным отражением. Но было сразу понятно, что это комната Веры.

Павел замер во вновь охватившей его нерешительности. Вера с ироничной, навер-

ное, Евиной улыбкой стояла напротив, всего в полуметре от него.

– Я уже забыл, как это делается, – смущенно признался он.

– Ничего страшного, когда-то и не знал. Вспоминай, только медленно...

– «Служенье муз не терпит суеты», – процитировал Словцов, притягивая Веру за плечи.

Он вновь открывал для себя женщину. Все эти годы он избегал случайных отношений: от продажных девиц и лёгкого флирта до серьёзных попыток женить его на себе. В наше время это нелегко, если учесть, что с прилавка каждого газетного ларька на тебя смотрят полу- или целиком обнажённые девицы, и если весной юбки подпрыгивают до надбедренных повязок жительниц африканского континента. Первое время всех заслоняла Маша. Словцов был редким типом мужчины, которых называют однолюбам, и расставание с женой он переживал как конец света, или, во всяком случае, как конец собственной жизни. Но не зря талдычат, что время лечит, да и Маша помогала, порой являясь в его холостяцкое жилище, и на все попытки с его стороны восстановить утраченное отвечала

холодом и настоящим, ледящим душу презрением. Потом он долго жил по инерции: бесцветные дни – от лекции до лекции, без поэзии, без творчества. Виделось почему-то все отрицательное, негативное, телевизор был тому ярким помощником. И вырваться из этого порочного круга не было, казалось, никакой видимой возможности.

И вот теперь перед ним стояла Вера, и он принимал и желал ее, потому что, не взирая на все социальные различия, они были одного поля горькие ягоды. Павел и без исповедальных речей знал, что у Веры после Зарайского не было никого. Так же, как она знала о нем. Зарождение любви – это не только пробуждение инстинкта пола, это пробуждение такого понимания и совпадения, когда понимаешь человека с полуслова, с полувзгляда, даже с полувздоха. И, с момента встречи в ее кабинете, Павел чувствовал и понимал ее так, словно знал всю жизнь. Вера же немного путалась в нем, ибо порывы и поступки поэтов плохо поддаются простой логике. Не сорвись он в одночасье из дома, не окажись в гостинице, не прочитай газету – кому бы попало на глаза ее объявление? Воистину: неисповедимы пути Господни!

И теперь, когда Вера со всех сторон обдумывала свое отношение к Словцову, она вдруг впервые задалась вопросом: а любила ли она Зарайского в полном смысле этого слова? Или это был брак, в который она вступила под благородным напором Георгия и, честно говоря, в какой-то мере по собственному расчету? Удивительно, Словцов, пожалуй, не умел и не мог ухаживать так, как это делал Зарайский, но ему удавалось главное: он оставался всегда интересен, от него исходили мощные волны какой-то неведомой энергии, и главное – с первого взгляда было понятно, что для Павла любовь – нечто загадочное и всеобъемлющее, большее, чем для любого другого мужчины, который может выглядеть во сто крат мужественней, уверенней в себе и быть в миллион раз более приспособленным к этой жизни...

Под утро, изможденные нежностью, они тихо разговаривали уже как родные люди.

– Знаешь, чего мне больше всего жалко в советской жизни? – за Павлом была очередь делиться сокровенным. – Имелась уйма времени! Чтобы любить, читать, искать, спорить, мечтать. Мы потеряли не советскую власть, мы потеряли время и менталитет! Нынешнее время заставляет нас сжигать себя на работе, а

потом прожигать заработанное всеядным потреблением. Хлеба и зрелищ – как давно это придумано! Древний Рим рухнул под ударами варваров именно поэтому. Империя, которая перестает мечтать, перестает быть империей. Штаты? Штаты – это не империя, это мутант! А Советский Союз оставался империей...

– Я тоже часто ловила себя на мысли, что нужно остановиться, замереть на какое-то время, чтобы хоть иногда смотреть по сторонам или в небо. Чтобы увидеть, как встает и садится солнце. Деньги делают деньги, товар – деньги – товар, штрих – деньги, штрих... и понеслась. И несешься, не понимая уже, что не ты делаешь эти самые деньги, а деньги делают тебя. И делают тебя далеко не лучшим, но ты находишь миллион оправданий этой безумной гонке в никуда, думая об обеспеченной старости. До нее еще дожить надо. Вот, доигралась, мужика себе купила, – наигранно скуксилась Вера.

– Почему ты сразу не бросила все? Ты же другая?

– Сначала, по твоей же теории, боролась с одиночеством, потом по инерции, а по моей новой теории, не сделай я этого, то не встретила бы тебя.

Павел улыбнулся.

– Опять ты со своей иронией, – деланно обиделась Вера. – Но белке все равно пора в свое колесо. В Москву все-таки надо слетать. Мне не только там Хромова проведать, есть еще дела. Полетишь со мной?

– При всем моем сомнении в надежности нынешней авиации, с тобой – хоть в космос. И желательно – больше не возвращаться...

– А ты, если уйдешь, вернешься?

– Если бы мне кто-нибудь еще месяц назад сказал, что я полюблю миллионершу, я бы посчитал его сумасшедшим.

– А кем бы ты посчитал того, кто сообщил бы тебе, что миллионерша влюблена в тебя?

– Кем-кем! Самой красивой миллионершей!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

– А я уж думала вас не будить, – притворно-язвительно сообщила Лиза, когда Павел и Вера спустились в гостиную, – поднялась, стучусь к Павлу Сергеевичу, а там тишина, заглянула – нет человека. Ну а дальше у меня уж соображения хватило...

– Лиза, – прервала ее Вера, – ты будешь ерничать или нальешь нам кофе?! Я уже и так опоздала везде и всюду.

– Уже налито, – доложила Лиза.

Вера суежилась. Видимо, так ей было проще разрядить новую ситуацию в доме. Павел с безразличным видом сидел на диване. Мобильник Веры, кажется, работал, не переставая.

– С ума сойти можно от такого напора, – заметил Павел.

– В сущности – это основная часть моей работы – трещать по телефону, – успела между звонками поделиться Вера.

– С ума сойти, – еще раз сказал Павел, принимая у Лизы поднос с кофе и бутербродами.

– Горячая линия, – с готовностью подыграла ему Лиза.

И Вера вдруг согласилась с обоими. Закончив очередной разговор, просто отключила трубку и бросила ее в сумочку.

– Действительно, – прокомментировала она, – как автоответчик... Ладно, билеты заказала, Астахова предупредила, остальные – обойдутся.

– Полетите в Москву, сыну от меня презент увезете? – спросила Лиза.

– О чем речь? Конечно, – кивнула Вера.

– Матери немного денег...

– Да не переживай, обязательно оставлю.

Павел с интересом смотрел на Веру: что изменилось, каких новых бликов ей добавил новый день, что осталось от ночи?

Нет, движения по-прежнему размеренные, вот только в телефонных разговорах она была порой непривычно для себя резка, да в глазах затаилась отнюдь не радость обретения, а какая-то новая печаль. Он наблюдал за женщиной, от которой у него в первые за долгое время приятно кружилась голова и замирало сердце. Порыв был настолько сильный – юношеский, что он минутно ловил себя на мысли о желании обладать ею вечно, без каких-либо перерывов и отвлечений. И когда Лиза вышла по какой-то надобности на кухню, он вскочил, обнял ее и тихо прошептал:

– Я хочу украсть тебя наверх, и мне плевать, кто и что об этом подумает.

На секунду Вера оторопела. Пристально посмотрела в глаза Словцова и тихо ответила:

– Мне тоже плевать...

– Любовь и страсть – это форма безумия. Ведь не зря говорят, я без ума от тебя... Господи! Какая ты... Ты-то хоть сама знаешь, что можешь повелевать полками?! Не зря за тобой охотятся все эти Хромовы.

– Тс-с-с... – приложила она палец к его губам. – Не хочу сейчас любить ушами.

Словцов улыбнулся, увлекая Веру вверх по лестнице.

– Похоже, ты вспомнил, что такое любовь, – чуть игриво заметила Вера.

– Теперь у меня есть Вера, я верю, я вверяю, доверяю, выверяю, сверяю, и ты меня в-вер-гаешь в такое мальчишество...

Лиза появилась с кухни, понимающе цокнула им вслед языком. Они же уже никого и ничего не слышали и не видели.

2

В самолете оба дремали.

Павел, входя в салон, удивился, что полетят они на стареньком Ту-134. Он справедливо полагал, что в Москву должны летать «Боинги» или, в худшем случае, Ту-154. Вера успокоила его, сказав, что это самый надежный самолет, а город их, хоть и столица региона, но не так велик, чтобы три раза в день гонять из него бомбовозы. Павел заметил, что он ничего не боится, а только удивляется. Мол, если в ад – так вместе, а сгорать, так он и сейчас горит. Зато удивился живописному изгибу Иртыша под крылом и

тому самому – пропетому еще в семидесятые годы – «зеленому морю тайги» с неровными блюдами озер и бурными пропалинами болот. И когда лайнер накренил крыло, Павел увидел, как белокаменно смотрит ему вслед храм Воскресения Христова, возвышаясь над городской суматохой.

– Ну и как развернется сейчас твой роман? – спросила Вера, когда стюардесса принесла минералку.

– Так и развернется, – уклончиво ответил Павел. – По закону жанра должен появиться человек или случай, да хоть дух командора! Кто-то или что-то.

– Ты серьезно?

– Все хорошо бывает только у тихомешаных, у сумасшедших.

– Но мы же сумасшедшие?

– Но мир-то об этом ничего не знает, – улыбнулся Павел.

Вера положила ему голову на плечо и закрыла глаза. И такие, казалось бы, незначительные моменты маленького человеческого счастья, когда есть к кому приклонить голову, стоят порой больше, чем мгновения взаимной страсти. Об этом она подумала и заснула.

После посадки, как только Вера включила сотовый телефон, он разразился нетерпеливым пикиканьем, сообщая дисплеем, что это Лена Солянова.

– Ну, не предупредила я тебя, – ответила на еще непрозвучавший вопрос Вера. – Обстоятельства так складывались. Что? Лиза сказала? Вот стерва! Чему ты так радуешься, как будто... – перешла на шепот, – я замуж выхожу. Приеду, поговорим, мне с тобой тоже надо о многом поговорить. Да. Привет Вите. Хорошо, передам.

Павел смотрел в иллюминатор, в полете он беззаботно спал и сейчас немного волновался от предстоящей встречи со стюardессой.

– Лена просила тебя чмокнуть в щечку, – передала Вера.

– Чмокни, но в ответ я могу поцеловать только тебя.

– Согласна.

– У нас сегодня на два часа больше... Какая программа?

– Сейчас поедем домой...

– ??? – вскинул брови Павел.

– Ну, разумеется, у меня здесь есть квартира, если быть честной, не одна. Тебе,

я думаю, больше понравится в Центре. Так что там я тебя ненадолго оставлю, чтобы прошвырнуться по делам, потом вместе проведедем Хромова...

– Да, мне кажется, я ему там не нужен. Советы по заживлению огнестрельных ранений дать? Он же бинты на себе порвет, как Багратион, когда нас вместе увидит.

– А вечером тебе придется сопровождать меня в высший свет. Пойдем в один элитный клуб.

– Странное у нашего высшего света обыкновение встречаться в кромешной тьме.

– Не бурчи, ты на работе.

– Спасибо за напоминание. А до вечера я могу погулять по Красной площади, по старой Москве, по Арбату?

– Эх, Паш, – нарушила она конвенцию об имени, – с каким удовольствием я бы прогулялась с тобой!

– Маша, когда не знала, как уменьшительно-ласкательно называть меня, то переняла манеру дочери, они обе звали меня просто – Па.

– Па, как в танце. Получается Павел и папа вместе.

– Точно. А я, пока летел, решил, что героям моего романа лучше уехать куда подальше.

Вера остановилась. Пристально посмотрела Павлу в глаза.

– Ты, случайно, мысли не читаешь?

– Нет, просто мы с тобой, если можно так выразиться, вибрируем в одном физико-биологическом ритме. По-идиотски, конечно, звучит, но упрощенно – именно так. А ты что, хочешь предложить мне уехать куда-нибудь на конец географии?

– Не знаю, – честно призналась Вера. – С твоим появлением я перестала знать, чего я хочу в обозримом будущем. Мне почему-то не видится светлое безбрежное счастье. Я, пожалуй, могу твердо сказать только о настоящем, мне не хочется, чтобы ты уходил, уезжал, исчезал.

– Вер, ты меня на улице подобрала, я все равно буду чувствовать и знать это. Просто – случайный изгиб судьбы.

– Ты же сам не веришь, что он случайный?

– Не верю, но так принято считать. А вообще, я постоянно ловлю себя на мысли, что все так или иначе возвращается вокруг тво-

его имени: верю – не верю. Игра такая есть детская. В результате выигрывает тот, кто больше и лучше наврет. Мы с тобой обманываем сами себя, но есть кто-то, кто хочет обмануть нас обоих.

– Кто?

– Не знаю, но обязательно есть. Может, тот, кто шлет тебе факсы.

– Ну, только не Хромов.

– Нет, конечно, Хромов предсказуем, как голодный первобытный охотник.

Разговор пришлось прервать, потому что они попали в густую гребенку таксистов, вычесывающую из толпы пассажиров клиентов и простофиль. Казалось бы, Вере Сергеевне должно было быть наплевать, с кем и за сколько ехать, но она шла сквозь их наглые зазывания, высоко подняв голову. Да и приставали в основном к Павлу, которому действительно было все равно. «Такси, такси», – шептали они свое заклинание со всех сторон.

– Ты их что, по маркам машин будешь выбирать? Или по физиономиям?

– Я этих рвачей вообще выбирать не буду, в космос слетать дешевле, чем пользоваться их услугами, – обрубил, будто

помнила, когда последний раз ездила на такси. – Мы поедem вон с тем пожилым человеком. – Вера указала взглядом на седого крепкого мужчину лет шестидесяти пяти, стоявшего особняком чуть в стороне и не проявлявшего к пассажирам никакого внимания.

Увидев Веру, он заулыбался, пошел навстречу, поцеловал ее, потом бросил резкий оценивающий взгляд на Словцова. Павел буквально почувствовал, как его просветили рентгеном. «У этого дяди некий профессиональный взгляд», – решил он.

– Михаил Иванович Зарайский, – представила Вера, – отец Георгия, генерал в отставке.

«Во как», – получил подтверждение своим догадкам Павел и протянул руку.

– Словцов Павел Сергеевич, сержант запаса, – представился он.

– Вольно, сержант, – усмехнулся Зарайский, отвечая на рукопожатие, потом повернулся к Вере и объявил ей: – Я рад за тебя, особенно рад, что он не из сальных богатеев.

– Михал Иваныч! – смутилась Вера. – Я же еще и слова вам не сказала!

– А мне и не надо ничего говорить, я и так все вижу, я же радуюсь за тебя, искренне.

– Михаил Иванович генерал ГРУ, – пояснила Слобцову Вера.

«Вот откуда хорошие стартовые возможности для сына», – уяснил Павел.

Машиной, в которую пригласил их Зарайский-старший, оказался прошедший евроремонт ЗИС-115, сталинский амбир автомобилестроения. Павел одобрительно покачал головой, осматривая боевого генеральского коня.

– Наш ответ Чемберлену, – подмигнул ему Михаил Иванович, – терпеть не могу все эти современные приплюснутые тачки. Тачки – они, чтобы песок в лагере таскать. А это – машина.

– Согласен, – подтвердил Павел. Ему тоже нравилась основательность ЗИСа.

– Вера, правда, немало вложила в его вторую жизнь, зато приятно посмотреть в лицо владельца «Ламборджини», когда мы его делаем на трассе.

– А делает?

– Ну, во всяком случае, тягаться может. Не в моем возрасте в догонялки играть. Уж если только достанут сильно. Вера, куда тебя везти, где нынче остановишься?

– Павлу интересен будет Центр. Пробки, конечно, но я сама с удовольствием подышу исторической Москвой. На Арбат, Михаил Иванович.

Даже на Каширском шоссе ощущалась плотность движения. Теснота эта после таежных просторов настораживала, даже немного пугала. «Ипподромный ритм жизни», – называл такую суету Словцов. Мегаполис, как и положено, напоминал муравейник, кричал и мигал рекламами, укрывался от глаз Божьих смогом и все же дышал наступающей весной.

– А кто у нас Павел? – спросил генерал.

– Поэт, – опередила Словцова Вера.

– Настоящий?

Павел пожал плечами. Но все же сказал:

– Слишком громкое слово. Я обычно уворачиваюсь от таких лобовых вопросов, предпочитая более широкое по смыслу и менее обязывающее по значению – «литератор».

– Если настоящий, значит, без денег и без цели, – сказал как будто самому себе Михаил Иванович.

– Так точно, товарищ генерал, – согласился без обид Павел, хотя о цели можно было бы поспорить.

– А это вовсе не означает плохо, – опять же самому себе заметил Михаил Иванович. – Хотя, чем ярче поэт, тем лучшая он мишень, не так ли? С легкой усталостью от людской суеты и бессмысленности? – повернулся он вдруг к Павлу.

– Угу, – вновь честно согласился Павел, и продолжил:

«Никому из нас не жить повторно.

Мысли о бессмертье –

суета.

Миг однажды грянет,

за которым –

ослепительная темнота...

Из того, что довелось мне сделать,

Выдохнуть случайно довелось,

может, наберется строчек десять...

Хорошо бы,

если б набралось».

– Это не Словцов! – определила Вера.

– Это поздний, незадолго до смерти, Рождественский. Мне не хотелось бы написать когда-нибудь нечто подобное.

– Я слышал, он умирал тяжело – от опухоли головного мозга, – вспомнил генерал.

– А я просто «выбросился в окно», – равнодушно ответил Словцов. – У Рождественского была страшная беда, куда страшнее опухоли, он умирал атеистом. Ну а какое может быть творчество без присутствия в нем Творца? У Рождественского много боли. Много в последних стихах.

– А «в окно» – это как? – шутя нахмуривая брови, вылавливал информацию Зарайский.

– Михал Иванович, это допрос? – предупредительно спросила Вера.

– Веруня, ты же знаешь, я по другой части, я выведываю! – усмехнулся генерал. – Ну, и вроде как на правах отца, – более смущенно добавил он. – Если ты против, я умолкаю. Хотя нет, мне интересно, как вы познакомились? У вас же не может быть точек соприкосновения! Только не говори, Вера, что ты нашла время для посещения поэтического вечера, которых сейчас и не бывает почти.

– Мы познакомились по объявлению, – спокойно ответила Вера.

– О, дожили, – нахмурился Михаил Иванович.

– А мишенью Павел уже был, тут вы угадали, недавно ему извлекли из плеча пулю.

– Несчастный случай на охоте, – поморщился от возможных предположений генерала Павел и решил их упредить.

– Ну, значит, стреляный воробей.

Дом, к которому подрулил Михаил Иванович, преодолев шлагбаум охраны, судя по всему, был построен еще в начале двадцатого века, а, может, и раньше. Его окружал литой чугунный забор выше человеческого роста, старые липы и клены. Павел бегло огляделся и сразу почувствовал, что здесь находится особый микрокосм Москвы, в нем ощущалось затаенное дыхание истории. «Сивцев Вражек», – прочитал он табличку.

– Вид из окна, – выразил он свое первое впечатление, понятное только Вере.

– Я думаю, вы нас посетите? – спросил, как потребовал, Зарайский. – Мы же тут недалеко. Я тоже живу в интересном доме, – добавил он для Павла, – старая номенклатурная постройка, сталинский модерн.

– Обязательно посетим, куда ж я денусь, – пообещала Вера, чмокнула Михаила Ивановича в щеку и направилась к подъезду.

Генерал, между тем, придержал Павла за локоть, опять пронзил его своим профессиональным взглядом и спросил:

– Ты будешь беречь и любить нашу девочку? Она у нас одна. Но я давно не видел, чтоб ее прекрасные глаза сияли таким интересом к жизни. Знаешь, до этого она была какая-то «замороженная»...

– Михаил Иванович, пока что бережет меня она. Я обязательно вам расскажу, как я докатился до такой жизни, но в том, что мы с Верой встретились, есть высший Промысл. Я сам еще не до конца верю, что это со мной. Но она прекрасна и удивительна. – Павел зачарованно посмотрел вслед Вере. – Надеюсь, – продолжил он, не отводя глаз, – вы не будете мне сейчас читать нотацию и обещать стереть меня в порошок, если я причиню ей боль или обижу? Я и так это понял, еще в аэропорту.

Михаил Иванович поменял выражение лица с обстоятельного на улыбочное:

– Дерзай, парень, я б тебя в аналитический отдел взял, если б встретил в свое время.

– Похоже, я в подобном работаю сейчас. У Веры Сергеевны Зарайской.

3

Квартира оказалась четырехкомнатной и огромной. С порога Павел ступил в просторный холл. Сбросив обувь, сразу начал осмотр. Влево, через арку, открывалась студия, обставленная далеко не в унисон со старинным фасадом дома в стиле «хайтек». К глухой стене примыкала кухня со стальным монолитом гарнитура и множеством кухонной утвари. Она была отделена барной стойкой в половину человеческого роста, вдоль которой, как оловянные солдатики, выстроились шесть табуретов с вращающимися таблетками сидений. У противоположной стены стоял кожаный гарнитур мягкой мебели, журнальный столик, какой-то хитрогнутый торшер, на стенах, как и в сибирском особняке Веры, – фотографии-пейзажи в серебристых рамках. Было еще две просторных спальни с прилегающими к ним ванными. Одна из спален находилась в угловом эркере дома и была оснащена камином из белого мрамора. Получалось, что квартира занимала пол-этажа этого дома.

– Сколько может стоять вся эта лепота в таком районе? – задался вслух вопросом Павел.

– Чуть больше трех миллионов американских рублей, – спокойно ответила Вера, которая с порога бросилась варить кофе.

– Я в каком-то другом мире, – констатировал Словцов. – Уму непостижимо.

– Эту квартиру купил еще Георгий, дом тогда только реставрировали. А вообще-то мы жили на более престижной Остоженке. Там я квартиру продала, когда уезжала. Чтоб не давили воспоминания.

– А я думал, все богатеи живут на Рублевском шоссе.

– Далеко не все. Там больше выпендрежники. Среди новых русских есть старые москвичи, которые цепляются за любой древний камень столицы. Здесь, правда, уже не то. Арбат отдали на растерзание туристам, торговцам и маргиналам. Только в переулках и сохранилась еще часть его старомосковского очарования. Хотя и там сейчас много строят. В средневековой Москве здесь селились служилые люди и ремесленники, теперь об этом говорят только названия улиц и переулков. Мне кажется, тут у каждого двора своя мелодия. У этого переулка – вообще отдельная песня.

– Да, что-то читал у Осоргина. Хоть это было давно, в школе, но почему-то помню по-

этичность текста. Удивительно, где-то совсем рядом проходил медовый месяц Пушкина! Он был настолько счастлив здесь, что не написал ни строчки. Я был в последний раз в Москве как раз тогда, когда Арбат сделали пешеходным. Помню, блуждал целый день по примыкавшим переулкам, искал места, связанные с Пушкиным, Андреем Белым...

– Мы найдем время, я свожу тебя к памятнику великой любви. Пушкин и Гончарова словно выходят в высший московский свет...

– Вот высший московский свет как раз и не принял Пушкина. Поэтому он вскоре уехал отсюда в Петербург. Я где-то читал, что Суворов родился в этом районе...

– Да, но усадьба родителей Суворова не сохранилась. В сорок первом туда упала фашистская бомба. А рядом разбомбили дом Оболенских, знаменитый «дом с привидениями».

– М-да, немцы бомбили прицельно, в станице Вешенской, к примеру, попали именно в дом Шолохова.

– Пойдем пить кофе, я должна еще успеть рассказать тебе кое-что. Во-первых, не обижайся на Михаила Ивановича и его военную прямооту.

– И не думал.

– Он очень тяжело переживал смерть Георгия. Между прочим, сына он назвал в честь маршала Жукова. Но это, в сущности, не важно. Так вот, сначала он похоронил жену, а потом сына. Я у него теперь вместо дочери. Он искренне меня любит. И самое главное – он теперь живет с моей мамой. Сначала просто вместе проводили время, чтобы пережить горе, развеять одиночество, а потом как-то само собой получилось.

– Я же говорил – всюду преодоление одиночества.

– Знаешь, у них, наверное, не любовь, в полном смысле этого слова, а, может, это у нас у всех не любовь. У них какая-то высшая форма отношений. Видимо, потеряв всех, они научились ценить присутствие близкого человека. Надо видеть, с какой... – она задумалась, подыскивая более точные слова, но, похоже, не нашла, – с какой взаимной предупредительностью они ухаживают друг за другом. Их чувства лишены всяких там цунами страсти, возраст не тот, но когда я пью в их обществе чай, я буквально чувствую, что между ними... В общем они ощущают друг друга, как телепаты. Наверное, поэтому я

никогда не задавала маме никаких вопросов. Просто приехала однажды, узнала, что они вместе, и приняла это как должное.

– И это правильно, – согласился Павел. – Если пришлось бы дожить до старости, я бы хотел такую, – заметил он. – Но лучше где-нибудь в тихом уголке на берегу моря. Не помню, когда последний раз я был у моря...

– Думаешь, я бултыхаюсь когда вздумается?

– Вовсе нет. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что процесс делания денег выпивает из человека все до последней капли, и азарт этот мало чем отличается от тупого сидения в казино. Но человек делает деньги в расчете на то, что когда-нибудь ему хватит на все, чтобы ничего не делать, или на то, что кто-то это будет делать за него, но для него. Но это «когда-нибудь» никогда не наступает. А объясняется все просто, библейскими словами: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься». Книга Бытия.

– Ты уже говорил мне о бессмысленности накопления, – грустно улыбку-

лась Вера, – но пока у меня есть деньги, мы можем хоть что-то... Ладно, – она сделала последний глоток кофе, – если я сейчас погружусь с тобой в такое любомудрие, то потеряю время, которое, как ты знаешь, тоже деньги. Вот тебе мобильный, у меня второй. А это карточка, вокруг полно банкоматов, нужны деньги – сунешь ее в банкомат. Код – четыре семерки, специально для тебя, рассеянного, такой не забудешь.

– Не забуду.

– Там тысяч триста.

– Сколько? – изумился Павел. – Куда столько?

– Это Москва, она питается деньгами. Не переживай, я такие карты всем своим командированным даю. Разница лишь в сумме и в том, что тебе не придется делать авансовый отчет. Наслаждайся старой Москвой. Созвонимся.

– Только, умоляю, не вези меня к Хромову. Если он еще раз попытается мне доказать, что он мужского рода, а я какого-то другого, я вызову его на дуэль. На охотничьих ружьях! Будем стреляться шрапнелью, чтоб мясо в клочья!

4

День выдался солнечный. Утренняя хмарь была сначала проткнута копьями солнечных лучей, затем развеялась, уступив место голубому, но немного мутноватому небу с прожилками облаков, словно в него подмешали сухого молока. Выйдя на улицу, Павел полностью отдал себя созерцанию. Он подолгу стоял у старых зданий, не столько любуясь, сколько пытаюсь почувствовать сквознячки истории из их окон, парадных и дворов. Сначала он ринулся в тонкую вязь древних посадских переулков и удивлялся их безлюдью и тишине. Только бабульки на скамейках неспешными разговорами нарушали ее да редкие автомобили.

Словцов немного постоял у церкви Афанасия и Кирилла, что на Сивцевом Вражке, полюбовался классической геометрией ее форм, но войти почему-то не решился. Двинулся дальше. На одном из старых домов заметил мемориальную доску: «В этом доме в конце 1911 – начале 1912 жила русская поэтесса Марина Цветаева». Постоял, раздумывая об ее судьбе, и пришел к безрадостному выводу, что и поэтессам на этом

свете живется не сладко. Уж, во всяком случае, не слаще, чем поэтам. И действует этот неумолимый закон на всех самых талантливых. Причем с такой обязательной закономерностью, что даже обласканные властью и не обделенные наградами, но часто бездарные, хотят чем-нибудь походить на истинных страдальцев, придумывают себе мнимые гонения, диссидентство и всякую неустроенность, дабы обрести, пусть и фальшивый, ореол мученичества.

Все, что Павел видел вокруг, возвращало ему ту Москву, которую он знал еще студентом Литинститута. Ту, которой он дышал, как самой поэзией. Ту, в которой даже запах метро имел мистическое значение столичного. Ту, куда слетались музы и пегасы, где восходила и угасала слава великих имен. Ту, которая хранила в себе неоторимый дух русской старины и мужество 41-го года. Ту, где Павел умел безумно и безоглядно любить... Неужели все это когда-то было?!

Когда громада высотки МИДа заслонила собой полнеба, Павел повернул обратно – в посадские переулки. «Выруливал» то на Большой Власьевский, то в Староконю-

шенный, то выходил на Пречистенку, откуда были видны золотые купола храма Христа Спасителя. Дойдя до театра Вахтангова, замер, внимая пешеходному гулу Арбата. Нигде уже не было снега, и Словцов с удивлением осознавал, что еще несколько часов назад он покинул настоящий «Сугробистан», где Россия казалась бесконечной и дремлющей.

Здесь же размах Москвы сжимался до особого микрокосма одного района. Тщательно вылизанная брусчатка только в трещинах и стыках хранила снег. Ретро-фонари – часовые по обеим сторонам – не справлялись с имитацией древней европейской столицы. Не пахло здесь Европой, дух был особый. И вспомнилось вдруг есенинское:

*Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях.
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах...*

Вот только золотых куполов на Арбате не осталось. Постарались богоборцы. И вспомнились вдруг свои собственные стихи,

еще юношеские. Когда в одном из сибирских городов увидел наклонившуюся, как пизанская башня, заброшенную колокольню...

*С неба синего падает звонница,
А монголо-татарская конница
Не бывала здесь, как это помнится,
Отчего же ты падаешь, звонница?..*

– Мужчина, не поможете?

Неожиданно прозвучал вопрос, заданный худощавым типом лет тридцати пяти. Одет он был невзрачно: старенькое пальтишко, на котором не хватало пуговиц, затертые, застиранные, замызганные джинсы, заправленные в стертые армейские берцы, на шее свалывшийся шарф – как черта былой интеллигентности и некой творческой жилки, серый, давно не стиранный свитер. А вот лицо было гладко выбрито и серые глаза смотрели вполне осмысленно. Павел почувствовал в их взгляде знакомую безысходность и грусть, и полное равнодушие ко всему окружающему.

– Денег надо? – догадался Павел.

– Рублей пятьдесят, – подтвердил мужчина, – я вижу, вы человек добрый и не

жадный. Я сразу вижу, уже научился определять.

– На выпивку?

– На что же еще? В самом дешевом кафе полста грамм выпить – на это и хватит.

– Местный?

– Да, я тут недалеко в коммуналке живу.

– В коммуналке? Я думал, такого вида жилья уже нет.

– Как же. Хватает еще. Пока какой-нибудь строительной компании дом или площадка под строительство не приглянется. Меня Пашей зовут, – вдруг представился он.

– А меня Павлом, – подчеркнул разницу Словцов.

– Значит, тезки, значит, сам Бог велел, – мелькнула радость на лице Паши.

– Уболтал, – усмехнулся Словцов, – пойдем в какое-нибудь кафе, только имей в виду, я не пью.

– Счастливый, – притворно позавидовал Паша.

– Сейчас, вроде, да...

– Меня в кафе сразу срисуют, да и знают уже, – потупил взгляд Паша, – взять бы просто, да втихушку на улице...

– Сообразим чего-нибудь.

Арбат не испытывал недостатка в заведениях. Павел порывлся в карманах, ощущая шелест собственных сбережений и карточку Веры. Почему-то захотелось сделать этому тезке приятное. Он нырнул в ближайшее кафе и у стойки бармена попросил бутылку коньяка с собой, пластиковые стаканы и плитку шоколада.

Паша терпеливо ждал у входа. Слобцов молча протянул ему пакет.

– Ого! – заглянул тот внутрь. – Вы же не богатый человек?! Значит, как это сказать, тоже не от мира сего.

– А кто еще? – улыбнулся Павел.

– Я.

– Ну, это я сразу понял. Вряд ли это исцелит твою душу, – Слобцов кивнул на пакет.

– День проживу, и ладно, – вздохнул Паша.

Слобцов подумал, достал из кармана еще пару сотенных и протянул их страдальцу.

– Может, поесть захочешь.

Паша взял деньги, постоял, о чем-то раздумывая, и сказал Слобцову то, что он знал и сам:

– Москва огромная, таких, как я, тут бродят тысячи, десятки тысяч, всех не прокормишь. Да и не все – те, за кого себя выдают.

– А я сам случайный гость на этом празднике жизни, – ответил Павел, – и даже не знаю, за кого мне себя выдавать.

– Вот незадача, – переменился в лице Паша, – не успел смотаться. Ну, теперь все...

Что – «все», Словцов понял, когда к ним подошли трое молодых бритоголовых парней в кожаных куртках. По выражению пренебрежения ко всем и вся на их лицах и размеренной походке, несущей драгоценную вязь мускулатуры, не трудно было догадаться, что это типичные «хозяева жизни». Не обращая внимания на Словцова, словно его и не было, они сразу окружили Пашу, бесцеремонно заглянули в пакет. Один из них лениво, словно выполняя нелюбимую работу, спросил:

– Ну вот, коньяки пьешь, а долг возвращать не хочешь. Достал ты, Паша.

– Жень, дайте еще немного времени, я найду деньги, – без всякой надежды попросил Паша.

– Да откуда тебе их взять? Бутылки сдашь? За комнату твою в коммуналке, может, кто и даст чего, но ты же у нас интеллигент, бомжевать не хочешь.

Вся троица дружно хохотнула. Паше слегка дали под дых, и он согнулся. У Слоцова была в этот момент возможность уйти, и он бы так и поступил: какое ему дело до чьих-то разборок, но в этот момент он напоролся на взгляд Паши. Снизу вверх. В нем не было мольбы о помощи, осуждения, а только едва уловимая ирония: ну что ты можешь изменить в этом мире? И Слоцов, сам от себя не ожидая, вмешался:

– Господа, известно ли вам, что человек создан по образу и подобию Божьему?

Сначала его не услышали, или сделали вид, что не услышали. Это был особый стиль поведения у таких парней. Потом старший-таки повернулся.

– Ты че несешь?

– Я несу свой крест, а вы, господа?

Вся троица вопросительно переглянулась. Старший даже нахмурил лоб, чтоб усилить внешний эффект понимания речи Слоцова. Потом сделал благородный жест:

– Слышь, ты определись, че тебе надо? Тебя никто не трогает, мы с другом детства беседуем, а ты вмешиваешься. Нехорошо, не интеллигентно. Идите, пожалуйста, гражданин.

От последней его фразы дружки заржали, по ходу обменявшись проходными матерками. Павел же, легко уловив тон вожака Жени, продолжил в его манере:

– Уважаемые, приношу свои искренние извинения, что помешал вашей дружеской беседе, но не могу ли я узнать, сколько вам задолжал ваш друг детства?

После такой тирады вожак Женя посмотрел на Слоцова уже с явным интересом. Оглянувшись на товарища, он произнес, видимо, его кличку:

– Балкон?

Павел сразу понял, почему этого парня прозвали «Балконом». За квадратную, далеко выступающую вперед нижнюю челюсть. Он быстро достал из кармана записную книжку и торжественно огласил:

– Двенадцать тысяч триста восемьдесят два рубля, не считая сегодняшних процентов.

– Слышал? – продолжил общение Женя. – Таких денег ему не найти, не успеть

заработать, потому что завтра будет больше. Он может, конечно, загнать риелторам свою лачугу, а больше у него ничего нет. Не можешь отдать, не бери в долг. В одном дворе живем, нехорошо соседей обманывать.

И тут вдруг очнулся Паша, который затравленно наблюдал за происходящим со стороны.

– Не вздумайте платить, вы сегодня заплатите, а завтра они найдут, за что я им должен еще.

– Во! – обрадовался Женя. – Паша правильно понимает, а вы, гражданин? Благотворительность – дело неблагодарное.

«Вот ведь, первый день в Москве, а уже вляпался в историю», – ругнул себя Павел. Уйти сейчас – означало какое-то очередное поражение в жизни, такое, от которого потом долго будет саднить в душе. Но и победа здесь была невозможна. Даже банальная драка ничего бы не дала. За тремя широкоплечими парнями стояла целая система, какой-то циничный оскал современности, и Паша и Павел были для этой системы расходным материалом. Паша, словно прочитав мысли Павла, тихо попросил:

– Идите, не надо вам с этим связываться. Если захотите меня увидеть, я тут каждый день бываю... Меня не убьют, с мертвого взять нечего.

Женя оценивающе сверлил Павла взглядом. Нагло и бесцеремонно пытался заглянуть в душу. Павел выдержал этот взгляд столько, сколько посчитал нужным, чтобы не уронить достоинства. Потом молча повернулся и пошел, покусывая от злости и безысходности губы. Пройдя метров триста, он оглянулся: ни Паши, ни кожаной троицы на том месте уже не было. До тошноты захотелось выпить, но от последнего шага в этом направлении его чудом спасли Пушкин и Гончарова. Он вдруг понял, что стоит перед памятником.

Александр Сергеевич и Наталья будто бы выходили на светский бал. Гений русской поэзии вел за руку красивейшую женщину эпохи. Они были не здесь, они были выше текущей в обе стороны толпы. Внимание Павла привлекла табличка на чугунной оградке рядом с памятником. Она гласила: «Это памятник великой любви! Хочешь узнать о нем больше? Звони с мобильного 0942, набирай 175 и слушай...». Вот так. Все просто. Не надо

читать, тыкнул в мобильник и слушай. Тетенька тебе расскажет о великой любви. Кто-то в России еще может не знать о Пушкине...

И словно в подтверждение своих мыслей услышал за спиной:

– Да на фиг мне твой Пушкин, на фиг твой музей, че я там не видел? Отстой полный. Эти стихи на фиг никому не нужны. Давай денег, я на «Жару» пойду... Все уже сходили.

Павел оглянулся. Подросток лет пятнадцати громко пререкался с женщиной, которая смотрела на него растерянно, с испугом, словно перед ней был инопланетянин.

– Меня уже в школе от всей этой классики колбасит! Че ты меня сюда притащила?! Достала меня твоя культурная программа!

– Андрей – это же Пушкин... – только-то и нашла что сказать женщина.

– Ну вот и торчи тут у своего Пушкина! Может, золотую рыбку поймает, – он махнул рукой и широко зашагал, не оглядываясь.

Павел оторопел не меньше женщины, которая, скорее всего, приходилась этому существу матерью. Вдруг вспомнил-

ся голливудский фантастический триллер «Чужие». Вот они – чужие, совсем рядом, внешне очень похожие на нас. И внутри у них действительно разъедающая не тела, но сознание – кислота. На душе стало еще гаже. «Съездил в Москву», – горько подумал Словцов. Но тут к памятнику подошла молодая пара. Парень лет двадцати и девушка, прижимающаяся к его плечу. Эти светились совсем другим светом. Для них окружающий мир не существовал, как не существовал он для Александра Сергеевича и Натальи. В руках у парня были ярко-красные гвоздики. Немного постояв, он поцеловал свою девушку в щеку, а потом подошел к памятнику, положил на гранитный полукруг подножья цветы. Вернувшись к девушке, он зашептал ей негромко, буквально на ухо, чтоб не бросать на ветер, в суету толпы, пушкинские строфы. Павлу неожиданно и отчетливо захотелось перекреститься, словно перед ним были не Пушкин и Гончарова, а икона.

– Не все еще, не все, Александр Сергеевич, не все потеряно... – прошептал он и отошел прочь, чтобы не мешать влюбленным во плоти и влюбленным в вечности. Но

вдруг остановился и выкрикнул стихи великого собрата в арбатскую толчею:

*«Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу».*

При этом он театрально откинул руку в сторону, и какой-то солидный господин, походя, сунул в ладонь смятый червонец.

Раньше Словцов мог решиться на такое выступление только по пьяному делу. Так и пошел он с комканой десяткой в руках сквозь толпу, улыбаясь чему-то, как юродивый. И даже не заметил мелькнувшего сквозь людской поток тщедушного бронзового Окуджаву. Бронзовый Окуджава засунул руки в карманы и думал о своем.

Тени детей Арбата юркнули в переулки. По улице шла вызванная ими из ада свобода.

5

У входа в палату Хромова стояли два амбала. Вид у них был такой, будто стояли они у кремлевских ворот. Вера представила, как выглядели бы они во фраках, и улыбнулась. Те приняли улыбку на свой счет.

– Здравствуйте, Вера Сергеевна, проходите, пожалуйста, но помните, что врач просил обеспечить Юрию Максимовичу максимальный покой, – сказал один, открывая перед ней дверь.

– Максимовичу – максимальный, – кивнула Вера, – уж я постараюсь недолго, ребята.

Хромов лежал в палате один. Свободной от капельницы рукой, он, похоже, час-тенько дотягивался до фляжки с коньяком, стоявшей рядом на столике. И, похоже, с утра это была не первая фляжка.

– Веруня! – просиял он. – Вот уж не чаял, что ты бросишь глубину своих сибирских руд! Неужто ради меня примчалась?

– И ради тебя, Юра. – Вера села рядом на больничный табурет.

– Тронут, милая, в самое сердце тронут. Хотели вот пулькой меня туда, в чуткое и люб-

веобильное мое, да не вышло. Точнее, вышло навывлет, но чуть выше и левее. Ребрышки ошкарябало.

– Как ты думаешь, кто? – спросила Вера.

– Работают мои, – недовольно поморщился Хромов, – но мутно все. Я же уже лет сто ни с кем не воюю. Никому не должен, мне никто не должен. Живу тихо, никого не трогаю. Одно думаю, не я на охоту ездил, а на меня охотились, как думаешь, Верунь?

– Не знаю, Юр, но мне последнее время не по себе.

– Слушай, Вер, а ведь с литератором я твоим не ошибся. Фаворита себе завела?

– Юра, я сейчас уйду.

– А чего такого, имеешь право, столько лет вдовствовала. Честно отмаялась. Если б меня столько помнили, сколько ты Жорика, я бы хоть щас согласился умереть. А ко мне и на могилу никто не придет. Разве те, кого я обобрал, чтобы плюнуть.

– Не сгушай, Юр.

– Но с литератором я угадал, – улыбался довольный Хромов. – Ну скажи, что нет?

– Не скажу.

– То-то, – он скривился от боли, дотягиваясь до фляжки, отхлебнул.

– Юр, ты, по-моему, увлекаешься, – кивнула Вера на фляжку, – совсем расклевашься.

– А зачем мне быть железным? Какой смысл? Капиталы стеречь? А на кой ляд они мне? Фаза накопления закончена! Ты уходишь с литератором, жен и детей у меня нет. На фига, Вера, небо коптить?! Я ж тут всему бомонду столичному объявил, что еду жениться, был уверен – уговорю тебя. А тут этот, как его, Павел Сергеевич, откуда-то взялся. Я столько лет за тобою, как тень... – Хромов с нескрываемой горечью приложился к фляжке, утопив конец фразы.

– Юр, – Вера аккуратно забрала у него фляжку, неожиданно для себя, глотнула из горлышка, сморщилась, – я тебя очень люблю, как друга, и никогда не забуду, кто меня прикрывал после смерти Георгия. Но если б я могла любить по заказу, ты бы сам меня перестал уважать.

– Я всю жизнь Гоше завидовал! Как завидовал! А теперь ты светская львица, госпожа Зарайская, – ухмыльнулся, потеплев, Хромов.

– Учительница географии, географичка, – шепотом возразила она. – Вера Калаш-

никова. А из Зарайской я давно уже Заадской стала.

– Вер, он правда тебе дорог, поэт этот? – посерьезнев, спросил Хромов.

– Не согласишься, а может, не поймешь, Юра, но скажу честно, мы с ним совпадаем в чем-то главном, будто биоритмы одинаковые или еще что-то. И он мне действительно дорог. Знаешь, это произошло так быстро и в то же время непринужденно...

– Он же никто, – сам себе сказал Юрий Максимович.

– А мы кто? Мы с тобой – дорогие памятники на кладбищах, и все! Ты об этом, Юра, не думал? Когда я его увидела, поговорила с ним, то вдруг вспомнила, что есть кое-что, кроме денег.

– Лично я без денег жить не смогу, без них я действительно никто, – признался Хромов.

– Дело не столько в деньгах, сколько в бесконечной гонке за ними.

– Да уж, я, как только в себя пришел, начал дела педалить... Ладно, Вер, узнать бы – кто на меня охоту объявил. Вот разберусь с этим, и мы еще на твоей свадьбе погуляем, – безнадежно подмигнул он ей, – я

на твоей стороне, Вера. Всегда. Есть в тебе какое-то обаяние, ты, наверное, тигра заставишь себе ноги лизать.

– Спасибо, Юра, – Вера взяла его руку в свои ладони. – Я знала, что мы не будем врагами.

– Столько бабла вместе сделали, – хотнул Юрий Максимович, – а ты говоришь, бессмысленно это. Ты хоть мне расскажешь, где ты его нашла?

– Расскажу, но ты вряд ли поверишь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

По вечерам Вера, возвращаясь на Сивцев Вражек, заходя отключала мобильный телефон, чтобы никто не мог помешать им с Павлом. Обычно они договаривались заранее, где встретиться и куда сходить. Проблем с билетами, благодаря Вериным связям, не было. Собственно, для тех, у кого есть деньги, подобных проблем вообще не бывает. В основном, по настоянию Слоцова, это была культурная программа. Правда, один вечер пришлось подарить удивительной чете Зарайский-Калашникова. Купили цветы, торт, коньяк и прогулялись пешком до Малой Молчановки, где жил генерал.

Первое, что бросилось Павлу в глаза – почти все стены в квартире Михаила Ивановича были книжными стеллажами. Он с любопытством и легкой завистью скользил по корешкам редких и раритетных изданий, а Зарайский, курсируя из кухни в гостиную с приборами и яствами, успевал давать пояснения о той или иной книге. Потом Словцова до глубины души поразила исключительная предупредительность Михаила Ивановича и Варвары Семеновны (Вериней мамы) по отношению друг к другу. Это постоянное проявление заботы: «Варенька, я подолью тебе горячего...», «Мишенька, сырокопченую не ешь, лучше вот докторской...», «Варенька, не вставай, я схожу на кухню сам...». При этом оба они успевали поминутно потчевать гостей, сыпать вопросами и отвечать на встречные. И ни капли фальши! Они жили этой заботой друг о друге. И Павел позавидовал им белой завистью. Казалось, начнись за окном Конец Света, Михаил Иванович набросит на плечи Варвары Семеновны шаль и они, обнявшись, сядут ждать так, как стали бы ждать очередной серии любимого фильма. Варвара Семеновна в разговоре, как и многие москвичи, немного потягивала «а», отчего речь ее была

плавной, а интонации особенно выразительными. Вере, видимо, передалась эта плавность, хотя она не «акала».

– Павел, а Михаилу Ивановичу удалось найти небольшой сборник ваших стихов, и мы даже читали две ваши научные статьи. Нам понравилось, – проявляла любезность Варвара Семеновна.

– Мне очень приятно, – смутился Павел. – Но сейчас поэзия не в чести. Сейчас на передовой бульварные романы. Поэты сейчас стихами сами себя успокаивают. И я тоже...

– Ой, прочтите. Ну, не смущайтесь, Вера сказала, что вы сейчас в какой-то особой депрессии, но сделайте для меня исключение.

– Для вас, – улыбнулся Словцов, – с удовольствием. И неторопливо, постепенно усиливая напор, прочитал:

За что держусь? За деньги? Вещи?

За нить морщин? За стрелок бег?

За славу? Образ человеческий?..

За грязь дорог? За чистый снег?

Держусь еще, покуда, братцы,

За веру и за Святой Дух!

А вот за брэнное держаться

Мне просто не хватает рук.

– Там еще дальше, в том же духе, но суть та же, – сам себя остановил Павел.

– А мне понравилось, жаль, что вы не прочитали до конца. Когда-то мы специально ходили на вечера поэзии. Очень любили бывать в ЦДЛ. Боже, как давно это было! – Варвара Семеновна грустно посмотрела в окно, словно там можно было увидеть утраченную эпоху.

– Депрессия – это надолго? – поинтересовался Михаил Иванович у Павла. – Хотя на счет «бренного» и «рук» я не очень поверил, – весело подмигнул он Словцову, кивая в сторону Веры. Мол, держишься же, еще как держишься.

Павел искренне смутился:

– Да... В стихах хочется выглядеть лучше, чем есть на самом деле.

– Ну, а надолго у нас депрессия? – не унимался Михаил Иванович.

В таких случаях обычно отвечают: «Как фишка ляжет», или: «Фиг его знает», в зависимости от хмари на душе, но Павел улыбнулся и, выразительно посмотрев на Веру, ответил:

– Почти здоров.

– Ну и какие планы сейчас?

– Сейчас? Сейчас я мечтаю о таком же тихом счастье, которое я вижу здесь.

– Ой, – всплеснула руками Варвара Семеновна, – а мы, между прочим, ссоримся, спорим, кто из нас раньше умрет.

– Мама, ну нельзя же так, – испугалась Вера.

– Вера, ну не при твоём фатализме делать мне замечания. Ничего страшного. Все там будем.

– Эх, говорил я Гоше, не лезь ты в эту дрянь, полно работы за границей было, пристроил бы его. Нет, полез на рожон, – вздохнул генерал, – сейчас бы я внуков нянчил.

– Но он бы не встретился со мной, – тихо возразила Вера. – И фатализм все равно как-то присутствует в жизни каждого. Мы встретились на кладбище, там же и расстались...

– М-да... – неопределенно согласился Михаил Иванович.

– А мы недавно проводывали маленького Георгия, – сообщила Наталья Семеновна, – вродемышленный растёт. Но упря-я-мый!

– Есть в кого, – констатировала Вера.

– А ты, Вера, прекрати сыпать мне на карточку деньги. Нам с Михаилом Ивановичем хватает. Что за растраты? Не нужно мне столько! Пенсию все же получаю.

– Мама, я знаю, что ты обошлась бы и пакетом молока в день с коркой черного хлеба. Но почему я не могу тебе помочь? Что в этом плохого?

– А, – отмахнулась Варвара Семеновна, – у меня мертвым грузом лежат. Ну, пусть. Тебе же на черный день останутся.

Михаил Иванович, между тем, принес огромный семейный фотоальбом. Сел поближе к Павлу.

– Хочешь увидеть Веру в подвенечном платье?

– Очень.

– Моих фотографий тут, правда, мало, служба не позволяла в объектив лезть. Это теперь нас всех рассекретили, в телевизор пустили. По старым-то временам ездил бы я на не приметной «шестерке», а не на своем ЗИСе. Но кое-что из тех времен есть.

Действительно, фотографии Михаила Ивановича встречались весьма редко. В основном, Георгий в детстве со своей матерью – Златой Матвеевной. Пока Варвара Семеновна с Верой шептались о чем-то своем, Павел с писательским интересом листал страницы чужих жизней. Но дойдя до свадебных фотографий, замер.

– Ревнуешь? – насторожился Михаил Иванович.

– Нет, это нелепо, – честно ответил Словцов, он не мог избавиться от наваждения, что уже видел Георгия Зарайского, но и говорить об этом генералу не хотел.

– Красивая пара... Веруня такая легкая, воздушная... – Было не понятно, кого больше любит Михаил Иванович – сына или невестку.

А Павел никак не мог избавиться от ощущения дежавю. Теперь уже ему казалось, что сегодняшний день повторяется. Он задержался на фотографии Георгия, будто прислушиваясь к разговору женщин. Сам же напрягал память, пытаясь отыскать в ней место для Георгия Зарайского.

Он так и ушел из этого гостеприимного дома со странным осадком на душе. Вроде бы, очередные смотрины прошел, как легкий экзамен, а вот фотография лица покойного Вериного мужа упрямо возвращала Павла к мысли, что он уже где-то видел этого человека. Хотел спросить у Веры, в каких городах приходилось бывать Георгию, но воздержался. Может, все-таки ошибка? Зато не удержался от другого: как только они вошли

в лифт дома на Сивцевом Вражке, он притянул к себе Веру. Она не сопротивлялась. Напротив, под воздействием коньяка движения ее стали резче обычного, а страсть не пряталась в рамки принятого поведения или возраста.

Очнулись они уже в ее спальне с камином. К нему, в итоге, и перебрались. На полу лежала медвежья шкура, на которой они разместились. Вера сварила кофе, себе смешала какой-то коктейль, и, тихо разговаривая, они смотрели на театр огня. Огненные блики плясали и скользили по Вериному телу, заставляя Павла завидовать им и любоваться. Они вели тихий разговор, в котором слова мало значили, скорее, имело значение то, как они произносились.

– Вера, ты хоть знаешь, насколько ты прекрасна? – простодушно спросил Павел. – Ох, не сойти бы с ума...

– Па, а давай завтра посетим одно значное место?

– ??? – недовольно сморщился Павел, что означало одновременно «какое и зачем».

– Есть один ночной клуб, там, конечно, тривиальная богемная тусовка. От воротил шоубизнеса до депутатов. Простые смерт-

ные, чтобы попасть туда, выстаивают длинную очередь и проходят жесткий фейс-контроль.

– Жуть как не люблю этих тусовок, – для Словцова мгновенно растаял весь ореол романтики, и он скис. – Зачем нам это?

– Я чаще бывала только в финансовых клубах, этакие – по интересам, а в этот у меня есть, что называется, элитный пропуск. Без тебя бы не пошла... А так – надо, время от времени...

Павлу захотелось сказать, что тем самым Вера превращается в среднестатистическую обывательницу. «Позырить», – вспомнил он детское слово и улыбнулся. Он и без «позырить» представлял себе атмосферу подобного заведения.

Она подтянула к плечам колени, обхватила их руками и стала смотреть на огонь. Павел вновь залюбовался Верой и устыдился своего упрямства.

– Вер, куда скажешь, туда и пойдем, в конце концов, я на работе. Опять же, может пригодиться. Какие-никакие – впечатления.

– Но ты же не хочешь идти?

– С тобой? Хоть куда! Хоть по Дантовым кругам ада. Сейчас я живу одним единствен-

ным днем и следующему рад только в том случае, если в нем есть ты.

– А герои твоего романа?

– Аналогично. Только мой герой не верит в безоблачное счастье.

– Печально.

– Кто-то давно сказал, что в книге читателя держат три главных интриги: смерть, страх и любовь. И все они всегда ходят бок о бок. Это уже я от себя добавляю. В жизни, в сущности, не иначе.

– Но в нашем случае нет банального любовного треугольника!

– Кто знает?

– Хромов дал мне вольную, – ухмыльнулась Вера. – Он, между прочим, не такой уж плохой человек.

– А я так и не думал.

– Значит, нам никто не мешает.

– Кто знает? – еще раз повторил Павел.

Ему захотелось найти в своем романе место для фотографии из альбома Зарайских, но он еще не мог уловить – что с ней делать. Мысленно бросил ее в огонь камина, но она не горела...

2

Входов было два. В один всасывалась длинная говорливая кишка плембса, жаждущего хлеба и зрелищ, к другому подкатывали на лимузинах патриции. Генерал Зарайский высадил Веру и Павла у второго. Вера в вечернем платье из какого-то отливающего фиолетовым мерцанием ультрасовременного материала и наброшенном на плечи мантио, Павел в только что купленных иссиня черном костюме и кашемировом пальто. Правда, галстук Вере на него натянуть не удалось. «Одежда Иуды!» – отрезал он, а над бабочкой вообще захохотал. Потому остановились на темно-синей сорочке с огромным воротником: по принципу – такой фасон. В любом случае, Вера своей работой над имиджем Павла осталась довольна. А от самой Веры в вечернем платье, подчеркивавшем не только преимущества ее фигуры, но и врожденную женственность, которой так не хватает многим современным деловым женщинам, Павел сначала вообще зажмурился. «Может, никуда не пойдем, – шепнул он ей, – парадокс в том, что женщине хочется такое платье надеть, а мужчине поскорее его с нее снять». «Словцов,

ты – поэт или эротоман?» – притворно удивилась Вера. «Я наемный славослов», – придумал он себе профессию.

Уже на входе была слышна музыка. В зале же она сшибала с ног. В центре размещался танцпол, на котором конвульсивно ломалась молодежь под абсолютно бессмысленный электронный чес. Над танцполом по периметру располагались ложи для аристократов новейшего времени. Самым удивительным в этом бедламе был цирковой купол, под которым действительно летали гуттаперчевые гимнастки. По кругу стен размещались плазменные панели, призванные, по всей видимости, исполнять роль карусельной цветомузыки. Желающие могли приткнуться к одной из барных стоек. Стены в ложах были отделаны лепниной под барокко.

– Это и есть один из кругов ада, – определил Слобцов.

Между тем, электронная музыка затихла, а на цирковой арене появилась крупная пожилая дама под толщей макияжа, сверкающая в свете софитов многочисленными блестками платья. Встала у микрофона и, не дожидаясь объявления, вдруг затянула классическую арию.

– И эти могут работать под «фанеру»? – поразился Павел.

– Что-то знакомое, не могу вспомнить, – пыталась распознать музыку Вера.

Вместо подтанцовки за спиной певицы плавно гнулись балерины, одетые, правда, в какие-то космические купальники с крыльями. Крылья, впрочем, скоро отпали, как и верхняя часть купальников, и танец продолжался топлес.

– Посмотри, какие люди, – кивнула Вера на поднимающихся в ложи.

Личности действительно были заметные. Депутат Госдумы – постоянный герой телекамер, прославленный борец с экстремизмом и терроризмом, молодой кинорежиссер – известный больше прославленной фамилией отца, нежели своими глуповатыми боевиками, были еще популярные актеры и телеведущие, звезды со всех небосклонов, Павел углядел даже одного олимпийского чемпиона...

– Зачем им все это? – задался он вопросом.

– Правила тусовки, – пояснила Вера, – необходимость постоянно быть на виду, это как диета, посещение фитнес-клуба или па-

рикмахерской. Кроме того, здесь заключаются сделки, обсуждают проекты, устанавливаются контакты.

– А что будем делать мы?

– Поднимемся в ложу, там спокойнее. Или ты хочешь потанцевать?

– Я еще не разучил пляски святого Витта.

Классическая музыка в этот момент вдруг наполнилась электроникой и жестким ритмом. Певица же продолжала петь. Коктейль классики и электроники жутко понравился толпе на танцполе, она зааплодировала и засвистела.

– Это эпизод из «Пятого элемента», – заметила Вера.

– Понял, – Павел тоже смотрел этот голливудский блокбастер.

– Папа?! – вдруг услышал он и вздрогнул всем телом.

Он попытался сориентироваться в общем геме на крик, но получилось не сразу, пока из толпы не появилась Вероника. Увидеть дочь здесь Словцов никак не предполагал. Следом за ней шел высокий кудрявый парень с настороженной улыбкой. Да и дочь ли это была? Взрослая девушка в оранжевой футболке и таких же оранжевых брюках.

Влейся она обратно в калейдоскоп толпы – ничего не изменится. На руках – дюжина колец, браслеты, живот открыт, на пупе блестит серебром пирсинг, броский макияж...

– Ника? – не поверил глазам Словцов.

– Папа, откуда ты здесь? Вот бы никогда не подумала! – Вероника дежурно чмокнула отца в щеку.

– Да я, собственно, тоже.

– Дэвиду нужно было в Москву по делам. А это Дэвид и есть, – указала она на своего спутника, который стоял чуть в стороне, продолжая растягивать улыбку на всякий случай.

– Это и есть твоя «американская мечта»? – криво ухмыльнулся Словцов.

– Па, ты так и не выздоровел? Мама говорила, что ты вообще подался в какую-то глушь, и...

– Окончательно свихнулся, – продолжил за нее Павел.

– Но ты здесь? – не могла понять Вероника.

– У меня здесь деловое свидание, это, – он повернулся к Вере, – Вера Сергеевна Зарайская, а это, – полуоборот обратно, – моя единственная дочь, обладательница амери-

канской гринкарты и, насколько я понимаю, богатого жениха.

– Он, между прочим, Йельский университет окончил, – вставила Вероника.

– Все отморозки его окончили, – процедил сквозь зубы Павел. – А здесь вы приобретаетесь к русской культуре?

– Павел, не стоит, – попыталась остановить его Вера.

– Дэвид? – воззрился на американца Павел.

Американец вдруг заговорил на приличном русском.

– Я рад вас видеть, Павел Сергеевич, я все хорошо понимаю. Вам, наверное, хочется набить мне лицо.

– Хочется? Да я еле сдерживаюсь!

– Павел, – Вера взяла его за руку, и он несколько обмяк.

– Но вы должны понять, я сделаю для Вероники все. Я сделаю ее счастливой. Скоро она получит гражданство. Мой отец сенатор, я бы очень хотел, чтобы вы познакомились. Наши страны партнеры...

– Ага, партнеры, то вы в нас поплюете, то мы поутираемся. Я думал, невест только дикие горцы крадут.

– Я не крал, мы все обсудили с ее мамой Марией Васильевной. Павел Сергеевич, вы должны мне поверить, я очень люблю вашу дочь. – Дэвид, как мог, выражал искренность на своем лице. – Видите, я даже специально учу русский язык.

Он напирал своей искренностью так, что Словцову пришлось опустить глаза.

– Мы хотели к тебе приехать, па, – сказала Вероника.

– Павел, если девочка счастлива, что тебе еще нужно? – тихо спросила Вера.

– Я чуть с ума не сошел, когда она осталась в чужой стране, – так же тихо ответил Словцов.

– Вы можете приехать к нам, – сказал Дэвид, – у Вероники своя часть дома. Она много работает в библиотеке, прекрасно владеет языком.

– Это не со мной, – сам себе прошептал Павел, вслух же добавил: – Бог вам судья. Мое воспитание оказалось никудышным. – Сделал пару шагов, потом остановился и сердечно посмотрел на Веронику: – Дочка, ты помнишь, как я читал тебе в детстве?

– «Сказку о царе Салтане», «Руслан и Людмила»... Помню, конечно...

– Это была сказка о моей семье...

Павел пошел сквозь толпу. Вера осталась стоять, тревожно глядя ему вслед, потом о чем-то заговорила с Вероникой. Павел же, прорвавшись через море мечущихся тел, уперся в стойку бара. И первым, кого он там увидел, был Егорыч, пригласивший его в день приезда на Север в качестве третейского судьи за свой стол. Он сидел спиной к залу и был ко всему безразличен. Правой рукой он медленно прокручивал стакан с каким-то напитком. Похоже, виски.

– Егорыч? – окликнул его через плечо Павел.

– Так точно, – крутанулся тот на табурете и расплылся в свою бороду улыбкой: – О! Земеля! Ну, земля круглая, а Россия маленькая, я так понимаю, давай к моему шалашу. Я тут пассию свою не дождался. Сижу, думаю, какого хрена я здесь штаны протираю?

При слове «пассия», Павел вспомнил о Вере, повернулся, стал искать ее глазами. В мельтешении зала увидеть ее не удалось, а вот наверху – в ложе, увидел всех троих. Официантка как раз принесла им что-то в бокалах.

– Выпьешь? – спросил Егорыч.

– Обязательно, – ответила за Павла обида.

– Сколько?

– Еще подвозить придется.

– По-нашему, – похвалил Егорыч. – Я вискаря балую. Английское пойло, но тут надо в аристократа играть. Меня и так сюда пускать не хотели. Фейсом не вышел. Борода, понимаешь, напоминает им о моджахедах, будто русские бороду не носят.

– И как удалось пройти?

– Сто евро на оба глаза – и я бритый, и свитер мой никому не мешает. Да, вот, похоже, зря тратился, дамочка меня кинула. А я вчера из-за нее в «Праге» зарплату буровика оставил.

– Тяжелый случай, – равнодушно посочувствовал Словцов.

– Да у тебя, я тоже вижу, дела «не фонтан».

– Рванем по маленькой?

– Полыхнем, – согласился Егорыч, чокаясь, – тебя, вроде, Павел зовут?

Две девчушки примостились рядом, и одна из них подрулила с незакуренной сигаретой. Стараясь быть вальяжной и значимой, спросила:

– Извините, господа, у вас можно прикурить.

– Для вас, милое дитя, хоть факел! – растаял Егорыч, щелкнув зажигалкой.

– Спасибо, – собралась, вроде, возвратиться к подруге девушка.

– Девушка, меня зовут Василий, можно также называть Егорычем, и, если я вас сейчас не угощу достойной выпивкой, вечер можно считать безвозвратно потерянным и бесцельно потраченным.

– Аля, нас угощают, – похоже, она только этого и ждала и позвала готовую сорваться с места подругу.

– Это Алиса, – представила подругу девушка, – а меня зовут Ира.

– Василий, – представился Алисе Егорыч, одновременно поманив бармена.

– Павел, – нехотя представился Слобцов, кивая бармену повторить.

– А нам «отвертку», – попросила Ира.

– Правильно, – одобрил Егорыч, – затянем шурупы!

Девочки послушно хохотнули. Павел смотрел на них с нескрываемой печалью.

– Я здесь впервые вижу человека с такой пышной бородой, – сообщила Алиса.

– О, сначала у меня были усы, как у Чапаева, – похвастался Василий.

– Чапаев? Это кто? – озадачилась Ирина.

– Ира, – одернула ее Алиса, – читать надо. Это у Пелевина. «Чапаев и пустота». Книга такая.

– Пелевин – это кто? – в свою очередь наморщил лоб Егорыч. – О чем они? – спросил он у Павла.

– О пустоте, – ответил тот.

– Вы, девочки, про Чапаева не слышали? – спросил Егорыч.

– Ну вот я читала, у Пелевина, но ничего не поняла, – призналась Алиса.

– А я думал, про него только Фурманов писал.

– Пелевин – это современный писатель, это постмодернизм, – пояснил Павел.

– Понял, это, типа, ни о чем и обо всем сразу, – догадался Егорыч и сразу забыл о постмодернизме: – А вы, Ира, на Терешкову похожи.

– На кого?

– Будем восполнять пробелы в знаниях, – погладил себя по бороде Егорыч, – это первая женщина-космонавт.

– Как? Первым же этот был, Гагарин? – вспомнила-изумилась Ира.

Павел при этом подавился второй порцией виски. Откашлявшись, он все же решил поддержать эту интеллектуальную беседу, процитировав:

*«Даже самые светлые в мире умы
Не смогли разогнать окружающей тьмы.
Рассказали нам несколько сказочек на ночь
И отправились, мудрые, спать, как и мы».*

– Смешные стихи. Я в Интернете такие же читала, – сообщила Алиса.

– Это Омар Хайям. Он писал, когда еще не было Интернета. – Наливая из оставленной барменом бутылки, он продолжил цитировать:

*«Если истина вечно уходит из рук –
Не пытайся понять непонятное, друг,
Чашу в руки бери, оставайся невеждой,
Нету смысла, поверь, в изученье наук!*

*Тот, кто следует разуму, – доит быка,
Умник будет в убытке наверняка!
В наше время доходней валять дурака,
Ибо разум сегодня в цене чеснока».*

И запил обе строфы.

– У вас еще много стихов о том, какие мы дуры? – с вызовом спросила Алиса.

– У меня вообще нет, – ответил Павел, – это у Омара Хайяма, и писал он их на полях научных трудов. Он был придворный астроном у персидского шаха. И было это так давно, а мир, кажется, совсем не изменился. Дорогая Алиса, вы живете в стране чудес, – он кивнул на действо в зале, – и я понимаю в этом значительно меньше, чем вы.

– Вы, наверное, тоже ученый какой-нибудь? – предположила Ира.

– Хуже.

– Кто ты у нас? – включился Егорыч.

Павел сделал то, чего давно не делал. Достал из кармана красное удостоверение и протянул его девушкам. Те прочитали:

– Союз писателей России. – Потом внутри: – Словцов Павел Сергеевич.

– Круто, – оценила Алиса, – так вы, наверное, Пелевина знаете?

– Не знаю, и Дэна Брауна не знаю, и Диму Билана не знаю, и Паоло Коэльо, и многих еще не знаю.

– За это надо выпить, – определил Егорыч. – Я сюда, кстати, тоже не просто так

прилетел. За наградой. О! За заслуги перед Отечеством! – он достал из кармана брюк медаль. – На свитер вешать некрасиво. Президент дал за тридцать лет мотания по тайге.

– В стакан ее, – скомандовал Павел. – Немытые медали на грудь не цепляют.

– Мы так и думали, что вы оба какие-то продвинутые дяденьки, – призналась Ира.

– Мы задвинутые! В такую глушь! – раздал бокалы Егорыч.

– Я не пил несколько лет, – вдруг вспомнил Павел.

3

Коридоры перетекали один в другой. Павел точно знал, что ищет Веру, но никак не мог толкнуть нужную дверь. Открывал одну, другую, третью... За первой оказался Егорыч с шумной компанией. За столом сидели иностранцы, девушки Ира и Алиса, они махали Павлу руками, звали. Среди иностранцев Павел увидел очень похожего на Зарайского, но выяснять было некогда – он искал Веру. За второй дверью оказались Маша

и Вероника: дочь примеряла свадебное платье. Они наоборот махнули руками: мол, уходи. Были еще какие-то то ли магазины, то ли лавки, от обилия дверей кружилась голова, но нигде не было Веры. Тогда Павел просто крикнул вдоль коридора:

– Вера! – и проснулся от собственного крика.

– Вера, – снова повторил он, пытаясь определиться в пространстве.

Быстро понял, что он в спальне с камином, но никак не мог вспомнить, как он сюда попал. Сел, поджав колени и обняв голову руками. Сердце гвоздило, в висках молотила надсаженная помпа. Во рту – Сахара или Кара-Кумы.

– Что и требовалось доказать, – прохрипел и постарался рассмотреть стрелки на наручных часах.

С трудом встал и направился на кухню, чтобы опустошить водопроводный кран. Долго и жадно пил, затем там же умылся.

– Вера? – вошел он во вторую спальню и не ошибся. – Вера?

– Павел? – сразу проснулась она.

– Вера, прости... Я вчера не сильно буянил? Как я сюда попал?

– Павлик, ты не сильно буянил, да и с ребятами Астахова сильно не побуянишь. Но ты был пьян вдрызг! В ноль!

– Хорошо, что не буянил, – понурил больную голову Павел.

– Так, по мелочам... Послал куда подальше пару шоуменов, пытался с Василием Егорычем пить наперегонки из горла...

– Ты тоже его знаешь?

– Кто, где и в какой стране не знает Егорыча? Тебя остановили, когда ты хотел проверить – есть ли реальная неприкосновенность у депутата Государственной Думы. Паш? – нарушила Вера конвенцию об имени. – Во-первых, Вероника – чудесная девушка... Умная и красивая. Я бы мечтала иметь такую дочь.

– Наверное, поэтому она стала просить гражданство в Штатах! Причем якобы для защиты от родительского произвола. Еще немного, и шуму было бы... со всеми вытекающими международными последствиями. Каким бы я выглядел дураком! И тут моя Маша...

– Дураком ты выглядел вчера, – перебила его Вера. – Во-вторых, скажи, ты решил продемонстрировать мне, что такое за-

пой творческого человека? Сразу скажи, чего от тебя ждать?

– А этот Дэвил или Дэвид, он тебе тоже понравился?

– Па, не начинай!

Словцов на какое-то время замолчал, пытаюсь понять: кто он, что он и зачем. Пошел, как водится, по пути наименьшего сопротивления:

– Можно я там, в баре чего-нибудь хлебну, иначе у меня голова треснет и сердце остановится?

– Ты перед каждой рюмкой будешь спрашивать у меня разрешения? Может, сразу выдать тебе индульгенцию на месяц вперед?

– Вера, неужели ты не понимаешь, как болит и чем лечится русская душа?

– Да, я читала, что Рубцов, к примеру, крепко пил... Паш, ты мне сейчас лекцию об алкоголизме или о поэзии прочитаешь? Или о том и о другом вместе? Впрочем, делай что хочешь, – Вера обиженно повернулась к стене.

Павел постоял некоторое время молча и, вздохнув, направился к бару. Наплескал себе полбокала какого-то заморского пойла и залпом выпил.

Когда он проснулся во второй раз, за окном было светло, а в квартире пусто. Записка на барной стойке гласила: «Я на работе. Если чем обидела, прости. У меня есть телефон Вероники, думаю, вам надо поговорить. Будет желание продолжить, здесь хватит. На улицу в таком случае не ходи, чтобы не пришлось тебя искать. Я не для этого тебя нашла. Вера». Долго смотрел на листок, покусывая губы, ругая себя. Потом так же долго смотрел на батарею бутылок на стойке, включил чайник и все же потянулся к армянскому коньяку.

– Скажи-ка, дядя, ведь недаром, в Москве нам легче с перегаром? – сказал он, наливая в бокал.

Освежив себя изнутри, направился в душ и минут двадцать пытался смыть с себя вчерашний день. Не получилось.

4

Пашу он нашел почти там же – на Арбате. Единственное, что изменилось в его внешнем виде – под глазом появился яркий синяк. Видимо, беседа с кредиторами не прошла даром. Увидев Павла, он явно обрадовался.

– Чувствую, сегодня кому-то нужна компания, специально стою на боевом дежурстве.

– Если так, то у тебя действительно нюх, – признал Павел.

– Вам нужны уши, нужен собутыльник и понимание. Три в одном – я готов.

Словцов на эту тираду ухмыльнулся и внес коррективы:

– Душу, Паш, я вряд ли буду изливать, научен горьким опытом, это не помогает. Может, я наоборот – тебя послушать хочу. А вот посидеть куда-нибудь пойдём. О! Можно в то кафе, где я в прошлый раз брал коньяк.

Уже за столиком Павел заказал водки и деликатесов на закуску: малосольную семгу с лимоном, копченую свиную нарезку, целый букет зелени, сырокопченую колбасу, малосольные огурцы и ко всему бородинский хлеб.

– А вы гурман и, судя по всему, у вас творческий запой, – определил Паша, мгновенно опрокинув в себя первую рюмку.

Словцов чуть не подавился водкой.

– Да что вы все: творческий запой да творческий запой?! Запой не может быть творческим! Он бессмысленный, беспощад-

ный и печальный, как всепоглощающая русская хандра! Я, кстати, вообще не пью.

– Я тоже, – иронично поддержал Паша, – просто промываю внутренности в чисто медицинских целях. Когда-то я работал в закрытой, скажем так, полувоенной лаборатории, и нам там регулярно выдавали по стаканчику...

– Ну тогда понятно, откуда такая регулярность, – сыронизировал, в свою очередь, Слоцков.

– Регулярность как раз от бессмысленности. Бессмысленности моего существования. Типичный русский интеллигент, не нашедший себе места в жизни. Тема маленького человека в русской литературе, помню, писал такое сочинение в школе.

– Знакомо. А как же секретная лаборатория?

– Я, несмотря на регулярность, заболел. А кому сейчас нужны больные? В итоге – от меня просто избавились. Сначала – на работе, затем – семья. Теперь я избавляюсь сам от себя.

– Я пробовал – не получилось, – поделился Слоцков, – но мой способ тебе, Паша, тоже не подойдет, потому что ты в нем пре-

бываешь. Знаешь, я обязательно поселю тебя в моей книге, над которой сейчас работаю.

– Проходной персонаж? По принципу: так жить нельзя? Легкое сочувствие или пренебрежение читателей?

– Удивительно в литературе то, что мы с тобой тут сидим, а читатель уже незримо присутствует здесь. Он смотрит нашими глазами в этот зал: на скучающего бармена, потому что утро, на похмеляющегося у стойки бизнесмена, потому что вчера была корпоративная вечеринка, на двух девиц, убивающих время в поисках подходящей компании. И, собственно, глазами автора, на нас самих. А нас уже здесь нет... или мы есть? – Павел разлил по второй.

– С этими барышнями я могу вас хоть сейчас познакомить.

– Нет, спасибо. Вчера познакомился с двумя юными интеллектуалками.

– Ясно, мне просто обидно, что они вас в расчет не берут, потому как вы общаетесь со мной.

– А мне не обидно...

– Потому что у вас сейчас есть самая красивая женщина...

– В точку!

– Но вы с ней поссоритесь, если будете продолжать пить.

– М-да... Ты меня тоже будешь воспитывать?

– Что вы?! Я всего-навсего нахватался в лаборатории какого-то излучения и вижу людей и то, что с ними происходит, можно сказать, немного по-другому. Вас даже не удивило, что я с первой встречи распознал в вас литератора...

– Я просто не люблю экстрасенсов. Это по части Стивена Кинга. Я человек верующий, живу по воле Божьей.

– А у вас есть гарантия того, что меня послал к вам не Господь Бог?

– Нет, – удивился такой постановке вопроса Павел, но тут же перешел в наступление: – Но и нет гарантии, что тебя послал не лукавый...

– На данный момент, Павел Сергеевич, вашу потрепанную душу даже в ломбард не возьмут, не то, что в ад. На фиг там ваш сентиментализм? Там нужны люди, уверенные в своей подлости и безнаказанности.

– Стоп! Я тебе не говорил свое отчество! На какую разведку ты работаешь?

– Уже не работаю, я все честно сказал. Вы позволите? – Паша поднял над столом бутылку, чтобы налить. – И я вовсе не экстрасенс. Я жертва своеобразного Чернобыля. – Он вдруг посерьезнел. – И жить мне осталось... Почти ничего не осталось. – Выпил, заняхал бородинским хлебом. – Вот тут, – он постучал себе в лоб указательным пальцем, – какая-то опухоль, уже не операбельная, поэтому, если б вы заплатили мои долги, поступили бы опрометчиво. А оттого что вы меня выслушаете или воспользуетесь парой безобидных советов, ничего страшного не произойдет. Даже наоборот. Вы мне понравились. Думаете, я перед каждым так, лишь бы выпить?

На некоторое время над столиком повисла тишина. Павел угрюмо налил еще по рюмке.

– Знаешь, Паш, Господь меня учит, это точно! Как только я начинаю считать себя самым несчастным на Земле, мне встречается кто-то, кому в сто крат хуже! Женщина, про которую ты якобы знаешь, она тоже как будто послана в мою жизнь. А я – в ее. Такое чувство, что мы вместе должны что-то преодолеть, открыть или понять. При-

чем оно возникло у меня с первого мгновения, как я ее увидел. Я не могу сказать, что моя бывшая жена не была моей второй половиной. Была, еще как, но, скорее всего, я не был ее частью или не смог стать. А здесь – здесь что-то вообще немыслимое. – Павел на секунду задумался, потом вдруг улыбнулся: – Или, может, всем влюбленным дуракам так кажется? – Снова задумался и спохватился: – Нет, ну ты мне скажи, это только мы, русские, после третьей рюмки первому встречному душу изливаем?

– Похоже, что да, – согласился Паша, – и еще соседям по вагону.

Оба грустно улыбнулись и выпили. Минутой молчания почтили чье-то рождение.

– Вам надо уехать, – твердо сказал Паша после паузы.

– Но я уже уехал, дальше некуда!

– Вы – да, а она? Она осталась. Вам надо уехать вместе. Причем уехать так, чтоб никто не знал – куда.

– А здесь нам грозят страшные опасности... – недоверчиво ухмыльнулся Словцов.

– Ирония ваша мне понятна. Честно говоря, я сам не знаю, как я чувствую

и вижу то, что сейчас вам говорю. Мне нечем вам это доказать. Разве что найти женщину, которой я вчера сказал, что она не выключила утюг и у нее сгорит квартира. Слава Богу, она мне поверила или действительно вспомнила. Проходя мимо меня второй раз, сунула в руку сотенную, хотя я ничего не просил.

– М-да... – задумался Павел. – А по фотографии ты мог бы что-нибудь сказать?

– Наверное. Но это не всегда. Я не человек-рентген. Что-то чувствую, что-то нет. О! Знаю, чем вас прошибить! Кто-то из очень близких вам людей уехал в немыслимое далеко, и это событие перевернуло всю вашу жизнь.

После этих слов Павел посмотрел на собеседника совсем по-иному.

– Если это не сведения разведки, то ты, Паш, действительно что-то видишь. А почему ты не можешь помочь сам себе?

– Это хирург в силах сам себе сделать несложную операцию. А я могу только знать. Кроме того, я не сделал ничего для того, чтобы как-то выправить свою жизнь. Говоря проще, я даже не каялся, напротив, лез в самую трясику. За что же меня миловать? Есть люди,

которым удалось зацепиться за жизнь, когда их скрутила какая-нибудь безнадежная онкология. Победив болезнь, они с нелепой гордыней несут эту победу и наивно говорят: «Я победил», «Я смог». А я вот не смог! И не хочу. Смысл?

– Ты – идейно умирающий человек, Паша.

– Да нет, я верю, что я могу себя вымолить. Господь Бог еще и не таких миловал. Но мне здесь скучно... – Он с каким-то особым нажимом произнес слово «скучно», как необратимую безнадежность, еще большую, чем, собственно, сама смерть.

– Но, чтобы там не попасть в ничто, здесь тоже надо прилагать усилия, – заметил Павел. – Мой знакомый программист так сказал о грешных душах: их просто стирают, как зараженные вирусом файлы.

– Я знаю. Моя бабушка, которая работала не где-нибудь, а в Дарвиновском музее, несмотря на бурное строительство социализма, всю жизнь ходила в церковь. Во время войны – каждый день! И дед вернулся с фронта живым, только с двумя легкими ранениями. Потом она умерла, а я всегда за нее ставил свечи и заказывал молебны. Когда я забо-

лел, она первый раз в жизни приснилась мне, чтобы сказать: не отчаивайся, внук. И больше ничего.

– А ты?

– А я слабый, я размазня. Да я и не отчаивался. Я смирился. Есть еще такой вариант.

– Чем-то мы с тобой очень похожи, Паш. Не только тем, что тезки.

– С той разницей, что у вас-то как раз сейчас прорисовывается смысл нового витка, а у меня его нет. Любовь – это такая мощная сила! А у вас вообще редкий случай – второй шанс. Обычно бывают заблуждения о любви либо в первый раз, либо во второй, а у некоторых и большее число раз. Про вас сказано: не везет мне в картах, повезет в любви. Но сегодня за вами по пятам идет смерть.

– Вот как?! – удивился Павел. – Я недавно из больницы, мне пулю из плеча вытащили.

– Я знаю. Но она же не ваша. Ваша еще в обойме.

– Паш, меня от таких детективных историй смех разбирает!

– А это не детективная история. Жаль, я не могу сказать вам, кто и как идет за вами по пятам. Не могу, потому что не знаю.

– Ну хоть это, слава Богу, ты не знаешь.

– Зато знаю другое – сейчас вас кто-то ищет. Наверняка – она. Может, мы еще успеем выпить?

– Успеем...

Пока Павел разливал, в его кармане запиликал мобильник. Паша кивнул: мол, говорю же я – ищет. Слобцов кивнул в ответ и полез в карман.

– Слушаю.

Звонила действительно Вера, о чем он просигнализировал Паше глазами. Вера спрашивала, где он пьет и способен ли соображать и передвигаться.

– Вер, все нормально, меня один очень хороший человек убедил вернуться на путь истины. Я легко могу встать из-за стола. И обещаю тебе больше никогда не досаждать пьяным разгулом.

– Павел, – с надрывом сказала Вера, – Михаил Иванович умер.

– Как?

– Его нашли в подъезде. Между этажами. Соседка. Похоже, сердце...

– Он же такой... По нему не скажешь.

– Да, никогда ни на что не жаловался. Ты действительно в порядке? Когда ты смо-

жешь здесь быть? Нужно заняться многим, а я – с мамой.

– Вера, я недалеко. Сейчас буду.

Павел бросил на стол несколько тысячных купюр.

– Извини, Паша, придется нашу беседу отложить на неопределенный срок.

– Если успеем, – Паша понимающе моргнул обоими глазами, затем поднял рюмку: – Мне бы хотелось узнать продолжение вашей истории. Опять же, если успею. Удачи!

– И тебе. – Павел направился к выходу, но, сделав несколько шагов, остановился и повернулся к Паше, который смотрел ему вслед: – Если мне повезет чуть больше, чем я предполагаю, я поделюсь с тобой.

5

Похороны генерала занимают генералы. Вера нянчилась с беззвучно плачущей Варварой Семеновной, Павел, получалось, путался под ногами многочисленных военных, сновавших по квартире, как у себя дома. Были они предупредительны и немногословны, а явившийся военврач подтвердил диа-

гноз врача «скорой»: инфаркт. Удивляло его другое, сердце Михаила Ивановича могло работать еще много лет.

– Значит, – сказал он, – смерть вызвана сильным стрессом.

– Каким стрессом? – шепотом сквозь слезы удивлялась Варвара Семеновна. – Он за хлебом в ближайшую булочную пошел. Каждое утро туда ходил. Его собакой Баскервилей не испугаешь... Стрессом... Глупость...

Двое в штатском вынесли из квартиры закрытый сейф генерала. Никто не возражал. Об этом они вежливо предупредили и сообщили: все, кроме документов государственной важности и оружия, они вернут. Вынесли еще какие-то папки и несколько книг. Официально хмурый майор принес соболезнования от президента, Генерального штаба и еще каких-то военных и правительственных структур. Другой озабоченный майор уточнял, сколько будет родственников со стороны Варвары Семеновны. На ответ «все здесь», как-то глупо пересчитал: «раз, два, три...» Третьим был Павел, который порывался что-то делать, но дела ему не находилось. Единственное, что ему доверили, повесить зеркала. Получалось, что Вера утешает Варвару

Семеновну, а Павел утешает Веру. В какой-то момент Словцов позволил себе неуместную фразу, когда выдалась минута уединения с Верой.

– Я, похоже, приношу несчастья. Там, где я появляюсь, начинают стрелять, случаются инфаркты...

– Дурак ты, Паша, – тихо и незлобно ответила Вера.

Отпевали Михаила Ивановича в церкви Симеона Столпника на Новом Арбате. Удивительно, как этот небольшой, но красивый храм устоял во время всяческих реконструкций. И стоял он на огороженном холмике газона посреди гордых многоэтажек, несущегося мимо потока машин и блеска реклам. Видимо, ему передалась часть подвига святого, в честь которого он был построен.

Павел поразился количеству подушечек с наградами, среди которых были отнюдь не юбилейные медали. Их впереди процессии на кладбище несли строгие подтянутые солдаты. Возможно, даже из Президентского полка. Гроб опускали, как и положено на военных похоронах, под залпы почетного караула. Павел в этот момент думал, что во время всех погребений, в которых ему довелось участво-

вать, он смотрит вокруг как сквозь бесцветную, но осязаемую пелену. Пелена появляется всякий раз, когда к нему приближается смерть. Что это и какую выполняет функцию? Может, так защищает себя сознание живого человека? Ему очень хотелось спросить у кого-нибудь, видят ли они ее, ощущают ли ее перед своими глазами? Понимая несвоевременность подобных разговоров, он отвел глаза в сторону и узрел за рядами могильных оград странного человека в темных очках и глухом черном плаще. Ко всему этому на лоб его была надвинута шляпа. Подходящий образ для шпионского фильма. Он пристально и неотрывно смотрел сквозь непроницаемые стекла на ритуальное действо, в котором участвовал Словцов.

Уже за длинными рядами поминальных столов, поставленных буквой «п», где произносились торжественные речи, Павел опять-таки вспомнил странного незнакомца. Еще раз возникло чувство, что он его уже где-то видел, но эта черная маскировка не давала определить, где и при каких обстоятельствах. Снова пришла на ум фотография Георгия Зарайского, но на этот раз он неожиданно для самого себя смог най-

ти нужную ассоциацию. Вспомнилось утреннее застолье в гостинице Ханты-Мансийска, мудрый Егорыч во главе и галдящие иностранцы. И только один – молчаливый и подчеркнуто серьезный. Он-то и был очень и очень похож на Зарайского. Стоило, наверное, сказать об этом Вере, но, разумеется, не сейчас. А через некоторое время сомнения и вовсе уступали место мысли об излишней мнительности. Мало ли похожих людей? Тем более что о полном сходстве речи не шло.

Ночевать пришлось в квартире генерала. Словцову постелили на кожаном диване в кабинете Михаила Ивановича. Засыпая, он поймал себя на мысли, что предпочел бы даже эту ночь провести с Верой. Хотел убедить себя, что ему стыдно перед покойным генералом, перед убитой горем Варварой Семеновной, но ничего не мог поделать. Тяга к Вере была сильнее теней смерти. Она была сравнима с цунами, которому, в сущности, все равно, куда, как и когда направляется его бешеная сила. Ворочаясь на генеральском раритете, Павел мысленно ругал себя за безвозвратно утраченную в пьяном угаре ночь прошлую. В который раз давал

себе слово больше не прикасаться к алкоголю. Предстояло еще пережить девять, а может, и сорок дней в этом доме. Как уж решит Вера. «Зачем я здесь? – снова и снова спрашивал он себя. – Как нынче быстро несется жизнь, и как неожиданно наступает смерть». А когда сон все же начал налипать на веки, в кабинет вдруг пришла Вера. Но пришла явно не для того, чтобы броситься в его объятия, а просто села на край и тихо сказала:

– Мама наконец-то уснула. Я напоила ее пустырником. А самой как-то холодно и жутко. Можно, я у тебя посижу?

«Можно и полежать», – хотел ответить Павел, но предусмотрительно сдержался. Страсть вдруг сама уступила место нежности. Он молча взял ее руку в свои ладони. Она оказалась холодной, точно Вера пришла с улицы, и он стал согревать ее губами и дыханием.

– Тебе надо завтра позвонить Веронике. Обязательно. Главное, чтобы она была счастлива, разве это для тебя не важно?

– Важно, – согласился Павел, – я и сам не умею злиться долго.

– Она в тот вечер сказала мне, что ты продолжаешь жить в том времени, кото-

рое не вернуть. И ее хочешь поселить там же...

Павел приподнялся на локтях.

– Знаешь, у Станислава Куняева есть стихотворение, написанное еще в конце восьмидесятых, наверное, оно применимо ко всем нам, таким, как я, – он наморщил лоб, вспоминая, и приглушенно, но с жестким холодом в голосе продекламировал:

*«Не лучшие в мире у нас пироги,
Не лучшие туфли, не лучшие жнейки,
Но лучшие в мире у нас телогрейки,
А также резиновые сапоги.*

*Мы честно несли ордена и заплаты,
Мы нищими были, мы стали богаты,
Поэт Бизнесменский, к примеру, у нас
Богаче Есенина в тысячу раз.*

*Ах, Фёдор Михалыч, ты слышишь, как бесы
Уже оседлали свои «мерседесы»,
Чтоб в бешеной гонке и ярости лютой
Рвануться за славою и за валютой...
...Мы пропили горы, проели леса,
Но чудом каким-то спасли небеса,
Мы тысячи речек смогли отравить,
Но душу никак не умеем пропить...»*

Вера посмотрела на Павла с едва уловимым сожалением, погладила его по лицу.

– Ты много стихов знаешь наизусть?

– Много. Я же высокооплачиваемый работник разговорного жанра. А если серьезно – работа была такая. Любить русскую поэзию. Я динозавр. Скоро мы вымрем. Только, думаю, и России после этого недолго останется. У него же есть в одном стихотворении:

*«...Если в светлеющий утренний час,
в час, когда синь нарастает в окне,
ты не проснешься в тревоге за нас
и не прижмешься собою ко мне.*

*Жаль, не прижмешься ко мне горячо,
словно спасенья от страхов ища,
жаль, не уткнешься губами в плечо,
что не найдешь под губами плеча».*

– Если я не найду под губами твоего плеча, то меня уже не будет волновать вселенская пустота вокруг, – прошептала Вера, клонясь к плечу Павла.

– Знаешь, в романе я предпочел бы максимально отложить близость главных героев куда подальше, дабы тянуть читателя «вдоль

по Питерской», а в реальности у нас получилась вспышка, всполох, замыкание. Странно, но я горю, сгораю с удовольствием, и мне абсолютно наплевать на все, если в этом во всем нет тебя. Мне самому себе хочется сказать: так не бывает. И я боюсь спугнуть то, что мы иногда называем счастьем.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Джордж Истмен смотрел в зеркало. Оттуда на него невозмутимо взирал безупречный английский джентльмен. Сорокалетний, слегка седоватый, с цепким взглядом зеленых глаз и таким невозмутимым выражением лица. «Надо было выброситься из жизни, как из окна, иначе не в первый, так во второй раз или с третьей попытки выбросили бы меня», – подумал на английском языке Джордж Истмен, пытаясь разглядеть собственное прошлое в собственном отражении. Отражение было беспристрастно. Он столько лет работал над этим выражением, что мог бы гордиться им, своими достижениями, своим безупречным английским, умением легко

перепрыгивать с одного лондонского диалекта на другой, отчего его легко принимали за своего в любых кругах.

– Но неужели я опоздал? – произнес Джордж на русском языке с легким акцентом и замолчал, вслушиваясь в послезвучие языка, которым не пользовался принципиально в течение восьми лет.

Подданный Ее Величества, гражданин Соединенного Королевства, в полностью вычеркнутом прошлом – Георгий Зарайский, стоял перед зеркалом и не мог определить, кого в нем больше: Зарайского или Джорджа Истмена? Зато отец сразу определил. Ни в личине Джорджа Истмена, ни как Георгий Зарайский – он не знал, как теперь относиться к собственному неосмотрительному поступку. Кто бы мог подумать, что сердце отца не выдержит явления «покойного» сына? Не столько даже явления, сколько – нескольких слов, высказанных сыном хладнокровно и взвешенно. Столько лет репетировал эти фразы... Сердце, на которое он никогда не жаловался. Стальное сердце русского разведчика не было готово к тому, что у него сын – англичанин? И пришлось уходить из подъезда, как преступнику с места преступ-

ления. Это был уже второй поступок, который не давал ему покоя.

Из подъезда вышел уже точно не Георгий Зарайский, а Джордж Истмен, который хладнокровно вызвал по мобильному телефону бесполезную «неотложку», а сам телефон швырнул в ближайшую урну.

Да, шесть лет назад он мог обратиться к отцу за помощью, но не было гарантии, что в конторе отца нет кротов с противоположной стороны. Вообще не было никаких гарантий, кроме одной – собственной смерти. И Георгий Зарайский предпочел умереть, предварительно выведя львиную долю капиталов в иностранные банки и надежно спрятав. Но Веруня-то какова? Оставшуюся треть она вновь превратила в империю. Женщина, которая никогда не интересовалась ни счетами, ни движимым-недвижимым, нырнула в бизнес, как золотая рыбка в аквариум. Вернее, нырнула, может, как обычная, но быстро стала там золотой.

Незапятнанный паспорт гражданина Великобритании обошелся Георгию дороже, чем собственные похороны. И шесть лет понадобилось, чтобы идеально легализоваться. Теперь оставалось самое простое: жениться на собственной русской жене, о которой он так и

не смог забыть все эти годы. Но сейчас он вынужден был со стороны наблюдать за похоронами своего отца, точно так же, как когда-то наблюдал за собственными. Свои-то ему, прости Господи, понравились...

Все началось восемь лет назад с фотографии в деловом журнале. Листая его, Георгий замер от удивления, узрев самого себя и прекрасно понимая, что это не он. Ему не доводилось бывать на шоу двойников, но ранее он слышал, что абсолютно похожие люди, не имеющие родственных связей, не такая уж редкость. Встретив этого человека на улице, друзья легко могли бы принять его за господина Зарайского. Увидев своего двойника, Георгий вспомнил байки о двойниках Ленина, Сталина, Гитлера, Саддама Хусейна и мгновенно пришел к заключению, что двойник может пригодиться.

Где-то доводилось читать о Евсее Лубенском, который якобы заменял Сталина на многих встречах и даже на трибуне Мавзолея в течение пятнадцати лет. Сходство было таким, что буфетчица, случайно увидевшая двух Сталиных, просто упала в обморок.

Одной из самых классических легенд была легенда о вавилонском царе Набополасаре и его двойнике, которые дружно правили

древним городом. Копаясь в книгах, Георгий нашёл ещё предание о хитрой жене Сирийского царя Антиоха II Лаодике. Последняя в порыве ревности отравила своего мужа, а потом пригласила во дворец городского актёра, похожего на царя. Он-то и умер уже во второй раз при всех приближённых, завещав свое царство Лаодике, а подданным – беспрекословное ей подчинение.

Благородное использование двойников Зарайский увидел в фильме Акиро Курасава «Двойник». Там властитель после смертельного ранения, напротив, передаёт власть двойнику, дабы спасти единство войска и подчинённых ему земель.

Можно было ещё вспомнить «наших» Лжедмитриев и целый взвод двойников Наполеона, один из которых, Франсуа Эжен Робо, и был похоронен на острове Святой Елены под безымянной (!) плитой. Если под ней действительно двойник, то версия с отравлением узника острова Святой Елены обретает совсем иной смысл. Обгонял Наполеона по количеству двойников только Людовик XVII, у коего их, по самым скромным подсчётам, было около сорока.

Смертельно больного Ленина, когда он находился в Горках, встречали вдруг абсолют-

но здоровым в Кремле, а расстрелянную за покушение на него Фанни Каплан видели много позже среди заключённых на Соловках...

Список подобных историй, легенд, подлогов весьма велик, главное, понял Зарайский, стремление использовать в опасных ситуациях двойника далеко не ново. Кому-то человек в «железной маске» не нужен и опасен, а кому-то – как раз наоборот.

У Данте «поддельщики людей» маются в десятом рве восьмого круга ада... Но Данте Георгия Зарайского напугать не мог. Реальные противники были куда опаснее.

Оставалось навести справки об этом человеке и найти его. Имея деньги, это не так уж сложно. О том, что некоторые крупные бизнесмены имеют под рукой двойников, слышать ему тоже приходилось, но сталкиваться с их задачами и работой, разумеется, нет. Ибо двойник на то он и двойник, чтобы заменять основное лицо в щекотливых ситуациях.

Сбором информации о «близнеце» Георгий занимался сам, не доверив это дело даже Астахову, не подключая друзей отца. Да и особых сложностей не было. Частный детектив выполнил эту работу за мизерную сумму. Георгий, получив резюме на свою «копию», не уди-

вился, когда не совпали дата, месяц и год рождения (никакой мистики, свободное творчество природы). Двойник был на два года младше его, имел совсем другое образование, а главное – материальное положение. В сущности, по сравнению с Зарайским, не имел никакого. Следующий шаг – предложить ему высокооплачиваемую работу, до нужного момента оставаясь в тени. Немного нашлось бы людей, способных отказаться от должности представителя крупной фирмы за весьма высокую плату. Для отвода глаз нового работника отправили в отдаленную провинцию заключить пару никчемных договоров за щедрое вознаграждение. Самым сложным для Георгия Михайловича являлось сохранить тайну двойника не столько от чужих, сколько от своих, ибо не бывает тайны, если ее знают два человека.

Когда Астахов доложил, что Зарайского собираются убрать, наступило время «Ч» для двойника. Вот тогда он заявился к своей «копии» сам, чем удивил его до легкого шока. Тот к тому времени уже привык жить на широкую ногу, честно отработывал свои часы в офисе и никак не догадывался о своем истинном предназначении. Георгий Михайлович попросил выручить его на недельку, дабы сам он

мог съездить в одну важную поездку так, чтобы персонал не заметил его отсутствия. Важно, чтобы этого не заметила даже жена! Правда, с ней Георгий Михайлович своего двойника убедительно просил не спать, разве что принимать прощальный поцелуй по утрам, ссылаясь на большую занятость и усталость. Не воспрещалось флиртовать с домработницей, но при полном неведении Веры Сергеевны.

Больше недели ушло на тщательную подготовку, во время которой двойник постигал азы мимики Зарайского, учился управлять голосом, запоминал фотографии и имена многочисленных родственников, подчиненных, расположение комнат и вещей в квартирах и офисах. Кроме того, следовало быть в курсе текущих дел и не подписывать договоров, наносящих ущерб общему делу. Высокое доверие Георгия Михайловича подтверждалось тем, что в подмену не были посвящены самые близкие люди и начальник охраны Астахов, а также космическим гонораром, половина которого сразу легла в карман «Псевдогеоргия» и помогла ему преодолеть некоторые сомнения и дискомфорт. Дальнейшее общение предполагалось в экстренных случаях по мобильному телефону. Этот телефон Зарайский

выдал двойнику с копией собственного, который хранил имена и номера многочисленных друзей и партнеров. Когда Зарайский вернется, он позвонит, и каждый займет полагающееся ему место. Двойник не подозревал подвоха еще и потому, что Зарайский сам страховался, снимая заключение договора между ними на видео камеру, чтобы в один прекрасный момент не поменяться местами навсегда и не остаться в описанной Марком Твенем ситуации «Принц и нищий».

– Помни, – науськивал он двойника, – в плохом настроении я запираюсь в кабинете, тебе это поможет не светиться лишний раз, и постарайся избегать встреч с Хромовым в эти дни, он знает меня, пожалуй, лучше, чем жена, – напутствовал будущий Джордж Истмен будущего покойного Георгия Михайловича Зарайского.

Но впоследствии Джордж Истмен долго и с обидой недоумевал, что подмены действительно никто не заметил. Ведь были какие-то, пусть и мельчайшие, детали, но определяющие различие между ними. Хотя в то суетное утро, когда двойник сел в обреченную машину, Георгий Зарайский не имел против этого никаких возражений.

Казалось, все уже было позади, но внезапная смерть отца словно разрушила какую-то стену, отделявшую Джорджа Истмена от Георгия Зарайского; стену, которую Джордж строил в течение долгих восьми лет. И кого в ней было винить – Истмена или все же Зарайского?

Прибыв в Россию жениться на своей собственной жене, Истмен встретил значительные препятствия. Во-первых, последнее время вокруг нее буквально вился друг детства и почти подельник Хромов. Но и тут вышел промах... Точнее, не промах, а полет пули «по наитию». Во-вторых, на горизонте вдруг замаячил «никто», кто в одночасье стал «всеми». И эта «темная лошадка», похоже, инстинктивно чувствовала присутствие мистера Истмена. Во всяком случае, на кладбище Джордж ощутил на себе его всепроникающий взгляд.

2

Неделя после похорон свекра пролетела незаметно. После девятого дня Вера, наконец, включила мобильный телефон, и, к ее

удивлению, он не взорвался от скопившихся звонков и «эсэмэсок». Видимо, подчиненные и партнеры отчаялись найти ее за эту неделю. Сама позвонила главному бухгалтеру и секретарше Клавдии Васильевне. Все спокойно, все по графику, упустили пару контрактов, но это малоощутимо.

И, несмотря на траур, все эти дни были наполнены безумной страстью. Странно, но любовь и смерть иногда тесно уживаются друг с другом. Павел все больше сидел перед экраном ноутбука.

Вере не удалось уговорить маму приехать к ней на Север, чтобы немного развеяться, а заодно хоть раз посмотреть, где и как живет ее дочь.

На девять дней пришел сбежавший по такому случаю из больницы Хромов, который хорошо знал покойного генерала. Последний, как выяснилось из пьяной исповеди Хромова, не раз спасал его от «Матросской тишины», возвращал ему утраченные после общения с автоинспекторами водительские права, а пару раз буквально помог избежать лишнего свинца в организме. С Павлом он стал вдруг или не вдруг подчеркнуто дружелюбен.

– Мои телохранители просили, чтобы я выписал тебе премию, Павел Сергеевич, – сообщил он.

– Не стоит, мне и так платят за то, что я существую, – грустно улыбнулся в ответ Словоцов.

– Хотел бы я такую работу, особенно рядом с такой женщиной, – позавидовал Юрий Максимович.

– Нелепость, несуразность, в сущности, невозможность моего положения заставляют меня предполагать, что это может происходить только с какой-то особой целью, определенной свыше, и каждый неверный шаг может привести к плачевным последствиям.

– Павел Сергеевич, ты для меня, дурака, попроще скажи.

– Да все просто: мне хорошо, но ничего хорошего я от этого не жду.

– Ну, в этом ты, Павел Сергеевич, не одинок. Я, например, тоже уже ничего не жду. Уже все есть, – криво ухмыльнулся он, – а вот радости я от этого не испытываю. Самое лучшее, что я мог бы в жизни обрести, досталось тебе.

Павел заметно смутился. Хромов ободрил его:

– Это Верин выбор, я его уважаю. Больше чем нас с тобой вместе взятых. Сколько женщин я знал, но только одну настоящую, все остальные какие-то фантомы, призраки здешнего мира, живущие исключительно по его правилам.

Перед отъездом, Павел позвонил-таки дочери. Они встретились в итальянской пиццерии буквально в нескольких шагах от Красной площади. Пили кофе и поначалу обменивались дежурной информацией, отвечая на вопросы типа: «Как там мама, замуж не выходит?», «Вера Сергеевна – это надолго?», «Ты точно решила продолжать обучение там?», «Вот мама не прочь бы приехать в Штаты, а ты?».

– Знаешь, мне нравится их уверенность в том, что человек творец своей судьбы, – сказала Вероника.

– Пресловутая «американская мечта»? Тут есть главное заблуждение: те, кто так думает, путают судьбу и карьеру, ставят между ними знак равенства.

– Па, а ты хоть что-то пытался сделать такого, чтобы выпрыгнуть из сдавивших тебя со всех сторон обстоятельств?

– Конечно, особенно сейчас. Я действительно выпрыгнул, но это не есть делание судь-

бы. Человек предполагает, Бог располагает. Я тебе не рассказывал, но сейчас расскажу, хотя, может, это и не очень удачный пример. В выпускном классе я вдруг решил стать военным летчиком. Так решил, так загорелся, что стал усиленно заниматься математикой и физикой, с которыми до этого держался на почтительном расстоянии, и тренировался по несколько часов в день.

– Не представляю, – улыбнулась Вероника.

– Сам сейчас в это не верю, но так было. Буквально перед выпускным вечером я подрался с одноклассником. Повод был пустяковый, драка короткая и, казалось бы, без особых последствий. Он мне расквасил нос, а дрались мы тогда до первой крови. Все бы ничего, но, получив аттестат, я поехал проходить медицинскую комиссию в летное училище. В нашем городе работала выездная. Я был абсолютно уверен в своем здоровье. Шел туда именно с уверенностью творца своей судьбы. Обрати внимание: никак не карьеры! Я мечту свою воплощал. Но рентгеновский снимок пазух носа стал для меня последней инстанцией. Меня забраковали. Искривление носовой перегородки в результате травмы. Я приводил

пример Маресьева, летавшего во время войны без ног, но действия он на современную медкомиссию не возымел. Тогда я очень переживал, а сейчас думаю: хорошо, что все так кончилось. Вместо бравого летчика получился грустный филолог. Видимо, Господу Богу был нужен именно филолог, стихотворец.

— Это частный случай, исключение из правил. Упертые люди добиваются своего.

— Выше головы не прыгнешь. Я, к примеру, верю, что талантливые произведения всегда пробьют себе дорогу, но знаю сотни примеров тому, как им не дают прохода. Тормозят, замалчивают. Раньше это делали из идеологических соображений, а сейчас — исходя из «требований рынка».

— Па, ты хочешь, чтобы я, как и ты, стала безнадежной брюзгой?

— Ого, вот как, оказывается, я выгляжу в твоих глазах? Это перебор, дочка. Ну, может, я внешне депрессивен, но моя депрессия носит творческий характер русской хандры, а не постоянного брюзжания неудачника.

— Извини, не хотела тебя обидеть.

— Ничего. Ты просто присмотришься к тем, кого ты считаешь «творцами собственной судьбы». Неужели ты не замечала на их лицах ту-

пой самоуверенности? Они даже в гробу лежат с таким выражением лица, будто прописка в раю им уже гарантирована.

Вероника улыбнулась, представив себе сказанное отцом.

– Значит, Дэвид тебе не понравился?

Словцов некоторое время кусал губы, обдумывая ответ. И максимально от него увернулся.

– Главное, что он нравится тебе, но еще главнее, чтобы это не было ошибкой. Ты еще настолько молода, что разочарование может стоить очень многого. Иногда – целой жизни.

– Па, если б была возможность вернуться в прошлое, что ты попытался бы там изменить?

– Пристрелил бы нескольких политиков, рассчитывая на то, что империя не развалится. Наивно, но честно.

– А я думала, ты скажешь о маме.

– Ника, я так ее любил, куда Ромео и Джульетте! Но, видимо, во всем нужна мера. В тот момент, когда она стала видеть во мне кого-то другого, не меня, а того, кого хотела видеть, я был не способен измениться, да и не стал бы. Теряя ее, я мучился так, как мучают-

ся в последнюю ночь приговоренные к смерти, ибо жизни без нее не мыслил.

– Я думала, – потупилась Вероника, – что вы поссорились только из-за меня.

– Поссорились – да, – согласился Павел, – но разошлись потому, что, как оказалось, жили давно уже в разных мирах. И я переболел этим, как можно переболеть смертью. Один раз. Она, кстати, как раз не видела во мне делателя своей судьбы. Самое странное, что мы прожили вместе самое тяжелое время, а когда, казалось бы, все стало налаживаться, мне снова стали платить более-менее пристойную зарплату, когда ты уже выросла, ей потребовалось вдруг нечто большее. Больше того, на что я способен. Ну и, разумеется, я не мог принять твоего шага...

– И сейчас? Ведь ты сам сделал нечто подобное!

– Во-первых, мне сорок, во-вторых, ты сделала это в свои семнадцать раньше меня и – не спрашивая меня, в-третьих, уж прости мою советскую замшелость, я не могу любить страну, которая сделала все, чтобы моей родины не стало на карте. Ничего личного, только политика. Признаю Штаты великой державой, но на чем и ради чего держится их величие?

– Па, там живут обычные люди, с точно такими же проблемами, как у нас. С такими же достоинствами и недостатками. И, между прочим, не все из них в восторге от того, что делает их правительство. Дэвид просил уговорить тебя приехать... А, па?

– Я подумаю...

– Вера Сергеевна сказала, что ты был ранен, лежал в больнице. Почему даже не позвонил?

– Я выбросил свой мобильный. Да и что изменилось бы?

– Больно было?

– Когда ты уехала, было куда больнее. А тут – чепуха. Высунулся в мир богатых, и тут же схлопотал, как «творец судьбы»...

– Па, ты не исправим.

– А ты?

– Вся в тебя...

Потом они долго стояли, обнявшись, на выходе из кафе. Павел, прижимая к себе дочь, вспоминал маленькую смышленную девочку, с которой любил гулять по городу и отвечать на ее бесконечные вопросы. Веронике почему-то казалось, что уезжает не она, а отец. Надолго и далеко. Почти как на войну, и она даже не знает, увидит ли его еще раз. От

таких мыслей Вероника едва сдерживала слезы. Она вдруг испытала к отцу давно забытую детскую нежность и чувство благодарности, которое скрывала от него последние годы.

«Если Ника – богиня победы, Вероника – это победившая Вера?» – подумал Павел.

3

Они встретились в метро с тщательным соблюдением конспирации. Сначала вошли в разные вагоны, потом вышли на одной станции, затем перешли на другую линию, постоянно проверяясь: нет ли хвоста, и только потом вошли в один вагон. В последний.

– Вообще-то я не прихожу на личные встречи, если бы не мой долг, – сухо сказал Справедливый, – да и зачем эти шпионские игры?

– За мной запросто может наблюдать ФСБ, – ответил Джордж Истмен, – поэтому мутная вода никому из нас не мешает. Ты не выполнил свою часть договора.

– Форс-мажорные обязательства... Я не виноват, что в нашем деле появляются Александры Матросовы.

– Можно было сделать второй выстрел.

– Нельзя, меня бы сразу вычислили. У меня есть свои правила работы. И еще: вы нарушили правила. Зачем нужна была глупая стрельба в аэропорту? Уж там-то точно работал не профи.

– Я заплачу за неудачную работу на Севере. А в аэропорту... Ну да – не профи... во всяком случае не снайпер, но тоже неплохой стрелок. Просто я не люблю, когда мои планы не выполняются. Итак, я заплачу...

Справедливый выдержал паузу, вглядываясь во мрак тоннеля за окном.

– Для того, чтобы я остался должен? – наконец сказал он. – Вы полагаете, что все и вся работают и живут исключительно ради денег?

– А вы работаете по какому-то другому принципу?

– Когда я работаю по вашим коллегам или политикам, я совмещаю приятное с полезным, – бесцветно, но твердо сказал Справедливый.

Мистер Истмен посчитал, что неуместное в деловом разговоре лирическое отступление затянулось, и снова вернулся к задаче:

– Ориентиры меняются.

– Да, но не меняются мои правила. Я не работаю с невиновными. Ни при каких обстоятельствах.

– Знаю я, что ты справедливый. Потому и обращаюсь, что не хочу иметь дело с теми, у кого принципов нет. Человек из ниоткуда хочет взять все, включая мою жену.

– У Джорджа Истмена нет жены, – напомнил Справедливый.

– А ты не должен Джорджу Истмену, ты должен Георгию Зарайскому.

Некоторое время они молчали, переваривая и взвешивая каждый свою часть аргументов и правил. Затем мистер Истмен посчитал, что собеседнику нечего противопоставить его доводам и, направляясь к выходу, обронил в приказном тоне:

– Информация упадет на электронный ящик в Интернете.

Справедливый проводил его ничего не выражающим взглядом и снова стал смотреть в окно.

4

Вернувшись из Москвы и войдя в кабинет после долгого отсутствия, Вера Сергеевна впервые за все время почувствовала себя не в своей тарелке. И даже заботливая секретарша Клавдия Васильевна с ее доскональным отчетом, крепким кофе и экстрасенсорной сверхпредупредительностью не вернули ее в знакомую колею. Почти пропуская мимо ушей щебетанье секретарши, Вера задумчиво смотрела в окно, пытаясь определить, что же она здесь делает? Что делала все эти годы? Была ли жизнь, которую она считала своей жизнью, действительно ее жизнью? Жизнь Веры Зарайской? Или это было неукоснительным выполнением неписаных норм и правил, которые следует считать обстоятельствами и событиями жизни? Для чего была эта стремительная и беспощадная гонка за прибылью? Для того чтобы оставаться на какой-то из ступеней социальной лестницы и пользоваться обретенным комфортом? Но комфорт этот теряется и размазывается в бесконечной суете, ворохе входящих-исходящих бумаг, трезвоне-пиликанье телефонов, нервотрепке с налоговыми органами, штурмах тендерных комиссий, подку-

пе чиновников, в мелких и крупных подлостях недобросовестных партнеров и конкурентов, а главное – в какой-то особенно беспросветной тупости этого общественного устройства, когда даже его самые рьяные апологеты не знают, чего ждать от завтрашнего дня. Нет, частная собственность – это вовсе не плохо, если только человек не становится личной собственностью своей частной собственности. Вера знала – современному бизнесмену нельзя ни о чем таком думать, во всяком случае, долго, иначе он перестанет им быть. Просто выпадет из системы. «Бессмысленность любого накопления», – вспомнилась философская тирада Павла. «В моем случае – бессмысленность вдвойне, нет детей, оставить некому». Вера глубоко вздохнула и, наконец, заметила, что Клавдия Васильевна замолчала и смотрит на нее настороженно-вопросительно.

– Что-то случилось, Вера Сергеевна?

– Это было давно, я просто вспомнила, – растерянно улыбнулась Вера. – Вот что, Клавдия Васильевна, пусть главбух и экономист подготовят мне отчет за первый квартал, даже в сыром виде, и соедините меня с президентом Ханты-Мансийского банка. Скажете, Зарайская по личному вопросу.

– Ясно.

Когда Клавдия Васильевна была уже на пороге, Вера остановила ее неожиданным вопросом:

– Клавдия Васильевна, если б вам пришлось выбирать: любовь или деньги, что бы вы выбрали?

Секретарша замерла, не в силах осознать его серьезность и глубину, а главное – его своевременность. Но постепенно легкий испуг на ее лице сменился грустью.

– Вера Сергеевна, мне проще, у меня ни того, ни другого никогда не было, – напомнила она. – Но если б выбор был, я, конечно же, выбрала бы любовь. Может, это и неправильно просто потому, что я не ощущала веса денег, но когда тебе далеко за сорок, а ты одна... Вам-то, Верочка Сергеевна, грех жаловаться, с вашими внешними данными вы мужиков можете поротно строить.

– Мне не надо поротно, мне, как и всем нормальным бабам, надо одного, настоящего и любящего, – призналась ей в ответ Вера. – Богатые тоже плачут, Клавдия Васильевна, хоть это и банально. А я богатой стала благодаря двум свидетельствам:

свидетельству о браке и свидетельству о смерти. Какой-нибудь дурочке, ахающей над гламурными журналами, моя судьба покажется счастливым лотерейным билетом. А мне... Мне кажется, я потеряла все в обмен на бизнес...

– Вы изменились за эти дни. Очень заметно.

– Нет, Клавдия Васильевна, я просто вспомнила, какой я была. Может быть, какая я есть.

– Я тебе скажу, какая ты есть! – в кабинет без приглашения, бесцеремонно потеснив Клавдию Васильевну, ввалилась Лена Солянова.

Вера только покачала головой.

– Ты даже не пригласила меня на похороны! – продолжала атаку подруга.

– Похороны – не свадьба, чтобы на них приглашать. Могла и сама прилететь.

– Да я вчера только узнала! Хромову дозвонилась. Твой-то мобильник молчит. Как он умер? Что произошло?

– Да никто толком не знает. Сердечный приступ в подъезде...

– По его сердцу можно было куранты сверять... А ты, подруга, и на свадьбу не при-

гласишь. Я ей, понимаешь, мужика нашла, а она теперь меня по боку!

– Лена, кончай трындеть... Я еще сама ничего не знаю.

– Я же тебе не просто мужика нашла, человека! – со значением подчеркнула Солянова.

– Век не забуду, – отмахнулась Зарайская.

– Ладно, Вер, ну скажи, что у вас складывается?

– Ничего. Он пишет, я вот тоже на работу вышла. Правда, такое ощущение, что не на свою. Плюс к тому – охота на Хромова, какая-то несуразная, нелепая смерть Михаила Ивановича, странный запой Словцова...

– Он все-таки алкоголик! Витя так и сказал мне: если мужик не пьет, значит, алкаш. Но это не значит, что плохой мужик.

– Да запой странный, он также резко остановился, как и начал. Я даже не заметила, пил ли он на поминках, а теперь снова отказывается, нос воротит, будто не пил никогда.

– Вера, а самое-то главное!? Ну?

– Лена, у тебя что самое главное? Стихи он читает, устраивает?

– Круто! До, во время или после?

– Вместо!

– Зарайская, ты меня не дразни! Я про любовь, а ты мне про фигаологию. Скажи просто, тебе с ним хорошо?

– Да, мне с ним хорошо. Довольна?

– Ладно, Лен, а теперь сосредоточься и ответь мне, как подруга, только очень серьезно. Без ерничанья твоего вечного.

– Ну? – максимально настроилась Лена.

– Я хочу все бросить, весь этот холдинг опостылевший, всю эту возню вокруг бесконечного деланья денег: товар – деньги – товар, штрих...

– И что? В шалаш?

– Ну не совсем, но куда-нибудь, где потише и поскромнее... Понимаешь, я точно знаю, мне все равно придется выбирать, либо деньги, либо он.

– А ты уверена, что он – это навсегда?

– Сейчас это не имеет значения. Дело в том, что после встречи с Павлом поменялось что-то внутри меня. Как если б у планеты в одночасье поменялись полюса...

– Верка – ты больна!

– Согласна. Если любовь можно считать формой заболевания. Лен, я полюбила, может, в первый раз в жизни.

– А он – во второй? – с сомнением сказала Солянова.

– Да пойми ты, это неважно! Я люблю – и этого достаточно.

Лена смотрела на подругу с тревогой и восхищением.

– Вер, вот даже сейчас я тебе завидую! Вижу, соберись твой Словцов завтра на Марс, ты напрочишься с ним. А я с Соляновым даже на кукурузнике не полетела.

– Ну, это потому, что тебе полеты в это время были противопоказаны, – улыбнулась Вера.

– Точно, я даже на соленые огурцы смотреть не могла...

– Вера Сергеевна, Дмитрий Александрович на линии! – сообщил селектор голосом Клавдии Васильевны.

Вера рванула телефонную трубку к уху, взглядом давая Елене понять: не мешай, молчи.

– Слушаю тебя, Вера Сергеевна? – мягким баритоном пропела трубка.

– Здравствуй, Дима, как твои дела?

– Великолепно, спасибо. Пока еще не у прокурора. У тебя как?

– По-разному... Найдешь для меня полчаса?

– Для тебя – хоть вечность. Давай завтра, часиков в одиннадцать, устроит?

– Устроит. Спасибо.

– Да не за что. Жду тебя.

– До свидания.

– Ага. До свидания.

Вера положила трубку и долго смотрела на нее, словно таким образом можно было передать мысли, или, наоборот, заранее считать ответ на интересующий вопрос.

– Вер, по тебе вижу, что ты что-то задумала.

– А ты не видишь, пожалуйста, живи, как обычно, очень тебя прошу. Это важно, Лен. Ладно?

– Вер, да я ради тебя могу год с дурацкой улыбкой на лице ходить!

– Вот и походи пару недель, хорошо?

– Хорошо. Но если вздумаешь слить свой холдинг, меня не бросай?

– Лен, о чем ты?

5

Иногда все хочется остановить. Именно остановить. Начать, наверное, нужно с плане-

ты. Зачем она так безотчетно крутится? День-ночь, день-ночь, месяц-год, жизнь-смерть... И где тот Фауст, который должен прокричать: остановись мгновение, ты прекрасно!?

Когда Павел садился писать, неожиданный восторг творчества мог резко смениться необъяснимым раздражением на все. Даже на вращение Земли. Но сейчас он хотел остановить время не столько из-за пробуксовки сюжетных линий романа, сколько из-за неопределенности в своей жизни. Он спускался вниз, садился перед плазменным экраном телевизора и смотрел, как наступает Апокалипсис. Земля и без Словцова вращалась как-то не так. В Европе уже в конце марта стояла аномальная жара, то тут, то там происходили наводнения, по всему свету просыпались вулканы, на побережья обрушивались цунами, по Америке очередью шли торнадо. И все сюжеты о природных катаклизмах тут же сменялись бреднями об экономическом развитии, удвоении ВВП, расширении ВТО, саммитах «Большой восьмерки», расширении ЕЭС и НАТО на Восток... Словом, прогресс не замечал своих убийственных шагов по планете.

Лиза присела рядом на диван и так же обреченно посмотрела на экран.

– Конец Света? – спросила она, читая его состояние.

– Похоже, – отвечал Павел.

– Вот наступит Конец Света, а у меня так и не было счастья. Я одна. Скажи мне, Павел Сергеевич, в чем такая разница между мной и Верой?

– Лиза, ты прекрасна, как безупречная конфетка. И тебя хочется съесть всю и сразу. А Вера? Когда находишься рядом с Верой, конфеток не хочется. А хочется просто быть рядом с ней.

– И как стать такой, как она? Что еще нужно? Изнутри светиться?

– Не знаю, это внутреннее. Чисто женское. Метафизика. Исследованию и объяснению не поддается. Лиза, не бери в голову. Все у тебя будет. Просто ты всю жизнь охотилась за богатыми принцами, а богатые принцами последнее время не бывают. Так, торгаши, бандиты, аферисты... Чего ж ты от них хочешь? Ведь ты бы не пошла замуж за нищего студента, который сочинял бы тебе стихи?

– Теперь? Теперь пошла бы...

Вечером Вера застала Павла в заторможенном состоянии над ворохом бумаг. Часть из них была беспощадно изорвана на клочки,

экран ноутбука дремал, находясь в спящем режиме. Павел был где-то глубоко внутри себя, но явление Веры мгновенно вернуло его на поверхность.

– Я сегодня крутил со всех сторон сюжет. Не стал бы тебе говорить, но ты уже начала читать, нарушив определенные правила. Это как к беременной приставать с УЗИ: дай посмотреть...

– Па, ты же сам разрешил?

– Да нет, милая, я не в претензии. Просто, сведя концы с концами, увязав все, я вдруг пришел к неожиданному выводу. Тебя он может шокировать. Но если писать роман или снимать фильм, то сюжет может в этом случае повернуться только так и никак иначе. Это как чутье. Впрочем, ты фаталистка, тебе и без меня это понятно. Хороший читатель всегда знает, чем кончится плохой детектив. Я сегодня написал концовку романа, опустив промежуточные главы. Просто вдруг повеяло какой-то непреодолимой сентиментальностью, я написал концовку и понял, что такой она не будет никогда, потому что не может быть...

Павел умолк. Вера стала читать. «...Пляж небольшого городка. Солнце гасло, медленно погружаясь в морскую гладь горизонта, и розо-

вые всполохи на небе писали обещание завтрашнего дня. Они стояли на опустевшем берегу в обнимку, провожая солнце. За их спинами тихо шумел листвой искалеченный людьми рай. Они ничего не ждали, потому что у них было все. В недалекой церквушке ударил колокол, созывая прихожан на вечернюю службу...»

– Что тебе здесь не нравится? – спросила Вера, с недоумением отрываясь от текста.

– Слащаво. Как в женском любовном романе.

– Не знаю, я таких не читала...

– Дело не только в этом. Сейчас я тебе задам вопрос, который тебя может шокировать, но постарайся... Даже не знаю...

– Какой вопрос?

– Какое место в твоей жизни будет занимать купленный по объявлению, как крепостной, Павел Слобцов, если окажется, что Георгий Зарайский жив?

Вера действительно оторопела. Она с испугом пыталась постигнуть суть вопроса.

– Паш, ты отдаешь себе отчет?

– Нет, себе нет, я отдаю его тебе. – Он достал из-под вороха листов фотографию в рамке. – Извини, что похозяйничал в твоей спальне. Это он?

– Он.

– Тогда мистический фатализм складывающегося сюжета заключается в том, что этого человека я видел в свой первый день в Ханты-Мансийске в компании буровика Егорыча. Правда, говорил он исключительно на английском языке. Как две капли воды... Только нынешняя «капля» немного состарилась...

– Павел, это просто какое-то совпадение, бывают же похожие люди. – Вера не могла выйти из заторможенного состояния.

– Бывают. Но если принять мою версию, то станет понятно, кто и почему стрелял в Хромова. Я из-за тебя тоже взялся бы за оружие. Самое смешное, что пуля, отправленная Хромову, в сущности, попала по назначению. – Он потер место ранения на плече. – Мою версию может подтвердить только моя смерть, – невесело закончил Павел.

– У тебя богатое воображение... Но я видела своими глазами, как он, именно он садился в машину, я видела, что от нее осталось... От всех от них. Павел, этого не может быть.

– Напротив, все невероятное в какой-то момент легко становится объяснимым.

– Прошло восемь лет!

– Которые нужны были ему, чтобы вжиться в лицо другого человека. Привыкнуть к новому имени. В конце концов, стать гражданином другого государства...

– Если это возможно... Если это правда... А я мстила... Я мстила, Павел... Что теперь делать? – Вера опустилась на кровать, закрыв лицо ладонями.

– Ждать. Он придет. Обязательно придет. Он вернется из-за тебя. Но, скорее всего, вернется, когда не будет меня.

Вера машинально подняла с пола еще один обрывок романа, прочитала одну из строчек и вдруг холодно, почти зло возмутилась.

– Почему вы, писатели, так склонны к трагедии! Кому нужны ваши плохие концовки? Что? В жизни все так плохо?! Вас что, всех обидели в детстве? Вот Пушкин, не мог что ли закончить «Евгения Онегина» счастливой любовью?

– Это не тот пример, – тихо возразил Словцов, – Татьяна действительно не могла перешагнуть нравы того времени.

– Ну а вам-то, современным инженерам человеческих душ, кроме Ромео и Джульетты, ничего на ум не приходит?

– Я потому и порвал, что мне не нравится. Слащавого киселя не хочется, но и болотная тина надоела.

– Надо же, – не могла успокоиться Вера и прочитала фразу: – «Пуля вошла в его сердце со стороны спины, а из ее сердца вышла там, где грудь расходится буквой "л"». Ну, надо же.

– Да я вообще не мог... Хреново у меня с этой анатомией. Он ее со спины обнимал, они на море смотрели... Одной пулей – обоих... Хоть и драма, но все равно кисель... «Мыльная опера»! Вот и порвал. Зачем читаешь?

– Ты их лучше отрави, меньше анатомии будет. Буква «л»... Филолог-патологоанатом!

Вера вдруг успокоилась и погрузилась в какие-то свои мысли. Павел тоже умолк, собирая и комкая разорванные листы.

– А сцена у моря мне понравилась... А ты – пулю... – снова заговорила Вера, но уже спокойно. – Если б Зарайский был жив, в меня он стрелять бы не стал. Я почему-то уверена.

– Нельзя отождествлять автора и лирического героя. Там – не мы, – кивнул Павел на скомканный ворох бумаг.

– Там – немы... – соединила слоги Вера, придавая иной смысл, – они не могут возразить своему творцу, а мы? Нас Он пишет? Или

мы уже написаны? И как ни дрыгайся, точка уже стоит? Ты, Павел, моделируешь ситуации своих героев. Говоришь, нельзя отождествлять. Я не отождествляю, я подразумеваю. И ты подразумевал...

– Сотни писателей стоят перед стеной сюжета, как перед Стеной плача. А мне... Не воспользоваться таким подарком? Но наш собственный сюжет сейчас зависит только от одного человека – от тебя. Твое единственное слово – и я исчезаю из твоей жизни раз и навсегда, как бы больно мне ни было. А ты возвращаешься к покойному, но законному мужу.

– Ты хоть слышишь, что ты говоришь? – устало спросила Вера.

– Слышу и даже отдаю себе отчет.

– Знаешь, я хотела уехать. С тобой. Хоть на край света. Жить тихо и скромно. Я полагала, что мы оба занимаем сейчас не свое место. Уж я – точно. И я хотела подыскать нам свободное место под солнцем. Посмотри на меня: ну какая я бизнес-леди? Я просто смогла перепрыгнуть саму себя, чтобы занять не соответствующую себе нишу. Думая, что удерживаюсь где-то наверху социума, в действительности я пребывала на дне.

– Над не...

– Не смешно. Твое появление заставило меня остановиться. Еще немного – и я превратилась бы в загнанную лошадь. Я смогла оглядеться по сторонам и вдруг поняла, что почти весь наш народ похож сейчас именно на табун. Табун, который несется неведомо куда, главное – чтобы травка была под копытами. И каждого в отдельности занимает только один вопрос – что он будет иметь завтра. Не в вечности, а завтра. Когда ты вошел в мой кабинет, ты мне показался инопланетянином. В твоих глазах не было этой всепоедающей суеты! Ты, говоря образно, сидел где-то на холме и смотрел, как внизу проносится табун, в глазах твоих была ирония, потому что ты знал, впереди – пропасть.

– Так масштабно я не мыслил, – признался Павел.

– Но чувствовал!

– Да, что-то такое было.

– И глядя на тебя, я вдруг подумала: вот человек, который может утром выйти из дома и увидеть небо! Остановиться на крыльце и увидеть! Другие в это время уже будут нестись ради обманчивого шелеста купюр, которых никогда не бывает столько, сколько нужно для счастья. Потому что счастье не в деньгах и не

в их количестве. Я... – Вера осеклась, утратив напор мысли. – Я не знаю, что такое счастье.

– А я однажды задумался: а был ли счастлив на этой Земле Сам Бог? Был ли счастлив на этой Земле Христос? Произнесено ли хоть раз в четырех Евангелиях слово «счастье»? Прости меня, Господи, что мерой своей вторгаюсь в Промысл Твой... И все же... В Библии «счастье» – это одно из самых редких слов! В ветхозаветной Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова, я прочел следующее: «Во дни счастья бывает забвение о несчастье, и во дни несчастья не вспомнится о счастье» А в неканонической книге Иудифи сказано: «И доколе не согрешили пред Богом своим, счастье было с ними, потому что с ними Бог, ненавидящий неправду». – Павел примолк, чтоб Вера поняла, о каких высотах он говорит. – «Счастье» – от словосочетания «сей час». То есть – только временно! На сей час можно быть счастливым, но уже через минуту все может быть по-другому. Поэтому гнаться за счастьем – то же самое, что гнаться за материальным достатком, о котором ты говорила.

– И что остается?

– Остается – любовь. При этом никто ею не обделен. Поэтому и есть понятие «несчаст-

ная любовь». К ней чаще всего относят любовь неразделенную. Но ведь есть еще любовь к детям, к родителям, к родному дому, или, как говорил классик: к «отеческим гробам»... И опять же: любовь ко всему человечеству, выраженная любовью Христа.

– Па, – Вера вдруг взяла его руки в свои, останавливая его философский поток, – а можно мне мою маленькую любовь к тебе? Можно?

– В притчах Соломона сказано: «Кто изгоняет добрую жену, тот изгоняет счастье...» – ответил Павел.

– Мне сейчас кажется, что до этого времени я не знала, что это такое... любовь.

– А Зарайский?

– Это было что-то другое. Какое-то удобное совместное существование, которое на тот момент меня устраивало. Устраивало, потому что Георгий умел так все обставить. А твоя Маша?

Павел, ни секунды не задумываясь, ответил:

– Я любил Машу. Я уже говорил тебе об этом. Любил безмерно. И, видимо, переборщил. Честное слово, даже в этом нужна мера. А Маша? Маша посчитала безмерную любовь

слабостью. Этаким не свойственным настоящему мужчине чувством. И постепенно начала его отторгать, доведя этот процесс до полного запрета.

– Глупая... – не выдержала Вера.

– Загадка женской логики как раз в том, – улыбнулся Павел, – что двух одинаковых женских логик не бывает. Но про себя я могу сказать еще круче. Большинство людей, подводя итог какому-либо этапу своей жизни, говорят: я сделал то-то и то-то, добился того-то, короче, я не зря коптил это небо. А я сегодня твердо могу сказать: я неправильно прожил свою жизнь от начала до сегодняшнего дня. Наверное, лучшим уделом для меня был бы монастырь, но когда я родился, рассказывали не о Христе, а о Ленине.

– Выходит, я тоже одна из твоих ошибок? – насторожилась Вера.

– Нет, ты одна из моих находок. Когда я шел на встречу с тобой, я играл случаям, в итоге – случай сыграл мной. Если я говорю, что прожил жизнь неправильно, – а это, поверь мне, нелегко говорить, а еще сложнее осознавать, – то имею в виду только себя. Но это вовсе не значит, что в моей жизни не было ничего радостного и светлого. Это значит, что я

чаще принимал неправильные решения, выбирая пути и поступки, в том числе, отношение к тем дарам, которые давал мне Господь.

Какое-то время они молчали. Теперь уже Павел взял руки Веры в свои, чтобы приложить к своим губам.

– Счастье – это сейчас, – тихо повторил Павел в ее ладони, – сейчас я счастлив. Помнишь, мы как-то говорили о бессмысленности любого накопления?

– Помню, конечно.

– Знаешь, кто первым натолкнул меня на мысль об этом?

– ???

– Федя из четвертого класса...

– ???

– Один из моих студентов принес мне распечатку с интересного сайта «Дети пишут Богу». Когда я читал, то изумлялся детской мудрости, смеялся над несуразностями и нелепостями, над наивностью, но, в целом, был потрясен. И понял, что не всякий взрослый ответит на их вопросы. Так вот, Федя из четвертого класса написал Богу следующее: «Ну вот, смотри, мы учимся, учимся, а зачем нам так страдать, если мы все равно умрем и знания наши пропадут?».

– Действительно – удивительно. Устами ребенка глаголет истина? Знания пропадут... А любовь? Любовь останется?

– Я чувствую, что любовь должна сохраняться вне времени и пространства. Но только одна, если мы говорим о любви мужчины и женщины. Та, самая главная в жизни человека. А какая из них главная, определит только смерть. Может статься, что все окажется самообманом или банальным прелюбодеянием с точки зрения высшей справедливости. Ведь восстанем же мы в День Страшного Суда в новом теле. Все: и живые и мертвые...

– Словцов, я еще живая, – устало сказала Вера, – и я хочу совсем немного. Особенно сейчас.

– ???

– Может, тебе это покажется смешным, но сейчас я хочу, чтобы меня унесли в мою спальню, уложили на кровать, укрыли пледом... А я свернусь калачиком и постараюсь забыть обо всем, обо всем. Зарайский, кстати, не знаю почему, никогда не носил меня на руках.

– Я попробую...

6

Утром следующего дня, придя в офис, Вера первым делом вызвала к себе Астахова. Разговор предстоял сложный, и она попросила Клавдию Васильевну принести кофе и не беспокоить их. Андрей Михайлович показался ей уставшим, как будто в чем-то разочарованным. Они сели в кресла у маленького столика, Вера предложила коньяк, но Астахов отказался.

– Михалыч, – начала тогда Вера, – возможно, то, что я сейчас скажу, покажется тебе бредом...

Вера остановилась, Астахов терпеливо ждал. В какой-то мере Вера в этот момент собиралась вручить Андрею Михайловичу свою судьбу. Она еще раз взвесила все, и поняла, что за восемь лет начальник охраны показал себя как безупречный работник, даже больше – как настоящий друг. Она обязательно советовалась с ним не только в вопросах безопасности, но и в отношении заключения сомнительных договоров. Теперь же ставка была много выше.

– Михалыч, что бы ты сказал, если б Георгий оказался жив?

Лицо Астахова оставалось усталым, ничего не выражающим. Он вздохнул и потянулся к чашке кофе.

– Я привык в этой жизни ничему не удивляться. Какие новости, Вера Сергеевна?

– Никаких. В том-то и дело, что никаких. Слобцов утверждает, что видел Зарайского и не где-нибудь, а здесь, в городе. Подозревает, что видел его и на кладбище в Москве, когда хоронили Михаила Ивановича. Во всяком случае, очень похожего человека. Очень... Он целую теорию придумал по этому поводу. В таком случае, и появление Справедливого получает совсем другое объяснение. Писательское чутье или больное воображение? Что скажешь?

– Будем проверять. Если он видел кого-то очень похожего здесь, значит, его можно найти и высветить...

– Меня волнует другое, Михалыч, – остановила служебное рвение Вера, – если вдруг это окажется... Если он жив, хотя мы с тобой оба видели, что осталось от джипа... Я из окна видела, как он садился в машину...

– А меня в то утро зачем-то попросил догнать его уже на трассе... – теперь уже с подозрением вспоминал начальник охраны. – Вообще, я бы сначала подозревал Слобцо-

ва, подумал бы, что он преследует какую-то собственную цель, но у меня тоже есть профессиональная интуиция. И она мне даже не подсказывает, она мне кричит: этот парень – типичный «ботаник»! Его главное отличие от нас в том, что он не от мира сего.

– Андрей Михалыч, тебя с Георгием связывает много большее, чем со мной, – наконец заговорила о главном Вера, – и если... Что мне ждать? Я уже не та, что была восемь лет назад. В общем, сейчас я даже не хочу его возвращения. Все уже выплакано, все бурьяном поросло...

– И появился Словцов, – закончил мысль Астахов, даже если Вера не хотела об этом говорить.

– И появился Павел.

– Меня с Георгием Михайловичем связывали честные трудовые отношения. С его отцом – да, там большее. Но мои трудовые отношения прекратились, когда я застал на дороге обгорелый остов джипа. А если он жив, даже раньше: когда он перестал доверять мне, – заметил Астахов.

– Каким образом он мог остаться жив?

– Самым простым. Посадить в машину кого-то вместо себя. Кого-то очень похожего.

Старый, как этот мир, прием. Мы же не проводили никаких экспертиз.

– Но утром я сама закрыла за ним дверь! Хотела поехать с ним, но в последний момент передумала.

– Бог отвел.

– Да нет, он сказал, что сейчас я ему буду только мешать.

Они замолчали, каждый по-своему вспоминая то роковое утро. Вера так и не услышала ответ на свой главный вопрос. Но Астахов ее опередил.

– Вера Сергеевна, как бы там ни было, я на твоей стороне. Я умею ценить доверие, и я помню, откуда у меня есть все, что у меня есть. Мне начать отрабатывать версию Словцова?

– Спасибо, Михалыч, – облегченно вздохнула Вера, – у меня есть еще некоторые планы, ими я поделюсь позже. И вообще... поделюсь. Как там в Библии? Легче верблюду пройти в игольное ушко, чем богатому в рай? Надо у Зарайского спросить, где он восемь лет был. А как со Справедливым?

– Вот здесь расклад непредсказуемый, как и сам Справедливый. Одно знаю точно, он в долгу у Георгия. А мы – у него... Мне надо подумать. Очень хорошо надо подумать.

– Ты выглядишь усталым.

– Да, признаю. Бывают такие моменты, когда просто жить устаешь.

– Тогда мы в этом совпадаем. Пора на пенсию.

Астахов впервые за весь разговор улыбнулся и, посчитав, что тема исчерпана, встал и направился к двери. На пороге он остановился и вдруг спросил:

– Вера Сергеевна, вы чувствуете себя Джульеттой?

– О чем ты?

– О сюжете, – и шагнул за порог.

– Тут Отелло из гроба встает, а он о Джульетте, – пробормотала вслед Вера.

Без двадцати одиннадцать Вера отправилась в Ханты-Мансийский банк на встречу с его президентом Дмитрием Мизгулиным. Здание банка на улице Мира было не только одним из самых красивых, но, пожалуй, самым солидным. Со стороны оно напоминало рубку океанского лайнера или авианосца. Скорее – авианосца, а улица выглядела его взлетной полосой.

Дмитрий Александрович встретил ее с распростертыми объятьями на пороге кабинета. Крупный, подчеркнуто добродуш-

ный (мягким баритоном: «Верочка, сто лет не виделись»), он вселял утраченную вчера уверенность. Он вообще был похож на человека, которому без опасения можно доверить не только деньги, но и секреты. Во всяком случае, за годы делового общения она ни разу в нем не усомнилась. Усадил ее не в кабинете, а на просторной веранде – крытом тонированным стеклом балконе, с которого открывался неплохой вид на «взлетную полосу» улицы Мира. В центре стоял небольшой столик, сервированный для чайной церемонии.

– Как дела? Как жизнь? Кофе, чай?

– И коньяк тоже!

– Вот как! Отлично! В середине дня согрешить можно, если с красивой женщиной. Ты стала еще прекраснее со времени нашей последней встречи. Вера, если красота спасет мир, то непременно твоя.

– Дима, – отмахнулась от комплиментов Вера, – если мир и спасет красота, то явно не моя.

– Это сейчас была философия или поэзия? Вер, я слышал, ты стала проявлять интерес к поэзии? – игриво улыбнулся Мизгулин. – Извини, если это тайна, город маленький...

– Уже не тайна, – вздохнула Вера, – но я по другому поводу.

– Я знаю стихи Паши Словцова. Мы с ним вместе учились в Москве в Литинституте.

– А он, кстати, когда узнал, что я иду к тебе, просил передать привет, – сообщила Вера.

– Спасибо. Эх! Когда ж это было?! – на секунду предался он воспоминаниям. – Каким ветром его сюда занесло?

– Можешь не верить, но по объявлению в газете. Вот уж не думала, что ты, Дим, находишь время для поэзии.

– Ну, так всем кажется, – обезоруживающе улыбнулся Дмитрий Александрович, – вот живем рядом, дела вершим большие и малые, а ничего друг о друге не знаем.

Он вдруг встал и направился в кабинет, вернулся через пару минут, держа в руках две книги.

– Вот, Вер, это тебе. И ему. На память. Передашь от меня привет. Это последнее, что у меня вышло. Бросишь на полку, – небрежно кивнул он на книги, – что у тебя стряслось-то?

– Спасибо, – Вера только мельком взглянула на обложки. – Дим, ты единственный, к кому я могу обратиться.

– О! Это мне льстит! Если я единственный, к кому может обратиться красивая умная женщина. И не бедная! Это значит, у меня самого все в порядке!

– Спасибо за все комплименты оптом. – Вера собралась с мыслями. – Сразу скажу, что не собираюсь делать ничего противозаконного. Чтобы тебе было понятней, сделаю такую оговорку: все надоело, хочу отдохнуть, хочу поменять многое в своей жизни. В общем... – она снова задумалась, подбирая правильные слова, – часть активов мне хотелось бы оставить в личном пользовании... Как заработанный пенсионный фонд. Ну а часть пусть остается в бизнесе. Холдинг продолжает функционировать. Но моя часть должна уйти вместе со мной...

Дмитрий Александрович изучающе посмотрел на Веру.

– Ты знаешь, это не совсем то, чем я занимаюсь... – Еще раз прицелился взглядом, но потом заговорил спокойно и так же уверенно: – Но твоему «горю» помочь можно. Как раз недавно я встречался в Москве со своим старым другом, который мог бы тебе оказать ряд услуг. Сейчас, посмотрю координаты.

Он вышел с веранды, порылся в визитницах на рабочем столе, нашел нужную и с ней вернулся.

– Вот тот, кто тебе нужен. Можешь рассказать ему все, как доктору, потому как в нашем деле главное – точный диагноз.

– В сущности, Дим, никакого криминала, я просто не хочу, чтобы меня потом по этому следу нашли. И враги... И друзья...

– Вера, для нас желание клиента – закон. Особенно, если оно не противоречит этому самому закону. А холдинг? Или мой вопрос неуместен?

– Ему найдется хозяин...– Вера на секунду задумалась... – я потом дам распоряжения. Дима, я правда могу на тебя рассчитывать?

– Всегда! Давай еще по рюмочке, а то твой угнетенно-грустный вид заставляет меня думать о том, что в жизни произошло что-то непоправимое. Вера, улыбнись ты, все будет хорошо!

– Мне бы твой оптимизм и энергию, – действительно улыбнулась Вера.

*«Лучше сердце обрадовать чашей вина,
Чем скорбеть и бывлые хвалить времена,
Трезвый ум налагает на душу оковы:
Опьянев, разрывает оковы она»,*

– процитировал Дмитрий Александрович, разливая коньяк, и добавил: – Хайям.

– В последний раз мне читал Хайяма абсолютно пьяный Словцов. До этого он лечил его виршами двух юных гурий.

– Человек, который цитирует Хайяма – не алкоголик, а сознательный пьяница, имеющий в своем пристрастии философскую основу. Контакты у тебя есть, можешь расслабиться.

Вера продолжала в задумчивости крутить между пальцев полученную визитку.

– Не переживай, – уловил ее сомнение Дмитрий Александрович. – Конечный результат я проконтролирую. Если тебя это, конечно, успокоит.

– Успокоит.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Справедливого Джордж Истмен решил оставить на возможный «десерт». Сделать заключительный выстрел никогда не поздно. Главное было напомнить ему, кто его вытащил сначала из кавказской мясорубки, а затем из рук военной прокуратуры, которая внесла его в список «козлов отпуска», вкупе с еще несколькими офицерами, которых судили якобы за убийство мирных жителей. Андрей Буянов, прозванный в крайне узких столичных кругах «Справедливым», сделанное ему добро помнил, как присягу. Но для нынешней работы нужен был совсем другой человек. Таким был ближайший помощник и почти друг мистера Истмена Колин Уайт – бывший сотрудник

«Ми-б», великий мастер интриги, ловкач, абсолютно беспринципный, способный выжить не только без воды в пустыне, но и без скафандра в космическом пространстве. Этот рыжий человек обладал, с одной стороны, внешностью английского джентльмена, с другой – повадками и манерами корсаров, которые, по всей видимости, были у него в роду. Именно поэтому он был Истмену «почти друг», ибо настоящим другом не мог быть никому. С тех пор, как его уволили за какой-то провал в Ираке (то ли не нашел оружие массового поражения, то ли не туда подбросил его элементы, отчего их вообще не нашли, то ли подбросил их там, где русская разведка нашла и захватила их раньше, чем туда явились представители ООН), он ненавидел чиновников правительства Ее Величества и всех русских оптом, за исключением одного – Джорджа Истмена, которого русским не считал, хотя в свое время сам делал ему документы. Колин Уайт гордился своим дальним родством с Верноном Келлом, который стоял у истоков Secret Intelligence Service и имел широкие связи в самых разных слоях общества и в самых разных концах света.

Для Истмена он выполнял всяческие щепетильные просьбы и, опять же, был у него

в долгу, как и его русский коллега Буянов. И еще с Джорджем его сближали особая целеустремленность, не стесняющаяся в средствах, а также циничное презрение к обществу, его призрачному гуманизму и демократической морали. Особо отличало Уайта умение на ходу изобретать ругательства на все случаи жизни.

– Джордж! Убрать человека – это так просто, что скучно. Вот если сделать так, чтобы он сам убрался, это уже достойно моей профессии. Но более всего мне непонятно, зачем тебе русская жена? Это что – мания? Я бы мог подстелить под тебя какую-нибудь леди из достойного англосаксонского рода. Они, конечно, никудашные домохозяйки, но такие любовницы...

– Колин, – отмахнулся Истмен, – есть необъяснимые, с прагматичной точки зрения, стремления.

– Только не говори мне про загадочную русскую душу. Знаю я. Это когда русский выпивает литр водки, а потом ему хочется одно из двух: либо весь мир уничтожить, либо весь мир обнять.

– Ты недалек от истины, но весьма упрощаешь. Широта русской души действительно не понятна европейцу, но русскому, который

хочет выжить в современном мире, она составляет больше проблем.

– Я все время забываю, что ты у нас в этом вопросе специалист, – криво ухмыльнулся Уайт.

– А я уже совсем забыл, – поставил точку Истмен. – Так какие у тебя предложения? Когда ты ехидно улыбаешься, значит, в голове у тебя уже есть уникальная подлость, Колин.

– Собственно, ничего особенного, сюжет позаимствован в дюжине «мыльных опер». Хочешь уничтожить соперника – дискредитируй его. Банально, но срабатывает надежно, как яд кураре, который не берет только индейцев яномами, живущих на берегу Амазонки. Сделаем из него банального альфонса-ловеласа. У меня еще остались запасы некоторых нужных препаратов.

– В доме охрана, не подобраться. И что ты ему, в глотку вливать будешь силой? В чай подсыплешь?

– Джордж, это уже дело техники. Не можешь дома, сделай в магазине. Мне кажется, сейчас в России можно купить все. Я же тебе показывал кадры, где русская армия продает оружие своим врагам!

– Как будто в Великобритании такого нет, – скривился Истмен, будто ему было обидно за Россию.

– Все верно. В этом вся гнилая прелесть свободы и демократии. Русские догоняют цивилизованный мир, но делают это так же неистово, как свои революции.

– Да хрен с ней, с цивилизацией, меня сейчас больше интересует мой частный вопрос. Кого ты планируешь подложить к нему в постель?

– В доме две женщины, – хитро улыбнулся Уайт, – а это всегда соперницы, даже если они сами об этом ничего не знают.

– Вторая, между прочим, тоже не пустое место, а мать моего ребенка!

– Джордж, тогда определись, на ком ты хочешь жениться! В конце концов, у тебя должны быть элементарные знания психологии, Тауэр в зад Фрейду! Разделяй и властвуй! Неужели ты не помнишь? Двух сразу не получится, а по одной – бери и пользуйся. Пусть они тебе друг на друга жалуются...

– Ну и сволочь ты, Колин, – улыбнулся Истмен.

– А то! Специально учился.

– Делай как знаешь. Надеюсь на твою профессиональную гнусность.

– Джордж, ты же знаешь, я, если надо, Папу Римского подставляю, – расплылся в ответной улыбке Уайт, но потом вдруг задумчиво прикусил губу: – Хотя... русские настолько непредсказуемы...

2

– Где ты был допоздна? – тревожно спросила Вера, когда усталый и задумчивый Словцов вошел в гостиную.

– Вспоминал свое ремесло, встречался со студентами. Можно и мне чаю? – попросил он у женщин, сидевших перед экраном телевизора.

Обе вскочили и ринулись на кухню. После двух-трех шагов остановились и внимательно посмотрели друг на друга с какой-то ироничной ревностью. Затем Вера с улыбкой села на место, а Лиза с видом победительницы направилась к плите. Павел, впрочем, почти не заметил этой мизансцены.

– Познакомился с руководителем местного отделения Союза писателей, – продол-

жил он, – маленький такой, сухой... Николай Иванович. Принял меня хорошо. Спросил, чего у нас там – «в Центрах». А я говорю – ничего. Умирает поэзия, или умирают ее. Я даже написал нечто типа рифмованного протеста:

*Поэзия не хочет умирать,
Хотя ее издатели хоронят,
И тикает, как Господа хронометр,
И пробует с рождения кричать.*

*В поэзию стреляли уж не раз,
Топили и подушкой душили,
Травили газами и ядом или
Дубиной колотили, рифмой масс*

*И гнали прочь с родимой стороны
Партийными проклятьями и матом,
Но всяк поэт рождается солдатом
И, как Кутузов, ждет своей зимы.*

– Хорошо, – оценила Вера.

– Ничего хорошего. Кому сейчас нужна поэзия? Студенты-филологи читать не хотят. Еле программу тянут. Телевизор заменил нам все. Поэт в России больше пьет, чем поэт, –

перефразировал Павел, потом задумался: – А Дом писателей в Ханты-Мансийске шикарный. Зал с камином для камерных встреч. О! А это что? – обратил внимание на книгу на столе.

– Стихи президента банка Дмитрия Мизгулина. Для тебя.

– Ну-ка, чем он теперь... промышляет...

Павел открыл сборник и начал вчитываться. В наступившей тишине Лиза принесла чай и бутерброды.

– Стихи. Настоящие. Традиционные. Чистые и проникновенные, – признал через несколько минут Словцов. – Удивительно. Вот и пример того, что нынче настоящего поэта просто не услышать. У него-то это откуда, если у него все так сложилось? – вгляделся Павел в строфы на очередной странице. – Хотя – откуда мне знать... Знаешь, Вер, если стихи написаны так, как это сделал бы ты сам, умеи это, значит, они – настоящие. – И он прочитал то, за которое зацепился взгляд:

«Этот вечер не тронут прогрессом.

Вдалеке от полуночных стран

Дым печной расстелился над лесом,

Заклубился над полем туман.

Что за участь дана человеку –
Вдалеке от вселенской тоски
Без печали к ушедшему веку
Память прошлого рвать на куски.

Кто мы, где мы, зачем и откуда?
Все бежим и бежим в никуда,
Ожидая пощады и чуда,
Мы без боя сдаем города.

Жизнь прошла ради денег и славы,
Слишком поздно смотреть на часы.
Уронили высокие травы
Изумрудные капли росы».

– Жизнь еще не прошла... Я, во всяком случае, на это надеюсь, – грустно улыбнулась Вера.

– Реально, – согласилась Лиза, – вы, поэты, тоску нагоняете.

– И поэтому в России принято в поэтов стрелять, – ухмыльнулся Павел.

– Тебя же не убили, – возразила Вера.

– Это потому, что я плохой поэт. Гениев сразу – наповал. Русская забава такая. Правда, в ней любят участвовать иностранцы. Приезжают, как на сафари. Русские дефки энд

стрельба по поэтам, – исковеркал акцентом последнюю фразу Словцов.

– Ну вот, опять чернуха, – скуksилась Лиза. – А ко мне сегодня иностранец клинья подбивал! Я в «Гостиный двор» за продуктами ездила, там он на меня и запал. Представляете, корзинку с продуктами за мной таскал!

– Так уж и иностранец? – усомнилась Вера.

– Стопудово! Я ведь не последняя сельская дуручка, акцента, кстати, у него почти нет. Едва-едва. Можно, скорее, за дефект речи принять. Манер тоже никаких, точнее – одна: пришел, увидел, захотел – возьму. Но не на ту напал. Я ему корзинку доверила, болтала, думала, он заплатит за меня. Ни фига! Англичанин или еврей, наверное.

– Еврей-то бы заплатил, – ухмыльнулся Павел, – скорее, англичанин.

– И как звали твоего ухажера, и куда он делся? – поинтересовалась Вера.

– Имя такое... «Острое»... Ну это я потом поняла, а сначала мне показалось, что он не представился, а назвался, чей он... Это... Колин! Во, Колин! Я еще переспросила: чей? Он говорит: ничей, сам по себе, и при этом странно так на меня покосился. Точно я у него тайны выве-

дываю. На кассе я ему время дала, притормозила, думаю, достанет сейчас свои фунты-мунты – портмоне или виза-гоулд, а он потолок взглядом чешет. Я расплатилась, в пакеты все загрузила – и на стоянку. Он меня до тачки проводил, все телефончик выпрашивал. Я ему: манеры, говорю, у вас на стадии формирования, вот когда сформируются, встретимся снова у кассы.

– А он? – в один голос спросили Павел и Вера.

– Раскланялся так чинно, почти по протоколу, заявил, мол, сожалеет, что такая красивая девушка, как я, являюсь неприступной крепостью и штурмом меня не взять, а на осаду у него нет времени. А я ему: белого флага у нас отродясь не было, а красный мы всей страной выбросили. А он: с вашей стороны остроумно, а со стороны страны – глупо и неосмотрительно, в нормальных странах меняют не флаги, а тех, кто их поднимает. На том и расстались.

– Упустила свое счастье, – с иронией констатировала Вера.

– Да какое счастье, – с презрением отмахнулась Вера, – думают, за бутылку «Мартини» и шуршанье «зелени» можно русскую женщину в постель затащить...

– Неужели нет?

– Ну, разве что дуру молодую, – вспомнила себя и не стала этого скрывать Лиза. – А сейчас мне, к примеру, ногой по холеной морде заехать хотелось. Я нутром чую, не любят они нас, боятся, а потому не любят.

– Не все, – заметил Павел, – а уж женщин наших они... ну, если не любят, то разницу со своими эмансипированными куклами чуют. Опять же, есть масса известных примеров, когда русская женщина становилась любимой женой миллионера, художника, поэта.

– Этот был явно – ни первое, ни второе, ни, тем более, третье. Так – клерк какой-то. Взгляд у него цепкий. Рыжий опять же. А у меня на рыжих аллергия.

– Главное, Лиза, на тебя по-прежнему западают, – подвела итог Вера.

– На меня западают, а за вас, Вера Сергеевна, под пули пойдут, – съязвила Лиза, покосившись на Слоцова.

– Пойдут, – задумчиво подтвердил Павел.

– Давайте чего-нибудь на дивиди глянем? По-семейному? – предложила Лиза.

– А почему нет? – согласилась Вера. – Сто лет ничего не смотрела.

– Я тут как раз пиратские новинки прикупила. Качество, может, и не очень, зато цена...

– Интересно, начнут ли выпускать пиратские книги? – озадачился Павел.

– Уже выпускают. Левые переводы. Мне предлагали участвовать в этом бизнесе, но я отказалась.

– Из чувства справедливости?

– Нет, из меркантильного чувства, прибыль ничтожная.

3

Утром следующего дня Вера собралась на работу, оставив Слоцова за компьютером, а Лизу на кухне.

– Постараюсь приехать на обед, – пообещала она Лизе.

– Ага, – язвительно подхватила Лиза, – а то вчерашний я скормила соседской собаке. Меня эта кавказская овчарка очень любит. Нравится ей моя кухня. Вчера подала ей тушеную говядину с овощами. Кавказский рецепт. Островато, конечно, но для нее это национальное блюдо. Так что лапу она мне уже дает...

– Павел вроде никуда не собирается, так что, даже если я не приеду, овчарке достанется меньше.

– Сегодня красная рыба под специальным соусом, который вчера купила. Рис или пюре?

– Спроси у Павла, ты же знаешь, к гарнирам я равнодушна.

Вера хлопнула входной дверью, а Лиза, весьма незлобно скривив ей губы вслед, передразнила:

– «Ты же знаешь, к гарнирам я равнодушна...» – постояла еще несколько секунд в задумчивости и крикнула наверх: – Поэт! Кофе будешь?!

– Буду, – отозвался Павел.

Кофе пили на кухне. Молча. Бывают такие моменты, когда хочется что-нибудь сказать, а вроде как говорить ничего и не нужно, поэтому возникает особая неудобная тишина, которая заставляет искать хоть какую-нибудь завалящую фразу для начала разговора. Наконец Лиза спросила:

– Будешь торчать у компьютера?

– Нет, хочу пройтись по городу.

– Можно же вызвать машину?

– Это не то. Город надо чувствовать...

Ногами.

– Не опаздывай к обеду хоть ты, – с какой-то извечной обидой попросила Лиза. – Я люблю готовить, но не для себя.

Минут через десять Павел вышел на крыльцо и с огромным удовольствием вдохнул свежий весенний воздух. Говорят, здесь не хватает кислорода. Точнее, приемлемый для организма O_2 на пятнадцать-двадцать процентов в северных широтах заменяет O_3 – озон. Подумав об этом, Словцов пожал плечами, пока что он ничего не чувствовал, кроме неспешного дыхания весны.

Сначала он шел без видимой цели, очнувшись уже на улице Мира, ощутив ее перспективу и простор. «На улице Мира о мире тревога», – вспомнилась песня из пионерского детства, но никакой тревоги на этой улице не было. Еще издалека, на подходе к ультрасовременному концертному залу «Югра-классик», который, как и здание Ханты-Мансийского банка, напоминал корабль, Павел увидел памятник Пушкину и Гончаровой. Он даже остановился от такой северной неожиданности, сразу вспомнил памятник на Арбате. Что-то их внутренне роднило.

– Доброе утро, дорогие мои, – поздоровался Словцов и двинулся дальше.

«Если в Ханты-Мансийске есть памятник Пушкину, не Пушкину даже, а великой любви – значит, не все еще потеряно», – подумал он. Пройдя мимо банка, перешел на другую сторону и остановился у дома-музея художника Игошева. «Если б художники жили в таких домах... – вздохнул он, – у писателей здесь хотя бы один на всех есть». Вспомнилась давняя мечта – домик у моря, где под шум прибоя рождаются бессмертные произведения. Если б кто-нибудь увидел в этот момент кривую и одновременно печальную ухмылку Словцова со стороны, то вряд ли бы понял ее значение. Так и получилось. Из музея вышел чиновного вида мужчина и скептически сходу заявил:

– Зачем, понимаете, такие музеи содержать за государственный счет?! Да и при жизни баловать не стоит. Художник и писатель должны быть голодными! Тогда они создают шедевры! Проверено временем.

– А лучше всего всех их в концлагеря, представляете, какая там производительность труда? – иронично поддержал Павел.

– Ну, это, знаете ли, сталинизм... Мы его пережили и осудили. Просто у вас был такой вид, точно вы порицаете расточительное содержание этого дома, и я с этим согласен.

– Да нет, я завидовал, но вы правы, лучше содержать казино или, на худой случай, ресторанчик... Прибыльнее. – Словцов повернулся и зашагал в другую сторону. В собеседниках он в этот день не нуждался. Но потом вдруг остановился и повернулся к мужчине, который неприязненно смотрел ему вслед.

– Кстати, это не Сталин придумал концлагеря, а Ленин и Троцкий. Иосифу Виссарионовичу ничего не оставалось, как отправить в них приверженцев того и другого. А вы, часом, не враг народа? – прищурившись, с наигранным подозрением спросил Павел.

– Псих какой-то, – буркнул мужчина и торопливо запрыгнул в припаркованную рядом иномарку.

Буквально на следующем перекрестке Словцов вышел на комплекс зданий Югорского университета, поразился его размаху и снова заулыбался, увидев скульптурную группу – Платона и Сократа в бронзовых туниках перед центральным входом. «И не зябко ребятам? – поразился их неуместности в общем пейзаже Павел. – Видимо, со своими философами здесь туго». Бронзовые греки о чем-то дискутировали. Их жестикация тоже что-то напоминала, застав-

ляя Словцова напрягать память: где он это видел? Потом вдруг осенило: Минин и Пожарский!

– Сунул грека кто-то в реку, больше раков нет в реке... – перефразировал Павел поговорку и повернулся к дороге, выбирая: пойти ему в гору, с которой, свернув налево, можно спуститься к Иртышу в Самарово, или, наоборот, брести вдоль по Чехова.

«Сократ с Платоном беседовали на Чехова», – с улыбкой подумал он. А от Чехова прыгнул мыслью на избитую тему «лишнего человека» в русской литературе. Вот он – идет, собственной персоной по улице Чехова, и может выйти на улицу Лермонтова, может вернуться к памятнику Пушкину, самый что ни на есть лишний, любовно выписанный всеми ими. Вспомнились горящие глаза первокурсников... И как они меняются к пятому курсу, у бедных этих, почти новоиспеченных филологов, которые начинают понимать, что они-то и есть лишние люди, и не в литературе ни в какой, а в этой самой жизни. Особенно сейчас, когда литература становится лишней. Бумага, несущая на себе водяные знаки и цифровой номинал, вытеснила бумагу, несущую на себе слово.

– Паш, ты там с этими на троих что ли соображал? – услышал Словцов со стороны дороги.

Из окна припаркованной к бордюру одиннадцатой «Лады» свесилась знакомая борода. Улыбающийся Егорыч, видимо, давно наблюдал за ним.

– Эти, – кивнул Павел на бронзовых философов, – меня с собой соображать не возьмут, хотя Сократ и не дурак был выпить. Просто у меня сообразительности не хватит.

– Ты по делу или по ветру? – покосившись на университет, спросил Егорыч.

– По ностальгии, – только что сам осознал Павел, – а вообще-то погулять вышел.

– Так, может, гульнем?

– Я думал, ты на крутом джипе разъезжаешь, – присмотрелся к невзрачному авто Словцов.

– А я и разъезжаю. У меня во дворе «Рэндж ровер» стоит. А эта? Я такие раз в полтора года меняю. Неприхотлива. Ест немного. Да и, в случае чего, не жалко. Иномарки мне так менять не по карману. Ну так что? Проедемся ко мне в гости? Хоть посмотришь, где я живу.

– Только ненадолго, мне потом на обед. Лиза обидится. Да, вроде, и Вера обещала приехать.

– Садись. Недолго, значит, недолго.

Проехали совсем немного по Чехова, свернули на Красноармейскую, а там – во дворы, где стояли типовые брусовые двухэтажки ленинградского проекта. Павел изумился еще больше.

– Я думал, ты в каком-нибудь коттедже обитаешь?

– Паш, я буровой мастер, а не владелец трубы. Зарплата у меня не маленькая, но я не миллионер. Да и нормальная квартира у меня в Тюмени. Там мама живет. Раньше жена и дети там жили.

– А сейчас?

– Сейчас они в теплых краях. Тут, понимаешь, честно говоря, моя ошибка. Я полагал, главное – обеспечить семью, оказалось, это второстепенное, главное – быть с семьей. В общем, пока я тут вкалывал, на Большой Земле один тип к моей благоверной клинья подбил. Хоть ей и за тридцать уже было, но выглядела она – йо-хо-хо...

– М-да... – многозначительно оценил историю Егорыча Павел.

Квартира оказалась самой обыкновенной – однокомнатная с небольшой кухонкой, если не считать обилия лосяных рогов, торчащих почти на каждой стене.

– А, это... Считай, сам себе наставил. Трофеи... Надо было на баб охотиться, а я на сохатых, – пояснил Егорыч.

Больше удивило Словцова другое: плотно заставленные книжные полки, которым была отведена целая стена. А ведь по веселому геологу не скажешь, что он начитан. На нижних полках пачками лежали подшивки толстых литературных журналов, отчего Павла охватил новый приступ ностальгии. Он наугад вытащил пожелтевший номер «Нашего Современника» за 1991 год. Печальный год предательства и распада Советской империи. Неожиданно пришло околонуточное озарение: для России годы, отмеченные двумя единицами, бывают опасны. 1812, 1917, 1941, 1991... 1801 – смерть Павла Первого... или 1132 – начало феодальной раздробленности и расцвета княжеских усобиц... 1581 – начало крепостного права... 1591 – убийство царевича Дмитрия в Угличе... 1881 – убийство Александра Второго... 1921 тоже, почти полный разгром белых армий... Да нет, не

выстраивается четкая схема: Батый пришел в 1237, а 1721 – победа в Северной войне, в 1961 – полет Гагарина... 1861 – отмена крепостного права... Не в единицах дело. Да и все ли так плохо? Ведь не зря попустил Господь развал Советской империи...

За этими размышлениями застал его Егорыч, который разогрел на кухне чай.

– Пойдем, оставь свои воспоминания в покое. Я там «Тянь-жень» заварил. Бодрит. Водки, коньяка не предлагаю, чую – откажешься.

– Откажусь.

Какое-то время говорили ни о чем. Егорыч посмеивался над положением Словцова, пытался любопытства ради выпытать, насколько далеко зашли их отношения с Зарайской. Павел отшучивался. Но в какой-то момент Егорыча осенило:

– Слушай, не желаю тебе ничего плохого, ничего плохого не думаю о Вере, но, на всякий случай, – он достал из кармана ключи, – это от этой квартиры. У меня есть еще комплект, возьми.

– Зачем? – удивился Павел.

– Человек без запасного аэродрома, как армия без тыла. Я подолгу торчу на буровых.

Так что каждые полмесяца эта квартира пустует. Да, приходит соседский кот Марсик, я его подкармливаю. Так что если придет черный пушистый с рыжим кончиком на хвосте, принимай, как гостя.

– Все это так неожиданно, Вась, – смутился Павел.

– Неожиданно, это когда понос или когда недоношенных рожают, – отмахнулся Егорыч, – а остальное – банальная «се-ля-ви». Возьми-возьми ключи, не понадобятся, когда будешь уезжать – оставишь соседям из седьмой. Там приличные люди, я им всегда оставляю. Мало ли что...

Павел еще некоторое время смотрел на ключи, как на амулет или артефакт, способный рассказать что-нибудь о будущем. Смотрел с недоверием и даже опасением. Наученный горьким опытом, он боялся излишнего чужого доверия, потому как сам доверялся людям целиком и они после этого в трех случаях из трех его разочаровывали. Но тут, на Севере, похоже, доверять без оглядки было принято.

– Бери, это ни к чему не обязывает. Фикус разве что поливать, – кивнул он в угол, где из пластикового ведра тянулся к потолку тщедушный фикус.

И Словцов взял, предварительно покрутив брелок в руке, будто именно это движение помогало принять решение.

– Не знаю, зачем, – признался он, – но раз ты настаиваешь...

– Ну и как тебе наш город? – переключился на другую тему Василий Егорович.

– Очень даже... Такими темпами у нас появится вторая северная столица. Но больше всего меня поразили женщины за рулями джипов. От девочек до теток с сигарами во рту. Но почему на джипах?

– Тут два варианта: первый – забрала то, что есть у мужа, второй – вожу, как умею, но я на танке, пусть меня боятся.

– Проза жизни, – констатировал Словцов.

– Ты стихи-то пишешь?

– Как все окружающие легко задают этот вопрос! Как будто написать несколько строф – это как партия в настольный теннис. Хочу – играю, хочу – нет... Честно? – Почти нет. Так, типа упражнений, чтоб не забыть, как это делается. Намедни меня местные писатели вывезли на берег Иртыша, и, по правде говоря, я обалдел. Такая ширь. Лед кое-где ослаб... А тут еще в весеннем ветре запах свежевыпечен-

ного хлеба... Мне вдруг показалось, что я тут всю жизнь прожил. А вечером просто сел и записал, не напрягаясь:

*На берег выйду: синь и ширь,
Иртыш готов расправить плечи.
Почти оттаяла Сибирь
И наострила сосен свечи
Вглубь, в позолоченную высь
Расчищенного к Пасхе неба.
И гнезда птичьи завились,
И плыл с пекарни запах хлеба...
Земля вот-вот вздохнет травой,
А сердце – нераскрытой тайной.
Как хорошо, что мы с тобой
Так долго жили на окраине.
Имперских будней круговерть
Нас не лишила созерцанья.
Христос Воскрес! Иссякла смерть!
И обновилось мирозданье!*

– Душевно, – оценил Егорыч.

– Но, честно говоря, наступило какое-то странное время. Стихи никому не нужны, кроме девчушек, которые ожидают встретить принцев. Уроки литературы в школе превратились в математику, где каждая строфа про-

верена алгеброй. Знаешь, я посещал уроки в разных школах, и в каждой следующей я знал, что скажет о том или ином стихотворении учительница. Как под копирку! Главное – они знают, как и почему писал Пушкин! Я всю жизнь пытался понять – и не смог, а они знают! Это в учебниках написано. Вплоть до того, какие движения души и мысли при этом были! Кстати, я сам преподавал литературоведческий анализ текста. Я тоже приложил к этому руку...

– Успокойся, Павел. Все не так просто. Стихи? А почему вообще перестали читать, если еще десять лет назад охотились за книгами? Почему полки книжных магазинов заполнило чтиво, а не литература, которой так жаждал народ? Демократия? Законы рынка? Пятнадцать лет назад тираж журнала «Наука и жизнь» превышал три миллиона! В нагрузку к нему по подписке навешивали журнал «Коммунист» или «Правду»! А сейчас он мизерный тираж с трудом выдерживает. Я полагаю, это тоже один из признаков Конца Света. Помнишь наш разговор в гостинице «Кристалл»?

– Как не помнить. Я, кстати, хотел тебя спросить, что за англичанин тогда сидел с вами? Весь такой расфуфыренный, вальяжный...

– Истмен, Джордж Истмен, – не дал договорить Павлу Егорыч, – чистокровный денди, кичливый и заносчивый, якобы представляет здесь интересы «БиПи», имея под задом мощный пакет акций. Они с канадцами, типа, дружат, а по большому счету, ревностно подсиживают друг друга. А этот «лорд в первом колене» пытается всеми правдами и неправдами через подставных лиц завладеть перспективными нефтяными территориями. Типа – вкладывает в геологию. Озабочен грядущим энергетическим кризисом. Нам-то что. Они когда увидели, на каком оборудовании мы до сих пор работаем, у них был шок.

– Ты знаешь, мне тогда показалось, что он вполне понимает русский язык, – задумчиво предположил Павел.

– Да запросто. Темные ребята. Мы при них только материмся открыто. А те кивают со своими каменными улыбками на лощеных фэйсах или требуют ледяным голосом выполнения работ строго по технологиям и мировым стандартам. Мы делаем вид, пока они смотрят, а когда уезжают, снова сваебояем гвозди заколачиваем, потому как по-другому у нас нельзя. Им этого никогда не понять. И то радует, что наши работяги пе-

рестали перед ними пресмыкаться, как в начале девяностых. Но вот в одном к ним нет претензий: платят всегда вовремя и платят куда больше, чем наши. Да еще и пристально следят за соблюдением техники безопасности. Правда, это как раз понятно, боятся лишнего повода, что их отстранят от нефтяных титок. Ты же слышал, небось, как Вэ-Вэ непрозрачно намекнул, кто и на каких условиях должен добывать на нашей территории наши ресурсы.

– Джордж Истмен, – повторил Словоцов, который, возможно, и не слышал эмоциональной тирады Егорыча.

Поняв это, тот замолчал, чтобы через пару минут снова начать сокрушаться:

– И почему после таких разговоров всегда выпить хочется?

– А потом морду кому-нибудь набить... – также задумчиво добавил Павел. – Ладно, надо двигать. Извини, Егорыч, Лизу обижать нельзя. Отравит. Если не отравит, то слабительного в чай насыплет. Не со зла даже, а характер у нее такой.

– Я тебя подброшу.

5

Лиза действительно накрыла в гостинной шикарный стол. На серебряном блюде, украшенном листьями китайской капусты, лежали поджаристые ломтики семги, на гарнир – по выбору – стручковая фасоль в кунжуте и коричневый рис. Помимо главного блюда на столе были различные салаты и закуски, клюквенный морс в графине и бутылка белого вина на тот случай, если придет Вера.

– Ого! – оценил натюрморт Павел.

– А то, – отозвалась Лиза, – полдня вокруг плиты скакала.

– Веру будем ждать?

– Пятнадцать минут, потом весь шарм превратится в осетрину второй свежести, как у Булгакова.

– Читала, – буркнул себе под нос Павел.

– Читала! – услышала на кухне Лиза. – Я вообще-то домработница с незаконченным высшим образованием. У меня до сих пор академический отпуск. Если надо – восстанавлиюсь.

– А надо?

– А фиг его знает, – выглянула она в гостиную. – Глядя на тебя, Павел Сергеевич, не то что учиться, жить не хочется.

– Согласен, – не стал спорить Павел, – я сам у себя вызываю приступы скептицизма, депрессии и легкой ненависти. Люди гибнут за металл, а я... Эх, Лиза, были времена, когда я верил в коммунизм и мечтал полететь на другие планеты...

– Во как голову заморочили!

– Да нет, я сам с удовольствием верил. И еще думал, что скоро изобретут таблетки от старости и от смерти.

– Эх! Я тоже в это верила! Для меня самым страшным было не то что пройти по кладбищу, а даже проехать мимо него. Не, меняем тему, а то у меня аппетит пропадет.

– А я на кладбище чувствую умиротворение. И еще, как это ни странно, дыхание истории. Брожу, читаю эпитафии... При рождении их не пишут, а надо бы.

– Я вроде тоже привыкла к постоянному присутствию смерти. Теперь, кажется, она всегда рядом, за любым углом. Я это поздно поняла... На похоронах Георгия.

– Подожди хоронить своего Георгия, – вдруг, сам того не ожидая, сказал Павел.

– Что это значит? – гневно сузила глаза Лиза.

– Можешь считать меня сумасшедшим, но я видел либо самого Зарайского, либо его очень хорошую копию. Видел – здесь. В лице английского джентльмена, – сразу отмел дополнительные вопросы Словцов.

– Хотела бы я на эту копию взглянуть, – задумчиво и совершенно спокойноотреагировала Лиза. – Ты и Вере сказал?

– Сказал.

– А она?

– Не верит.

– Ну, это понятно. Я так думаю, тебе-то это вовсе ни к чему, потому я тебе верю... Ладно, давай будем обедать, Павел Сергеевич, наша кормилица, похоже, предпочитает нашему обществу офисную возню. В случае чего, мы ей штрафную нальем, – указала она на бутылку вина.

К обеду приступили молча. Рыба под белым соусом, в который Лиза мелко накрошила зелени, оказалась куда как хороша. Павел не удержался от похвал, но Лиза только отмахнулась: мол, каждый день такое. И Павел вспомнил, как еще совсем недавно он пластал себе не ломтиками даже, а какими-то странны-

ми лохмотьями докторскую колбасу и неровными кусками нарезал хлеб. Такие бутерброды с чаем были его основной пищей. Присутствовали еще в рационе готовые пельмени-полуфабрикаты и яичница-глазунья. Нынешний же обед вновь напомнил ему абсурдность происходящего. Он ощутил себя в чьей-то многомерной виртуальной игре, этакая русифицированная «Матрица». Но еда была неподдельно вкусной, и Словцов попросил у Лизы дополнительную порцию.

Он поднял на нее глаза и замер от неожиданности. Лиза расстегивала на себе кофточку, как будто она задыхалась или ей было невероятно жарко. Павел начал подозревать, что сходит с ума. С головой действительно происходило нечто необъяснимое. Казалось, она теперь туго набита мокрой ватой, и здоровым мыслям сквозь эту вату практически невозможно пробиться.

— Я как-то странно себя чувствую, а ты? — с трудом выдавил Павел.

Влечение к Лизе обрело такую силу, что для того, чтобы перебороть его, нужно было минимум удариться с разбегу лицом о стену. А Лиза продолжала раздеваться, и хотя тело ее покрылось странными красными пятнами,

общей стройности и красоты они не портили. Тупое вожделение овладело Словцовым, и он даже не понял, что вздорная домработница уже тянет его к себе на диван. Тянет за руку? Или он сам каким-то странным образом перелетел через накрытый стол из кресла, в котором сидел? Сумасшествие ли, временное ли помрачение – так или иначе, все окружающее перестало существовать, как по команде из единого центра. Павел не понимал, что с ним происходит, как не понимает марионетка в кукольном театре, отчего она дергается. Дьявольское наваждение отняло силы настолько, что после нескольких кульминаций, прокативших на одном уровне полного бесконтрольного безумия, куклы Павел и Лиза в полном изнеможении провалились в такой же неконтролируемый сон.

Вера застала их обнаженные тела в ворохе беспорядочно разбросанной одежды там же на диване и в первый момент, стараясь постигнуть зрелище не только глазами, усомнилась: живы ли вообще?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

В этот день ее задерживали на работе всякие несуразности, необязательная текучка, а перед самым обедом позвонил представитель «Бритиш петролеум», чтобы долго и нудно прощупывать зоны возможного сотрудничества. В итоге общее опоздание к столу составило больше часа. И вот теперь Вера стояла перед странной, завораживающей своей наглостью и нелепостью картиной. Стояла и не могла определиться, что же делать дальше. Для начала очень хотелось перевернуть стол и опрокинуть на голову Словцову какое-нибудь блюдо. Но что-то во всем увиденном настораживало больше, чем само зрелище. В такую наглость даже с Лизиной

стороны не верилось. Тем не менее, факт был налицо. Трезвое решение – сначала успокоиться, а потом уже все остальное – пришло чисто по-русски вместе с желанием выпить. Глянув на приготовленную явно для нее бутылку вина, Вера Сергеевна цыкнула в ее сторону и направилась на кухню, где достала из холодильника дежурную бутылку водки. Налила себе две трети стакана и, не сдержавшись, хлопнула дверцей холодильника так, что Словцов открыл-таки глаза.

Вера, сделав несколько глотков, с интересом наблюдала в дверной проем, как он с ужасом осматривается на месте сексуального побоища. Радовало одно: ужас и непонимание в его глазах были неподдельными и очень схожими с теми, которые минуту назад горели в ее собственных.

Словцов, от которого она за все это время ни разу не слышала скверного слова, тяжело выругался. Он явно был обескуражен. Торопливо оделся и не решался разбудить Лизу. Рука его автоматически потянулась к бутылке с вином, а от голоса Веры он вздрогнул так, что, показалось, вместе с ним содрогнулась вся комната, во всяком случае – все воздушное пространство в ней.

– Лучше – водки, – посоветовала Вера, демонстрируя стакан в своих руках.

– Лучше, – хрипло согласился он, подошел к холодильнику и бесцеремонно опрокинул в себя остатки водки прямо из горлышка, будто колодезную воду в знойный день.

Выждав, пока водка уляжется, он заговорил:

– Я не знаю, что это было, но это точно было не по моему желанию, а, скорее, против него. Полагаю, что все мои аргументы бессмысленны и абсурдны, как и все, что тут... Короче, я уволен. Вещей у меня немного, соберусь быстро.

– Паша, ты никогда не был похож на банального ловеласа-истребителя, и мне очень хочется тебе верить... – Вера запнулась, теперь после водки ей хотелось просто по-женски заплакать. – Потому что верить уже совсем некому.

– Вер, это наваждение какое-то... – Словцов искал слова и вспомнил: – Вудистика! Зомбирование! Я даже не знаю, что здесь было... Мы просто обедали. Лиза, конечно, красивая, стройная, вон... – Он набросил на голое тело плед с кресла. – Но я не испытывал... В общем, не мог я... Но, по-

лучается... Прости, я предчувствовал, что мой кусок счастья просто так мне никто не даст...

– А мой?! – справедливо спросила и одновременно возразила Вера. – Слушай, ты дома... в семье скандалы устраивал?

Павел посмотрел на нее с интересом и, недолго думая, признался:

– Бывало, еще как. Я же думал, что я поэт...

– А я не хочу, не умею устраивать скандалы.

– Я понял, я тихо уйду, – грустно сказал Словцов и двинулся к лестнице, чтобы подняться в свою комнату собирать вещи.

– Я тебя не выгоняла, – заявила ему вслед Вера, – я еще сама не знаю, как к этому относиться.

– Зато я знаю...

– Но я тебя и не увольняла.

– По контракту – имею право...

– Паш, ты так говоришь, как будто я в чем-то виновата.

В этот момент пришла в себя Лиза. Она с удивлением, словно только что родилась, осматривалась в комнате. Сообразив, что она голая, а вокруг разбросаны ее белье и вещи,

Лиза что-то вспомнила и оценила это весьма оригинально:

– Э, я не нанималась кухаркой с полной отдачей! Что за фигня?

– Хочется спросить об этом у тебя, Лиза, – Вера уселась со стаканом в кресло, наблюдая, как спешно одевается ее домработница.

– Вы щас скажете, что я у вас всех мужиков отбиваю, но можете резать меня на куски, у меня и в мыслях не было! Фигня какая! Полная фигня! И в этой фигне я ни фи́га не понимаю!

Павел, между тем, скидывал свои немногочисленные вещи в сумку и подошел к окну, пытаясь хоть как-то упорядочить мысли в голове.

– Я же говорил, вид из окна здесь никудышный, – начал он вслух, но, тем не менее, почувствовал вдруг такой мощный приступ тоски, отчего показалось, что подкашиваются ноги, как бывает только от дикого страха. Тоска пришла с осознанием, что в какие-то считанные минуты он потерял Веру и не имеет никакого морального права за нее бороться. Да, в мире богатых было комфортно, но неуютно. Для пребывания в нем нужна специальная подготовка. Типа, «курс молод-

го бойца». А потом, соответственно, присяга на верность существующему положению вещей и принятым нормам поведения. Внешним нормам. Он точно знал, что все произошедшее за обедом являлось следствием воздействия чего-то. Но покуда это «что-то» не поддавалось дешифровке. Пока что тоска и боль перевешивали все остальные чувства, в том числе возможность трезво оценить произошедшее. Работая над романом, он уже стал ощущать себя провидцем или хотя бы толковым психологом. Но на такую «узловую подлость» сюжета, по придуманному им определению, он, как автор, был неспособен. Пообедали, что называется, в кругу семьи. Что было бы, если б Вера не опоздала? Но ключевое слово «обед» заставило мысль пульсировать точечной болью в правом виске. Она требовала: надо уходить, надо уходить, надо уходить... И отзывалась эхом в левом: стыдно, стыдно, стыдно...

– Вид из окна никудышный, а уезжать не хочется, – признался себе вслух Павел, но, вместе с тем, взял в правую руку сумку, левой он нащупывал в кармане джинсов ключ. – Ключ Егорыча «выстрелил», как и полагается, в следующем акте пьесы.

Спустившись в гостиную, Павел выложил на стол из портмоне пластиковую карту, которую в Москве дала ему Вера. Заметив это, та обиженно сказала:

– Ты меня еще и обидеть хочешь. Ты честный, бессребреник, а мы тут... Что они тебе, лишние будут?

– Э! Поэт! Ты, значит, решил, что теперь можешь уйти? Вот так, просто? – вспылила Лиза. – Мавр сделал свое дело! А мне что?! На кухне шлангом от стиральной машины удавиться?! – Потом вдруг поменялась в лице: – Тебе не понравилось, милый?!

– Да не, все пучком, Лиза, на высшем уровне, – с холодной иронией ответил Слобцов, – сколько я должен... за обед...

– Дурак! Я тут ни при чем!

– Обед... – вдруг задумчиво повторил Слобцов, точно переключился с волны на волну. – Лиза, так ты говоришь, вот этот чудный соус тебе дал иностранец... Англичанин?

– Соус?! Какой на хрен соус!? – не унималась Лиза.

– Вот этот, – указал на банку Павел, – которым мы так обильно рыбку сдобрили.

– Ну и че?!

Вера с интересом смотрела на их перепалку, но, кажется, намного быстрее, чем Лиза, поняла, куда клонит Словцов.

– Ты думаешь, в него что-то подсыпали? – даже не у Словцова, а куда-то в воздух спросила она.

– Думаю. И англичанин этот... Лиза, как часто тебя на улицах Ханты-Мансийска клеят иностранцы?

– Да в первый раз, – начала успокаиваться Лиза.

– Не вздумайте есть этот соус вдвоем... Господи, до чего докатился этот мир! – посетовал Павел, направляясь в прихожую.

– Ты просто так уйдешь? – спросила вслед Вера.

– Не просто, – повернулся он на пороге. – Вер, я даже не могу тебе передать, какво мне сейчас, мне просто нужно побыть одному.

Вера взяла со стола карту, подошла к Словцову и одним движением задвинула ее в карман его джинсов.

– Здесь не богадельня. Этот город питается деньгами не хуже Москвы. Проявишь аскетизм в другом месте.

– Спасибо...

– Не за что.

– Я не за деньги... За то, что не устроила истерику.

«Я работникам истерик не устраиваю», – хотела сказать Вера, но разумно воздержалась, спросив о другом:

– Ты думаешь, это его рук дело?

– Думаю, но это ничего не меняет. Я вообще, Вера, много думаю, а, наверное, зря. У меня уже буквальное горе от ума.

– Начнешь пить?

– Это мысль, – удивился простейшему выходу Словцов, – традиционный русский психоаналитик – коктейль из водки и первого встречного.

2

Хотелось, конечно, застать Егорыча, но тот, видимо, опять мотался по своим буровым. Поэтому первым встречным оказался гастарбайтер-таджик, с которым Павел столкнулся в гастрономе. Правда, пить с ним пришлось, что называется, не отходя от кассы.

– Выпьем за дружбу народов, как в старые добрые времена?

– Если так надо, выпьем, – мудро ответил Джамшид, так звали первого встречного. Он с почти незаметным акцентом говорил по-русски. Так говорят татары, для которых он – второй родной. Это несколько удивило Словцова, о чем он заявил после двух доз из пластиковых стаканов.

– Я же в Советском Союзе родился, как и ты, – объяснил Джамшид.

– А пьешь, как будто не правоверный.

– Я же в Советском Союзе родился, – снова повторил таджик, – это во-первых, во-вторых, Коран запрещает пить вино, про водку там не написано, в-третьих, если человеку плохо, то за дружбу с ним можно и яд принять...

– Ничего себе философский пассаж, – поразился Павел.

Таджик был примерно одного с ним возраста и роста. У него были усталые, точнее, печальные, но не карие, а зеленоватые глаза, небритое несколько дней лицо и изъеденные грязью и тяжелой работой руки. Если на лице природная смуглость оттеняла шрамы и морщины, то на руках каждая складка отяжелась отложениями цемента, мазута, солярки и еще Бог весть чего.

– Давно здесь? – спросил Павел.

— Десять лет туда-сюда...
— А там? Совсем хреново?
— Ты когда-нибудь за десять долларов в месяц работал?

— Работал! — радостно вспомнил Павел.
— Учитель, — догадался без труда Джамшид. — Я тоже был учитель. Русского языка. Теперь надо — английского.

— Коллега, — уважительно выдохнул Павел, — за это надо еще выпить!

— Сейчас я не коллега, сейчас я талиб!
— Талиб?
— Так нас здесь называют. Не очень смешно.

— А, по-моему, остроумно. В Москве гастарбайтерами называют.

— У нас был на одной стройке прораб, он нас просто — «пиломатериалом» называл.

— Почему пиломатериалом? — не понял сначала Павел, а когда сообразил, рассмеялся.
— Ах да, чурки же... Пиломатериал...

Джамшид смотрел на него без злобы и обиды. И даже заметил:

— Русский язык — самый богатый язык в мире. Даже по такому поводу.

— Это да, — унимая смех, согласился Павел.

– А тебе почему стало так тяжело, что ты пьешь с первым встречным? – спросил вдруг Джемшид.

Павел глубоко задумался. На лицо вернулась маска иронии. Он спокойно разлил остатки водки по стаканам и вместо тоста произнес:

– Знаешь, что самое страшное в жизни? – спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Это когда всю жизнь думаешь сделать что-то главное, готовишься к нему, собираешься с силами и мыслями, а потом, оказывается, что ты это уже сделал, но никто этого не заметил, даже ты сам....

– Самое страшное, – спокойно возразил Джемшид, – это когда тебе нечем кормить своих детей... Страшно, когда они умирают...

Павел опустил голову, осознавая жуткую правоту Джемшида. Звякнула и покатилась из-под ног Слоцова пустая бутылка, и они оба посмотрели на нее так, будто это был неопознанный летающий объект.

Следующим встречным для Слоцова стал охранник Зарайской Владимир Среда. Как только Павел расстался с Джемшидом,

подобно «неотложке» появился на черном джипе Володя. Открыв окно, он позвал:

– Павел Сергеевич, садитесь!

Словцов нисколько не удивился, только понимающе покачал головой.

– Так и знал. Шахиня приказала пасти свою частную собственность. Ведь так?

– Так, так, Павел Сергеевич, садитесь, здесь стоять нельзя.

– Стоять вообще нельзя, надо двигаться! Двигаться дальше! Среде стоять нельзя, потому что на подходе четверг. Всегда надо догонять вторник! Ну раз уж, – Павел плюхнулся на сидение рядом с Володей, – за мной установлено наружное наблюдение, то придется тебе, Володя, терпеть мои пьяные выходки. Не возражаешь?

– Нет. Куда вас везти?

– Вестимо куда – в магазин. Знаешь, Володя, я подолгу не пью, но когда начинаю, мне хочется выпить со всеми хорошими людьми сразу. Выпьешь со мной, Володь? – в голосе Словцова прозвучала настолько убедительная интонация просьбы, что Среда посмотрел на него с интересом и пониманием.

– Если так надо, выпью. Только надо машину паркануть где-нибудь.

– Поедем к Егорычу, у меня ключ, там нам никто не помешает. Сейчас наберем самого качественного алкоголя. Я, например, не прочь текилы... А ты?

– Можно, – согласился Володя.

– И поесть чего-нибудь... О, какая милая девушка за рулем, так бы и развернулся вслед за ней! – Павел из состояния депрессивного переходил в состояние куража.

Это было не желание утопить все неприятности в алкоголе, это была жажда лететь. Просто лететь над всем и вся, залихватски выкрикивая чего-нибудь встречным-поперечным, приставая к миловидным девицам, угощая всех напропалую, независимо от пола, возраста, социального статуса и прочего надуманного разделения. Что-то похожее порой закатывали русские гусары, купцы да, впрочем, все русские люди по мере средств или по их полному отсутствию, потому как на Руси, чтобы выпить, деньги не обязательны.

– А что за праздник? – спросил Володя.

– Праздник?! – сам себя в ответ спросил Павел. – Отмена крепостного права! Юрьев день, туда его! – Он чуть, было, не рассказал Володе о том, что пару часов назад произошло в доме Веры, но остатки трезвого

рассудка победили: – Володя, когда праздника нет, но его хочется, то следует его обязательно придумать! Сегодня я буду лететь, а завтра шмякнусь о стенку, и поминай как звали. У меня есть начатый роман, он всегда будет начатым, завершить его невозможно, чтобы завершить – надо умереть, вернуться с того света и завершить! У меня самый сложный вид конфликта в литературе – внутренний, психологический. Это, знаешь, когда герой не в себе, не в ладу не только с миром внешним, но и с самим собой. Причем мой конфликт неразрешимый. Я, как перцем, сыплю на него сюжетными элементами, столблю, дроблю, промываю, делаю всевозможные кульбиты, но в итоге получается жуткое варево, которое мне не по зубам, не по сердцу, а весь мир мне по фигу...

– Вы это преподавали, – спокойно ответил Володя, не отвлекаясь от дороги.

– Точно, – грустно согласился Павел, словно фраза охранника способна была оборвать его кураж на полуслове.

– Вот. Маркет «Виктор». Направо – закусь, налево – выпить. В бардачке дисконтная карта, если надо.

– Не надо, – по-барски отмахнулся Словцов. – Аванс пропиваем. Аванс за непрожитую жизнь и несостоявшуюся любовь.

– Вы потом буйным не станете? – испугался вдруг Володя.

– Нет, я обычно растекаюсь, как мороженое, и стихами булькаю. Могу еще песню спеть. Это не страшно?

– Не страшно, – улыбнулся Володя.

Павел направился, было, к магазину, но на полпути остановился и, обернувшись, прокричал:

– А вот если англичанина какого встретим, могу нарушить его дипломатическую неприкосновенность и абсолютно не по-джентльменски набить ему англосаксонское мурло. Американцев уже не могу, вдруг родственниками будущего зятя окажутся. А этих сэров-пэров-лордов можно бить по мордов! – срифмовал он и снова двинулся к магазину.

3

Они сидели в квартире Егорыча уже третий час. В расход шла третья бутылка. После текилы и виски Словцов вдруг открыл

коньяк, нарезав дольками лимон и наломав шоколад. Текилу «смазывали» солью, виски «проталкивали» мясными деликатесами, к коньяку, кроме лимона и шоколада, был еще сыр трех сортов. И вся эта взрывная смесь еще не «ушатила» поэта, который все три часа говорил с редкими паузами, в которых позволялось вставить слово и Володе. Среда, прилично захмелевший, с удивлением взирал на алкогольную стойкость сочинителя.

– Я понимаю, что я тебя уже достал, до печенки достал и в прямом и в переносном смысле, ты уж потерпи, Володь, мне впервые за долгие месяцы так просто и свободно на душе, вот выпьем еще коньячку, а потом вызовем тебе такси, – сыпал Словцов.

– С во-ди-те-лем.

– В смысле – с водителем?

– Ну... тачку... с водителем дополнительным... Чтобы он мой джип отвез куда следует... Есть такая услуга...

– Круто! Так и автобус можно заказать.

– И самолет... Вертолет – точно...

– Точ-но! Я увезу тебя домой на вертолете! Сколько стоит вызвать вертолет?

– Помню, Шахине заказывали. Час полета – штука зеленую.

– Тьфу-у-у... Да мы в Москву можем слетать и обратно.

– В Москву зачем? – всерьез усомнился Володя, потому как понял, что пьяный Словцов способен на что угодно, кроме подлости и предательства.

– В Москву?.. – в ответ спросил себя Павел. – Да... Ну, прилетим, зависнем над ней, откроем дверь и крикнем! – И тут Словцов действительно закричал: – Мы тут бухаем, и нам плевать на вашу стабильную демократию, рыночную экономику и прочую муть! Ну, за нас с вами и за хрен с ними, – налил очередную Словцов.

– Не торопимся?

– Не, в самый раз, будущее за поворотом!

Они одновременно выпили и потянулись к лимонным долькам.

– Знаешь, а я в детстве писал в будущее письма, – признался Павел, морщась и пережевывая.

– В будущее? Как?

– Смеяться не будешь?

– Над тобой, Павел Сергеевич, не буду. У тебя башка – Дом Советов. Ты даже пьяный на Большую советскую энциклопедию тянешь. Излагай!

– Я опускал бумажки в бутылки и закапывал их в разных местах.

– Бумажки? В бутылки?.. – Володя взял в руки пустую бутылку из-под виски и внимательно посмотрел сквозь стекло. – Но это же в море бросают, когда, типа, на необитаемом острове или кораблекрушение...

– Точно, а я в землю. Я надеялся, что лет через триста кто-нибудь найдет мои бутылки и прочитает письма пионера Словцова. Думал, уже коммунизм будет построен. Думал, уже таблетки от смерти будут. Ве-рил! Представляешь? Советской фантастики начитался. Полагал, что мы полетим строить справедливое общество на другие планеты...

– А что твои письма... В будущее?..

– О! – поймал Словцов утерянную нить. – Я закапывал бутылки на пустырях... Рано утром... Ночью... Сколько закопал – не помню... Но однажды я решил одну из них откопать и кое-что дополнить. Ну – к тексту. Понимаешь?

– Понимаю.

– Я все места, где закапывал, помечал специальными знаками, которые только я мог заметить. Короче, пошел выкапывать, а ее там нету!

– Как нету? Что – в будущее ушла?

– Да нет, – отмахнулся Словцов, – кто-то выкопал. Бомж какой-нибудь, чтобы сдать. Тогда ведь тоже бутылки сдавали, и занятие это было куда прибыльнее, чем сейчас. Надо денег на кино – сдал бутылки, еще и на мороженое останется... И сигареты. Десять бутылок – рупь двадцать...

– А я сдавал – за десять уже два рубля давали.

– Инфляция, – поразмыслил Словцов, – девальвация стеклотары.

– Что?

– Но самое интересное, что потом, спустя какое-то время, я двинулся за другой бутылкой, – Павел налил еще по одной. Выпили. Володя начинал клевать носом, а Словцов, наоборот, вдруг начал трезветь и заговорил тоном рассказчика.... Вспоминалось детство, но слушатель его уже спал.

4

– ...Сколько мне было? Лет одиннадцать-двенадцать... Конечно, сейчас такое занятие может вызвать только ироничную улыбку. Задумчивый отрок пишет велеречивое посла-

ние потомкам, подробно описывая окружающий его мир и даже систему общественных отношений. Глупо скрывать: но тогда я твердо верил, что человечество построит коммунизм, выйдет в межзвездные пространства, избавится от всех болезней, избежит разрушительных войн, а сам человек откроет в себе мощные скрытые возможности... При действовавшей в те времена идеологической накачке это было совсем не удивительно. И даже участие в дворовой банде хулиганов и шалопаев не могло поколебать этой уверенности. Самое удивительное, что даже самые отъявленные заводилы из нашей компании верили в светлое будущее, просто успевали бедокурить, пока коммунизм ещё не наступил. Про отправляемые в грядущее послания никто не знал. Сокровенной тайной я не хотел делиться не только с родителями, но даже с самым близким другом Димкой, который был мечтателем не хуже меня. Однажды мы вместе с ним делали ракету и вместе рано утром «запустили» её из песочницы в центре двора. Результатом запуска стала приличная воронка, истошные ругательства разбуженных взрывом жильцов из окон и с балконов и наш стремительный побег с импровизиро-

ванного космодрома. А ещё, распотрошив копилки, мы купили сборную модель истребителя «Миг-3» с керосиновым двигателем, убили уйму труда и времени, чтобы собрать её, и всё это ради того, чтобы запустить с крыши. Правда, сначала мы подожгли хвост самолета, который предварительно облили бензином для зажигалок. Очень хотелось увидеть, как ведёт себя «подбитый» истребитель. Но любоваться впечатляющим зрелищем довелось недолго: самолет, лишенный по воле конструкторов управления, вильнув на волне ветра, направился совсем в другую сторону и совершил вынужденную посадку на балконе четвертого этажа соседнего дома, где рачительные хозяева содержали всевозможный хлам, который, разумеется, благополучно воспламенился.

За патристическую игру в летчиков-героев пришлось отвечать по всей строгости в инспекции по делам несовершеннолетних, а нашим родителям – выплачивать стоимость сгоревшего барахла. На некоторое время нам разрешили встречаться лишь для обмена книгами. Как раз тогда мы запоем проглатывали многотомник известного советского фантаста Алексея Казанцева. Скорее всего, именно под

влиянием его книг мне пришла мысль писать в будущее.

Надо себе представить одержимость идеей, для того чтобы понять, какая сила заставляла подростка подниматься в пять утра, а то и раньше (не на рыбалку с друзьями, не в поход, не для катания на велосипеде по пустым в это время улицам города), таясь от всех и вся, с бутылкой под мышкой и детской лопаткой уйти на пустырь, где торжественно «похоронить» на глубине порядка полуметра сосуд, запечатанный пластмассовой пробкой, для надежности залитой воском. Таких бутылок я закопал в разных местах штук десять.

Но с предпоследней произошёл удивительный случай. Прошло уже несколько дней, как я «отправил её в будущее», но мне пришлось в голову дописать свои точные координаты, чего я до сих пор не делал, предпочитая оставаться анонимом, надеясь этим нешуточно озадачить получателей посланий. Так и представлял себе, как потомки скрупулезно изучают мои закорючки, проводят исследования какими-нибудь удивительными приборами, берут на анализ фиолетовые чернила из шариковой ручки. Но вдруг они так и не узнают, кто отправил им эти письма? Мне тогда и в голову не приходило,

что вся моя информация гроша ломаного не стоит, потому что в последней трети двадцатого века вся жизнь и без того фиксировалась на самых разных носителях, чтоб впоследствии быть оцифрованной и лечь в надежные банки данных. Наивность моя перемещала мой мир в Средневековье или куда подальше и подпитывалась чувством космической избранности, которая в той или иной мере присутствует в каждом человеке. Хотя кто знает: а вдруг – мировой катаклизм, и только мои бутылки, начиненные обильно политыми потом каракулями, будут последней крохой информации о нашей цивилизации? Кроме того, я переживал, что и остальные бутылки исчезли, как последняя... Короче, я ринулся на маячок предпоследней ёмкости.

К месту захоронения бутылки я пришел прохладным майским утром, когда не успевшее отдохнуть за короткую ночь солнце вкрадчиво смешивалось посредством искрящихся в сером мареве корпускул с отступающим вдоль улиц сумраком. По стечению все тех же удивительных обстоятельств я зарыл это послание совсем недалеко от нашей пятиэтажки, на пустыре, где после неудачного долгостроя уже в двадцать первом веке стахановскими темпами

воздвигли новое здание ФСБ, зрящее на мир тонированными окнами и объективами видеокамер. Кто бы мог подумать? А тогда неровный лес свай, вбитых в фундамент предполагаемого здесь ресторана, перемешивался с щедрыми и безобидными в то время зарослями конопли и крапивы. Рестораном загодя пользовались бичи (теперь их называют «бомжами») и просто любители выпить «на природе», поэтому заброшенная стройплощадка изобиловала оборудованными для этого «столиками» и закутками. Петляя среди высоких, более метра, зарослей, можно было запросто напороться на пребывающего в глубоком пьяном сне «посетителя» или даже группу собутыльников. Чего мы только ни насмотрелись на этом пустыре, и чего он только ни видел от нас!

Но в то утро мне повезло: полная, даже какая-то обморочная тишина стояла в округе. В те времена ночь ещё располагала тишиной, и только после шести утра к отдаленному гулу вокзала добавлялся шелест метел добросовестных дворников. Советские города действительно спали спокойно. До коммунизма было далеко, до угрожающей нам Америки тоже... Поэтому вышедший на улицу ни свет ни заря среднестатистический пионер мог рассчиты-

вать на удачные «партизанские» действия. Едва намечавшийся восход в пятом часу утра ещё даже не золотил макушки дурман-травы, но я легко нашел место, где три дня назад спрятал бутылку, и начал копать. Для возможных свидетелей у меня всегда была заготовлена версия: копаю червей для рыбалки. Правда, очевидцев покуда не было. Но именно в то утро я пожалел об их отсутствии, потому что, добравшись до нужной глубины, обнаружил совсем другую бутылку, и увиденное заставило меня нешуточно испугаться и даже отпрянуть. Емкость в виде коричневого параллелепипеда была явно иностранного, не виданного мной доселе производства, а скромное знание английского языка позволило мне прочесть на этикетке надпись «Rothmans», а чуть ниже «whisky». Такие бутылки в те времена можно было встретить только в частных коллекциях или у счастливиц, кому довелось побывать в проклятых буржуазных странах. Разумеется, я знал, что такое виски и даже как его лучше пить (со льдом!), но с близкого расстояния такую бутылку видел впервые. Какие только мысли не посетили меня в этот миг! Первое, что пришло в голову: я случайно напоролся на шпионский тайник. Второе: чья-то, скорее все-

го, взрослая шутка. Так или иначе, уйти, не открыв бутылки, было бы непростительно.

Осторожно (сейчас-то я смеюсь над собой, а тогда – вдруг шпионская!) я потянул емкость за горлышко и тут же заметил, что она, подобно моим, несет в себе послание. От скрученной пробки ударило резким запахом алкоголя. Стало быть, бутылку опорожнили буквально перед тем, как зарыть её на этом месте. Когда я вытряхивал из неё скрученный в трубу блокнотный лист, оттуда даже вытекло несколько капель, и я с ужасом представил себе, с каким запахом приду домой. Хотя, что греха таить, пронеслась мысль: отчего бы не попробовать хотя бы несколько капель забугорного пойла. Но, надо признаться, в те годы я не пил и «родного». Надпись на вырванном из блокнота листе гласила: «Привет из безобразного пьяного капиталистического будущего! Марсиан нет!». Теперь было ясно, что это чья-то безобидная, но не очень хорошая шутка. Осознание подвоха заставило меня затравленно озираться по сторонам, словно за мной могли в этот момент следить. Особенно настораживало «капиталистическое будущее», которое противоречило твердым марксистско-ленинским установкам в моем сознании. Но самое удиви-

тельное, я не выбросил блокнотный лист, а бережно положил его в нагрудный карман безрукавки, не выбросил даже бутылку (о, я потом удачно поменял её у преклонявшегося перед западным «ширпотребом» соседа на потрепанную книгу Роберта Шекли!).

Зачем я положил блокнотный лист в полиэтиленовый пакет и спрятал в ящик стола? Неужели для того, чтобы спустя двадцать лет вернуться с ним на это самое место?

А ведь так и произошло.

Правда, к тому времени уже не было СССР, не было светлого будущего, зато была «шоковая терапия», было немереное количество импортного пойла, отвратительные рожи на телеэкране (ещё хуже, чем хотя бы внешне правильные лица Политбюро), а лично у меня не было удачи. В те дни, после сокрушительного дефолта 1998-го, развалилось созданное узким кругом друзей частное предприятие, и мы, по известной русской привычке, последние деньги из общей кассы понесли на алтарь Бахусу. Гуляли в маленьком ресторанчике, местом для коего стал приватизированный купеческий особняк, ранее охранявшийся как памятник архитектуры. Оторвались по полной, даже умудрились повздорить с бритоголовы-

ми братками, но до драки не дошло, потому как выяснилось, что у них траурное мероприятие по поводу безвременной кончины боевого товарища. Мы, стоя, помянули погибшего на «баррикадах строящегося капитализма», за что были великодушно прощены оппонентами. Вследствие примирения браво сдвинули столы, сойдясь в пьяном угаре с ребятами, которые хоть и носили, как чекисты, кожаные куртки, оказались вполне нормальными пацанами (так они себя сами называли). И возлияния начались с новой силой.

Владельцы и работники ресторана не решились перечить столь боевой и столь нетрезвой «биомассе», ибо остановить её можно было, соответственно, только естественным биологическим путём. Точнее, барьером. Он и имел место в пятом часу утра, когда вокруг стола практически все спали в обнимку с невесть откуда взявшимися размалеванными девчушками. Меня же кривая вынесла на тот самый пустырь, и я с ироническим хохотом осознал в своей руке точно такую же бутылку виски «Rothmans». Опрокинув в свое обожженное нутро остатки алкоголя, я направился к месту «проваленной явки». Пришлось его поискать, так как за прошедшие годы случились

некоторые ландшафтные изменения, и уже обозначилась видимость строительства. Блокнотный лист оказался со мной лишь потому, что его текст я три раза оглашал вместо тоста (на бис!) в ресторане. После разъяснения, откуда он у меня, «послание из будущего» своей сермяжной правдой вызвало дикий восторг всех окружающих, включая братков. Никто даже не усомнился в правдивости моего рассказа, а последним было достаточно для подтверждения короткого диалога:

– В натуре?

– В натуре.

– Вот конкретное попадалово!

Таким образом, все необходимые компоненты оказались в нужное время и в нужном месте. И даже лопатка! Не с тех ли пор валялась? Правда, со сломанным черенком, но вполне пригодная для того, чтобы проявить себя совком. И вот, два совка, один – в прямом, другой – в переносном смысле, пробили десятисантиметровый слой дерна и врылись в глинистую почву. И тут лезвие скользнуло по стеклу. Взору моему предстала бутылка из-под «Буратино», в коей покоилось написанное двадцать лет назад послание. Обугленный алкоголем разум отказывался воспринимать и анали-

зировать подобную мистику, и единственное, что пришло мне в голову, – довершить начатое. В бутылку из-под виски отправился блокнотный лист с кратким описанием капитализма, а сама бутылка легла на дно ямы.

Днём, после кратковременного, глубокого и одновременно сумбурного сна, похмельный синдром был оттеснен навязчивой идеей. Я снова ринулся на пустырь, чтобы проверить новую фантастическую версию обмена посланиями с самим собой. По дороге долго напиргал память, пытаюсь сопоставить даты. На пустыре в это время уже шла работа: суетились строители, ревел, сравнивая местность, желтый бульдозер, выгружались железобетонные плиты, к окраине подтянулись бытовки-вагончики. Я едва успел выкопать свою яму буквально под ножом бульдозера. Вероятно, выглядел я несуразно и, к тому же, соответственно проведённой бурной ночи. Мало того, что бутылки в яме не оказалось, пришлось выслушать веселое подтрунивание рабочих: не вчерашний ли день потерял? Ответил: «Опохмелку зарыл», после чего свои услуги предложил даже бульдозерист. Но я предпочел быстро ретироваться, пряча озадаченный взгляд.

Нет, никаких выводов из этой странной, почти мистической истории я не сделал. Можно было, конечно, предположить: я в это утро здесь закопал, он (я!) в то утро там (здесь же) взял. Или наоборот? Но от подобных умозаключений можно тихо, но быстро сойти с ума, особенно пытаюсь докопаться до сути там, где её нет. И главное заключение, которое я сделал из происшедшего: пить надо меньше, а лучше вообще не пить. Впоследствии воспоминания об этом заставляли блуждать на моих губах многозначительную кривоватую улыбку. Подобное выражение лица случается или вообще постоянно присутствует у сумасшедших, которым мнится, что они являются носителями великой тайны, недоступной самолюбивому и самоуверенному человечеству...

5

Словцов проснулся ночью, дотянулся до выключателя и включил торшер. Приподнявшись, огляделся: на столе остатки снеди и недопитая бутылка коньяка. Какая по счету? Под столом в пакете еще достаточно полных. На

диване у книжных полок спит прямо в костюме Володя. Без подушки.

Павел с трудом поднялся и обнаружил под своей головой две подушки. Сначала он на нетвердых ногах ринулся к двери туалета, затем из горла выпил полбутылки минеральной воды, после чего решил подсунуть Володе вторую подушку, но тот резко проснулся при его приближении и сел на постели. Мгновенно осмотревшись и оценив обстановку, он схватился за голову:

– Мне домой надо! Срочно! Светлана меня... Даже не знаю, что будет. – И от досады застонал: – Щас башка на части развалится.

– Вова, – Слозцов взглянул на часы, – в три часа ночи жен уже не беспокоят. Утро вечера мудренее. Давай лучше еще по сто грамм.

– Да ты что, Павел Сергеевич, так же сдохнуть можно!

– Сдохнуть можно без опохмелки.

– Да я в жизни два дня подряд не пил!

– Ну... Когда-то надо начинать.

– Это обязательно?

– Ну не могу же я один эту гадость глотать? На что мне тогда боевой товарищ?

– У-м-м... – соглашаясь, махнул рукой
Среда.

– Ну, за воскресение Среды! – предложил тост Павел.

– Угу, и за Слоцкого, который за словом в карман не лезет.

Чокнулись, выпили. Павел тут же налил по второй. Володя с отвращением начал крутить головой, на что поэт резонно заметил:

– Так, тебя зачем ко мне приставили? У тебя боевое задание какое?

– Пал Сергеич, все стихотворцы так безумно бухают?

– Талантливые – все, – уверенно ответил Слоцкий. – А бездарные про них воспоминания пишут, как Мариенгоф про Есенина.

– И зачем вам это?

Слоцкий на секунду задумался, а ответил, уже выпив, весьма взвешенно и аргументированно:

– Понимаешь, Володя, грань, которая разделяет душу поэта с этим гадким миром, хочу заметить, что гадкий он, собственно от наших же людских гадостей, ибо первоначально, свежее испеченный в руках Господа, он был куда как прекраснее... Так вот, грань эта тоньше, чем у всех остальных людей.

– Типа, мы толстокожие? – догадался Среда.

– Ну... не все... Можно по-другому выразиться. У вас нормальный слой ауры, а у нас утонченный. И вся гадость этого мира захлестывает нас прямо в душу... Ну, конечно, не только гадость... Прекрасное тоже... Если оно «не далеко»...

– И не «жестоко».

– М-да... Так вот, алкоголь – это своеобразное обезболивающее...

– Доводящее человека до комы, – ухмыльнулся Володя.

– Ты прав, – обреченно кивнул Слобцов, – хочу в кому. Что там у нас еще под столом? – он зацепил за горлышко следующую бутылку. Представляешь, у нас целая республика в коме пребывает. Коми-а-эс-эс-эр...

– Пал Сергеевич, а мне с вами так... это... просто... Короче... от души...

– Слушай, я тебе вчера про письма в будущее рассказывал?

– Не помню. Помню, что мы хотели бросить бутылку в море, чтобы нас нашли... на другой планете...

– А еще, Володя, я до сих пор писал никчемный роман, который подло сбывался. Но вот парадокс: как только я его перестал писать, он мне такой непредвиден-

ностью по морде заехал! До сих пор с души воротит.

– Значит, надо писать, – сделал трезвый вывод Среда. – Надо писать так, как должно сбываться.

– А как должно сбываться? Тут без бутылки не разберешься. Если б ты знал, в какую... я влип... И какую женщину обидел... – Он снова налил.

– Веру Шахиневну...

– Веру... Нет у нее теперь ко мне веры... Я на ее глазах... – Он чуть, было, не сказал, но на язык подвернулось другое: – Убил Ленского!

– Не рви сердце, Павел Сергеевич. Мне вот вообще дуэли противопоказаны.

– Да уж, ты письмо Татьяне на груди оппонента пулями напишешь... Я в вас стрелял, чего же боле... Что я еще могу сказать? Теперь, я знаю, в вашей воле себе два метра заказать...

Второй раз они проснулись уже ближе к полудню. Проснулись от резкого окрика: «Рота, подъем!!!». На пороге комнаты стоял Астахов. В кожаном плаще он очень напоминал актера Тихонова в роли Штирлица.

– Скажите мне, почему я не удивляюсь? – спросил он, рассматривая батарею пустых и полных бутылок на столе.

– О!.. Андрей Михайлович! По роду службы вы найдете хоть кого хоть где, – проскрипел, открыв глаза Словцов.

Володя молча подпрыгнул, и, казалось, сейчас вытянется по струнке перед командиром.

– Город маленький, Павел Сергеевич, – задумчиво пояснил Астахов, – и кроме как у вездесущего Егорыча таким, как вы, больше быть негде. Если вы не взяли на abordаж ни один из ресторанов, значит, у Егорыча. Пьяный русский непредсказуем только для себя самого.

– Андрей Михайлович, меня Вера Сергеевна просила... – начал оправдываться Среда.

– Знаю, не рапортуй. У Робинзона Крузо был Пятница, а тут – середина недели... Хотя... – он с улыбкой глянул на Словцова, – тебе сам Даниэль Дефо достался в собутыльники.

– Я думал, насчет моей фамилии шутки в школе остались, – попытался обидеться Володя.

– Ты не думал. Это я думал и сообщил вчера вечером Светлане, что ты в срочной командировке.

Володя просветлел.

– Спасибо, Андрей Михайлович.

– Ага, можно выкрикнуть: служу мировому капиталу!

– Андрей Михайлович, как насчет кофе с коньяком? – предложил поднявшийся со своего места Словцов.

– Да не против, но сначала вам обоим надо умыться и побриться. С трудом переносу мятые лица и щетину...

– Ну прямо Петр Первый, – криво ухмыльнулся Павел, – пришел – и сразу бороды рубить.

Первым в ванную юркнул Володя. Словцов переместился к столу и привычным движением наплескал две рюмки коньяка. Одну подвинул Астахову. К его удивлению, Андрей Михайлович ершиться не стал и поднял предложенное на уровень груди.

– Лимончик заветрило, – извинился Словцов.

– Ничего, мы и без лимончика... – Астахов с видимым удовольствием опрокинул в рот коньяк. – С утра выпил, весь день свободен. И долго это будет продолжаться?

Выпивший следом Словцов сначала отдышался, потом честно ответил:

– Не знаю... Как Вера?

Теперь паузу выдержал Астахов.

– Никак. Но хочу вас предупредить, если...

– Я ее обижу, вы из меня сделаете то-то и то-то таким-то образом... – продолжил раздраженно Словцов. – Можете начинать, уже обидел. Вот только ума не приложу, как это вышло... – И Павел с явным озлоблением налил по второй.

– Не так быстро, – попросил Астахов, – сейчас мы Вову отправим домой, а вы мне все по порядку расскажете.

– Все? Даже интим?

– Детально, – кивнул Андрей Михайлович. – Ежели, конечно, вы себя мните невиноватым.

– Мню.

– Ну так, в интересах, как говорится, следствия придется говорить правду и только правду.

– На томике Карла Маркса присягнуть? – скривился Павел.

6

Колин Уайт баловал себя утренней дорожной гаванской сигарой. В сущности, он не ку-

рил, но иногда к кофе позволял себе попыет. Так, для поддержания образа жизни. Когда-то он ради спортивной формы не принимал по утрам ничего, кроме овощей и сока, но теперь несколько раздобрел, расслабился. Его сослуживцы в этом возрасте уже сидели в теплых офисах, ворошили бумаги и отдавали распоряжения. Им даже казалось, что они играют в большую политику. А Колин в это время играл в маленькие делишки за большие деньги.

Напротив него с рассеянным видом за чашкой зеленого чая сидел Джордж Истмен, плавая взглядом по страницам вороха русских газет.

– Думаю, средство уже сработало, – продолжал неторопливую беседу Уайт, – но суетиться не будем. Хорошая партия требует поддержки.

– Спешка нужна при ловле блох? – вспомнил пословицу Истмен. – Но и не передержать бы. Не стоит думать, что все там такие тупые.

– А я ни думаю. Русские интеллигенты страшные морализаторы. Если он не застрелился на крыльце, значит, обязательно уедет. Под моим соусом, – улыбнулся Уайт, – дюжина семей развалилась. Помнишь, я тебе рассказывал про индейцев Амазонки? Яномами?

Так вот, рецептик я у них на китайские побрякушки выменял. Кстати, это они меня научили не торопиться. Они часами могут притворяться деревом или травой в ожидании добычи. Но никогда не промахиваются. А в России вообще торопиться вредно для здоровья. Медленная страна.

— Медленная... — задумчиво повторил Истмен. — Будто Англия скоростная. Хотя ты прав: русские медленно запрягают, но быстро ездят.

— Опять же: это даже не сами русские сказали, это Бисмарк, который их боялся и ненавидел. Я помню одну историю в 1992 году в Москве. Тогда всем надо было срочно публично высказывать свою приверженность молодой демократии. Все торопливо выбрасывали свои... Как их?

— Партийные билеты, — подсказал Истмен.

— Точно. И хотя дураков, как водится, было больше, находились люди, у которых имелось другое мнение. Я тогда пробивал ситуацию по оборонке, слонялся по научно-исследовательским институтам, обещая самосвалы с долларами. Так вот, в одном из них я попал на показательное собрание. На нем раз-

бирали поведение одного профессора, который открыто называл демократию предательством и ратовал даже не за коммунистическую идею, а за монархию. Представляешь?

— Легко.

— Помню, выступили несколько сотрудников, директор, еще кто-то со стороны. Ох, как они гнобили этого пожилого и очень умного человека! Шоу! Ведь еще год назад они также клялись в верности Коммунистической партии и бегали к Мавзолею. Наконец, дошла очередь до профессора. И знаешь, он весьма бодро и кратко доказал им, что все они дураки. Он сказал: мне кажется, в этом зале никто, кроме меня, не понимает сущности демократии, за которую вы тут рвете глотки. Насколько я понимаю, демократия, в том числе, подразумевает возможность высказывать собственное мнение. Аргументировать, возражать и прочее. Вы же меня такого права лишаете. Примечательно, что я никогда не требовал от своих подчиненных, чтобы они придерживались моего мнения. Я никого не обещал уволить, лишить премии, как со мной было уже не раз. Я не отстранял людей от самых перспективных проектов. Я честно спорил, убеждал и оставался при своей точке зрения. Я-то предполагал,

что у нас демократия! А у нас какой-то демократический фашизм, доходящий до тяжелой стадии идиотизма. Вот я и толкую: зачем нужна демократия, если все опять должны ходить строем и петь одну песню? Ваша единственная парадигма – вождь всегда прав. Попробуйте мне возразить!

– Возразили?

– Нет, но уволили. Потом оказалось, поторопились. Профессор был одним из немногих, кто работал в сфере нанотехнологий, а еще он оказался другом большой шишки из органов госбезопасности. Поторопились... Директора сняли через неделю. Профессора восстановили. Хотя на место директора все равно назначили одного из тех, кто вместе с прежним сживал старика со свету. Так что не будем торопиться. Полагаю, что наш поэт уже пустился во все тяжкие и, как всякий русский, разводит тоску водкой.

– Водка – универсальное лекарство. Но пойми, Колин, не стоит недооценивать этого... как его?.. Словцова. Я наблюдал за ним со стороны. Даже читал его стихи. Это умный человек. Уж точно не массовая серость, жующая информационные и телевизионные шоу-программы, разработанные для нее специально

в Лэнгли. И хочу тебе напомнить, что русские поэты в крайних обстоятельствах могут быть опасны. И еще неизвестно, кто будет на его стороне из сильных мира сего.

– Уж не боишься ли ты совратителя собственной жены? – ехидно прищурился Уайт.

– А... – отмахнулся, как от мухи, Истмен.

– Да, – задумчиво вернулся Уайт к своим рассуждениям о былом СССР, – хорошая была империя. Пока она существовала, у всех нас был неплохой такой страх, заставляющий шевелить мозгами. Нынешний образ врага в лице маленьких арабских государств или узкоглазых собакоедов – это стрельба из пушек по воробьям. Мне всегда смешно: во всех странах военные ведомства называются министерствами обороны, и ни в одной не скажут честно: министерство нападения. Правда, в СССР времен перестройки оно начало разоружаться с такой ловкостью, на какую не способны даже лучшие стриптизерши.

– Россия – это все еще одна седьмая суши, – напомнил Истмен.

– А никто об этом не забыл, – хитро прищурился Уайт.

7

Третье утро в квартире Егорыча было тихим. Никто не пришел читать нотации: ни Астахов, ни Володя. Проснувшись в похмельной тишине, нарушаемой только неровным стаккато капли за окном, Слобцов порадовался жизни. Просто порадовался, потому что проснулся, а не угорел во сне от выпитого с вечера алкоголя. «Спасибо, Господи, – подумал он и потом добавил: – За то, что Ты меня терпишь». И хотя с точки зрения бранных земных дел его жизнь вновь не представляла никакого смысла (так он, во всяком случае, заставлял себя думать), была еще какая-то пуповина, связывающая его с ней. То ли пресловутый инстинкт самосохранения, то ли вступающая в свои права весна, то ли образ Веры, не дающий ему покоя ни ночью, ни днем. Полагалось, наверное, побороться за этот образ, что-то предпринимать, спасти позднюю любовь... Но русский интеллигент во втором поколении Павел Сергеевич Слобцов предпочитал похмельную тишину. Не то чтобы «на все воля Божья» (хотя от этого никуда), но лишние движения (полагал он) поднимают

ненужные волны и мутят без того мутные воды. Минут пятнадцать он стоял под душем, вытягивая из себя какое-нибудь решение: собраться и уехать, напиться и устроить дебош, найти в этом городе хоть одного англичанина и набить ему морду, позвонить Вере... Просто так позвонить... Спросить, как дела... Но ведь и она не звонит...

Был еще вариант: предаться воле случая. Просто выйти на улицу, пойти в магазин (благо деньги еще есть), купить снова спиртное и еду. Один день ничего не меняет... Или меняет? Вменяет... Невменяемых не вменяет! Ох уж это русское бытие на авось!

Этот последний вариант утвердился сам по себе, как не имеющий достойной альтернативы. Выйдя из ванной и обильно поливая себя лосьоном после бритья, Слоцов уже испытывал некий подъем и даже шутил, жалея, к примеру, что в продаже нет специального лосьона «после питья». Ну, чтобы сразу внутрь и снаружи... Ткнул кнопку на дистанционном пульте и, одеваясь, поглядывал местные новости на огромном плоском телеэкране, который явно был украшением квартиры Егорыча, занимая

на противоположной от дивана стене центральное место в кругу почетных грамот и благодарственных писем от всевозможных государственных инстанций и общественных организаций.

Телевизор, как водится, устами комментаторов напористо говорил о недостатках, но еще более напористо обещал всевозможные блага и усовершенствования. Поэтому «напористо» легко интерпретировалось в «нахраписто». Вечное русское «догоним и перегоним» создавало иллюзию всеобщей заинтересованности в каком-то движении. Другое дело, что на фоне зимы длиной в полгода никуда гнать не хочется. На печку и спать, и всякий, кто думает иначе, просто не русский человек. Поэтому очередной сюжет о сотрудничестве с «British petroleum» больше подходил к рубрике «как они нас имеют». Тележурналист вдохновенно рассказывал о поставке оборудования британскими специалистами, но Словцов уловил взглядом в общей толпе на экране лицо, которое явно не хотело попасть в объектив камеры. Мистер озабоченно скрывался за другими говорящими головами. Весьма успешно. В общем плане

можно было различить только отдельные черты. Но Слозцов легко узнал копию Зарайского.

– Я вас вижу, мистер Как-вас-там! – с ехидной улыбкой заявил он экрану.

Павел сел за стол и налил рюмку коньяка. Покручивая ее за ножку, он начал рассуждать сам с собой вслух.

– Когда вас ставят в тупик, то предполагают, что вы разобьете себе башку об стену в поисках выхода. То есть – ждут от вас предсказуемых действий, выверенных многочисленными психологами. А что, Павел Сергеевич? Как насчет непредсказуемых действий?

Он вдруг вспомнил, как в армии попал под горячую руку психически неуравновешенного начальника штаба. Это было на учениях. Младший сержант Слозцов заснул на посту в штабной машине связи. Он буквально подпрыгнул, сразу же вытягиваясь в струну, от дикого крика, густо замешенного на мате и армейском сленге. Минимум, что ему грозило, пять суток ареста на гауптвахте, где зимой можно примерзнуть бушлатом к стене, а застывший паек надо выковыривать из котелка штыкножом, которого под

рукой, разумеется, нет. Перспектива вырисовывалась весьма неприятная. Павел понимал, что влип по-глупому, и мозг судорожно искал – куда перенаправить праведный, но безумный гнев командира. И тогда он сделал то, чего сам от себя не ожидал.

– Товарищ майор, разрешите доложить! – выкрикнул он что было сил.

– Что?! Что ты мне можешь доложить, спящая красавица?! – и все же эффект был достигнут, начальник штаба был обескуражен и сбит со скорострельного матерного ритма. Оставалось окончательно выбить его из накатанной колеи.

– Товарищ майор! На наш штаб совершил налет неопознанный летающий объект, после воздействия которого я уснул.

Начальник штаба замер в недоумении, злобным прищуром оглядел Слоцова с головы до ног.

– Сержант, ты пьян? Бредишь?

– Никак нет! Неопознанный летающий объект в виде шара с зонтовидными лучами зависал над этой поляной. – Павел вспомнил, что недавно подобное видели танкисты на огневом городке, потом все писали объяснительные в особом отделе. Объяс-

нительная в особом отделе – это мелочь по сравнению с гауптвахтой.

– Сержант, ты совсем наглость потерял?!

В этот момент из кабины «Газ-66» выпал водитель Фокин. Он тоже спал, но очень быстро включился в ситуацию.

– Товарищ майор! Задолбали эти инопланетяне! – вытянулся он рядом с Павлом. Теперь уж либо обоим пропадать, либо номер пройдет.

– Он своими лучами ощупывал наши позиции! – продолжал доклад младший сержант Словцов.

– Ощупывать бабу будешь! – еще пытался сопротивляться майор.

– А потом лучи в него втянулись, и он растаял! – поддержал Фокин, который слышал, как рассказывали о своем НЛО танкисты. Несомненно, начальник штаба не только слышал, а, может, и видел его сам.

– Твою ... – впал в неопределенную растерянность майор. – Почему не доложили? Где командир полка? Почему задряхли? Воздействие?! Кто тебя сменяет, Словцов?

– Младший сержант Шебеко!

– Давай его сюда, а сами оба к особисту с докладом! Пулей! А воздействие для бессонницы я вам гарантирую, бойцы. Я вас так загружу, вы слово «дембель» забудете. Вам учебка детским садом покажется.

– Так точно! – рыкнули оба в голос.

Так или иначе, теперь оставался шанс, что начальник штаба забудет об обещанном наказании, ибо раздавал он их с легкой и тяжелой руки не один десяток в день. В полку же добавится еще одна легенда... О том, как Словцов и Фокин сдали штаб инопланетянам. По пути к особисту они уточнили детали легенды, но не смеялись. Смеяться можно, когда окончательно пронесет.

– Может, пронесет? – озвучил мысль Фокин.

– Пронесет, – криво ухмыльнулся Словцов, – вон, под той елочкой.

– Ты че задрых-то?

– А ты?

– Мне по сроку службы положено.

– А мне?..

– И че мы этим добились?

– Мы выиграли время...

– Не понял?

– Если всегда выигрывать время, то можно выиграть все. Например, спокойно дождаться дембеля. Он придет сам, его подгонять не надо.

– Философ...

Вспоминая этот давнишний случай, Словцов улыбался. Самое смешное, где-то в анналах КГБ лежат сейчас две объяснительные, на которые у уфологов руки чешутся. Они бы сейчас под Чебаркулем нашли не одну аномальную зону. Танкисты, правда, НЛО наблюдали целой ротой, и поддатый прапорщик даже открыл по нему огонь из табельного «Макарова». Хорошо, никто не догадался влупить из КПВТ или воспользоваться УРСом. На то он и огневой городок, чтобы стрелять... Утром особист с непроницаемым лицом собирал со всех показания. Массовая галлюцинация исключалась. Марксизм-ленинизм этого не допускал в принципе.

– Еще кто-нибудь видел? – спросил он тогда Фокина и Словцова, ничему не удивляясь.

Те заученно пожали плечами: мол, кто его знает.

– Спасибо, хоть палить не начали...

– А вдруг это наш неопознанный летающий объект? – поддержал Словцов.

– Вот именно, – хитро взглянул на него особист.

Оставив воспоминания, Павел встал из-за стола и нашел на книжных полках Егорыча блокнот. Он вырвал оттуда несколько чистых страниц. На каждой из них написал пару фраз, свернул в трубочки, которые, в свою очередь, опустил в пустые бутылки, стоявшие неровными рядами у стола.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

– Вера Сергеевна, мне кажется ваш... э-э... работник... утратил некоторую адекватность... – как-то неуверенно докладывал Астахов.

Вера посмотрела на него с вопросом и потом озвучила:

– Как полагается русскому неудачнику – пьет?

– Да не то чтобы... Зато закапывает бутылки в сугробы...

– Куда? Бутылки?

– Ну да... С посланиями.

– Кому?

– Трудно сказать. Мы только две отрыли. Потом мои ребята сказали, что один тип

за ним тоже бутылки откапывает. Но самое интересное, что Словцов, похоже, об этом знает.

– Что за послания?

– Ну вот, например, вам. «Вера Сергеевна, ждите марсиан. Любящий вас землянин», – прочитал Астахов.

– Что думаешь, Андрей Михайлович, насчет психиатров?

– Да нет... Похоже... Ну вот еще:

“Когда моей рукою недостойной

Я мог твою святыню оскорбить,

Позволь губам моим, двум пилигримам,

Мой сладкий грех лобзаньем искупить”.

– Что это? Словцовские вирши?

– Никак нет, это, Вера Сергеевна, пришлось специалистов подымать, это Шекспир, слова Ромео.

– И?..

– Полагаю, он, с одной стороны, что-то хочет сказать, с другой – вводит всех в заблуждение. Очень тонкая игра. В такую играют разведчики, которым плотно сели на хвост.

– Шекспир... бутылки... хвост... – задумчиво повторила Вера.

– Володя сказал, что он в детстве закапывал бутылки с письмами, надеясь, что их отроет кто-то в будущем. Бзик такой был у будущего поэта, в фантастику играл. И вот еще что. В соусе...

Вера вскинулась на эти слова.

– Да-да, в том самом соусе к рыбе с вашего стола обнаружена смесь соков, ингредиентов растительного происхождения. Точно смогли установить только один из них. Произрастает в Южной Америке...

– Но они могут туда входить, ведь соус импортный?

– Нет. Мы проверили. В аналогичных упаковках ничего подобного.

– Бред какой-то...

– Да. Каждый из них по отдельности ничего особенного собой не представляет, хотя некоторые схожи по воздействию с наркотиками. Другой вопрос, что дает смесь. Отведать мы как-то не решились. Может, если санкционируете, попробуем на ком-нибудь?

– Андрей Михалыч, мне кажется, я уже видела это воздействие в действии, прости за тавтологию. Что нам делать?

– Ну, если вы не поставили на нем крест, то самое лучшее, это немного подождать. В

таких случаях лучше всего любые проблемы решает время.

– А не упустим чего-нибудь? Помнишь, тот случай на охоте? Следовательно до сих пор не успокоился.

– Все под контролем. А следователя успокоим. Хотя... – Астахов задумался, – хотя служебное рвение поощряемо и, возможно, стоит его подтолкнуть в нужном направлении...

2

Джордж Истмен сидел напротив телефона, гипнотизируя кнопки набора. Уайт крутил в руках стакан с виски.

– Разве это «скотч»? Где его делают? В Польше? – недоумевал Уайт.

– Скотчем здесь называют клейкую ленту, которая применяется, в том числе, для заклеивания говорливых ртов. А этот напиток они называют «вискарь» или «английский самогон». Лучше скажи мне, Колин: похоже, ситуация с твоим блестящим шпионским детективом выходит у тебя из-под контроля?

Уайт театрально вздохнул, всем своим видом выражая ленивое равнодушие. Глотнул из стакана, поморщился и кашлянул.

– Надо перейти на водку. Или что там Черчилль от Сталина в подарок получил?

– Армянский коньяк. Настоящего ты все равно не купишь. Лучше действительно пей хорошую водку. Ты не ответил на мой вопрос...

– Да нет никаких вопросов, Джордж. Признаюсь тебе, я ожидал другого развития событий, но не произошло ничего, что нарушило бы наши планы. Во всяком случае, фигуры разделены, партия продолжается. Патовой ситуации тоже нет. Я знал, что русские... как это сказать... взбалмошные. Мне еще дед рассказывал. В конце Второй мировой он как-то сидел в компании с русским майором, который после двух стаканов водки рвал на себе мундир: мы костями ляжем, но добьем фрицев, первыми придем в Берлин. На что мой дед резонно ответил: а мы постараемся вернуться домой.

– Типичный английский подход к делу. Отсидеться на своем острове.

– О! Ты передумал быть англичанином?

– Нет, но мой дед был на той стороне...

– Извини, ничего личного.

– И все же, ты до сих пор считаешь, что я не должен звонить Вере?

– Позвони. Сразу станет ясно, по чьим нотам разыграна пьеса. Тебе не хватает поддержки настоящего джентльмена.

– Боюсь, пока мы тянем, поэт напишет пару проникновенных стихотворений... И... вернет расположение моей, – он подчеркнул последнее слово, – жены.

– Пока в этом доме будет еще одна женщина, вряд ли.

– А эта женщина, напомню тебе, Колин, мать моего сына.

Уайт выпил залпом содержимое стакана и на этот раз не поперхнулся.

– Начинаю привыкать. К этому, – он кивнул на стакан, – привыкнуть можно, но к твоим любовным треугольникам и ромбам – вряд ли. Самое неприятное, Джордж, что нас начали пасти. Я пока не знаю – кто, но мне это очень не нравится. Понятно, что мы и без того в поле зрения ФСБ, но у меня нет никакого желания дразнить ленивого русского медведя.

– Да уж, британскому льву этого делать не стоит, – ерничая, подмигнул Истмен. – Лучше скажи, что значит эта писулька из бутылки? – кивнул он на блокнотный лист на столе.

– Ты же у нас специалист по русской душе? – обиженный за британского льва вскинулся Уайт.

– Прости, дружище, но все-таки, что ты об этом думаешь?

«О, если б плоть столь крепкая моя

Могла расплавиться,

Растаять,

Или росой обернуться!

О, если б заповедь Господня

Не запрещала нам самоубийства!

Мне вдруг дела мирские опостыли.

Как утомительны они и как бесцельны!

Как сад заброшенный, поросший сорняками,

Мир, что во власти грубых и вульгарных сил,

Мне стал противен».

Откуда это?

– Джордж, надо знать классику! Обратный перевод был для меня труден, но я сразу распознал «Гамлета».

– И к чему эта чушь в бутылках?

– Это не чушь, Джордж, это Шекспир. В сущности, эта фраза вечна, применима к любому времени, где есть власть. Покуда «мир, что во власти грубых и вульгарных сил».

– И что? Ничего нового!

– Клиент оказался больше жив, чем мертв. И умнее, чем ранее казалось.

– Вот я и думаю. А ты мне все про рокировки... Не пора ли переходить к плану «Б», Колин?

– Я бы повременил. Вера Сергеевна, как я понимаю, тоже не дура, и если после смерти Словцова произойдет воскресение господина Зарайского, ей, воленс-ноленс, придется сопоставить эти события.

– О-о-о! – потерял, наконец, самообладание Истмен. – Какого лешего я затеял эти игры! Для чего выживать, если не можешь жить так, как тебе нравится?!

– А никто не может, – спокойно возразил Уайт, – даже самые могущественные люди. – Он снова налил себе из бутылки, принялся и смущенно заявил: – А теперь мне кажется – это «Джонни Уокер».

– Господи, Колин, – усмехнулся Истмен, – точно ты не знаешь, сколько виски поставлено в Великобританию из Восточной Европы в обратном порядке! Поди теперь – разберись!

– Да, помнится, я сам толкнул партию такого пойла ортодоксальным шотландцам.

А что? Выгодная была сделка. Я наварил на ней даже больше, чем на продаже оружия в Чад и Ирак.

3

Только один раз за эти дни Павел прогулялся в район, где жила Вера. Захотелось сменить вид из окна на вид с улицы. Да и вида из окна, собственно, не было... На улице он был один, тут чаще ездили. Узкие тротуары жались к высоким стенам, а глухие особняки жались друг к другу разномастными заборами, подглядывая на улицу глазками видеокамер. Видимо, Павел был очень похож на зеваку, потому как обогнавший его еще один редкий пешеход обернулся и сказал:

– Чему удивляетесь? «Долина нищих».

Во всем его виде сразу угадывался советский интеллигент, который еще двадцать лет назад на кухонке своей хрущевки приближал долгожданное время демократии и цитировал коллегам статьи из журнала «Огонек». А теперь, выжатый этой самой демократией на обочину жизни, пользовался единственной своей привилегией – воз-

возможностью выражать свое мнение по любому поводу.

– «Долина нищих»? – переспросил Словоцков.

Мужчина сразу обрадовался возможному единомышленнику, торопливо протер линзы поношенных роговых очков, будто хотел внимательнее рассмотреть Павла, и продолжил:

– Да-да... Именно так называют этот район в народе. Вы, наверное, не местный?

– Да таких, – Павел обвел взглядом маленькие крепости, – в каждом городе, а в больших – не по одному, – рассудил Словоцков.

– Вот-вот! Думают, что отгородились от жизни, от всех остальных, полагают, что за забором можно спрятаться от общего неблагополучия. Но в один прекрасный день они выглянут на улицу, а она будет абсолютно пуста! Всё! – мужчина сделал многозначительную паузу. – Народ вымер! От алкоголя, от наркотиков, от собственной дебильности!..

– «И тишина... И мертвые с косами стоять...» – с улыбкой вспомнил Павел Крамарова в фильме «Неуловимые мстители».

– Зря смеетесь! – обиделся борец за справедливость.

– Я уже давно не смеюсь, – глубоко вздохнул разочарованный недалёковидностью собеседника Словцов. – Но даже если сровнять эту «долину нищих» с землей, то нищих станет больше, а богатых не прибавится. Проверено в тысяча девятьсот семнадцатом.

– Вы не понимаете. У нас не так много бизнесменов, в основном чиновники! Откуда у них такие деньги?

– Чиновники? Значит – лучшие борцы за демократию. Так что вам не стоит переживать. Вы, как я понимаю, радовались, когда Ельцин взгромоздился на броневик, а ГКЧП невнятно бормотало о спасении Родины?

– А вы вели себя по-другому?! – вскинулся мужчина.

– Да. Я уже тогда чувствовал, что все эти митинги – это что-то не то. Столько было фальши. А все эти пляски на костях Сталина напоминали мне пляски на костях империи.

– Так вы сталинист? Сталинист! Из-за таких, как вы, надвигается эра нового тоталитаризма!

– А вы дурак, – равнодушно ответил Словцов, – и дедушка ваш в семнадцатом году Зимний брал, в двадцатом – вырезал казачес-

тво, а его дедушка в девятнадцатом веке симпатизировал блудливым декабристам.

Павлу стало неинтересно до боли, он повернулся и отправился обратно, в сторону улицы Мира. Славен город, в котором есть улица Мира! Но вслед ему еще долго неслись разного рода ярлыки и ругательства, словно это Словцов был виноват, что у этого человека нет на этой улице своего особняка. Явно он не настоялся на митингах. Да и не было их в Ханты-Мансийске. Есть такие города, которым митинги противопоказаны, а если и бывают, то только по заданию партии и правительства, как демонстрации в советские времена.

Дома уже после полуночи он застал Егорыча. Тот сидел на стуле и с явным интересом изучал этикетки бутылок пустых, початых и полных.

– Восполнял пробелы вкуса, – пояснил Павел разнообразие тары.

– И заливал горе, – дополнил Егорыч.

– Ты не Егорыч, ты Горыныч!

– Да бросьте вы, Штирлиц! Лучше скажи, на чем прокололся.

– Ты будешь смеяться, но я скажу банальную киношную фразу: меня подставили.

– И ты-ы-ы?.. – протянул в бороду Егорыч.

– Бес попутал с домработницей. Возможно, несколько раз, но за несколько минут.

– Да ты у нас сексуальный террорист.

– Вот именно – у вас! В средней полосе России я был среднестатистическим мужчиной и среднестатистическим поэтом.

– А со мной выпьешь?

Словцов с сомнением поморщился.

– Как всегда, с хорошим человеком – уже и не хочется, – притворно обиделся Егорыч.

– Не знаю, как Среда, а я чуть не дожид до воскресения после таких возлияний.

– Не настаиваю, – согласился Егорыч, наливая себе «Царской водки».

Но выпить он не успел, потому как подоспела компания. Без стука, но прилично хлопнув дверью, в комнату ввалился Хромов.

– И мне для сугрева, – с порога попросил он, глядя на стакан в руке геолога.

– А ты, пиит, теперь разъясни мне, чего значат твои «эсэмэски»? «Если друг оказался вдруг»? Или вот этот бред (далее он читал с дисплея телефона): «Удалены от мира на кладбище,/ Мы вновь с тобой, негаданный мертвец./ Ты перешел в последнее жилище,/ Я всё

в пыли, но вижу свой конец./ Там, в синеве, мы
встретим наши зори,/ Все наши сны продлятся
наяву./ Я за тобой, поверь, мой милый, вскоре/
За тем же сном в безбрежность уплыву».

– Это не бред, это – Блок, – спокойно
пояснил Словцов. – Стихотворение называется
«На могиле друга».

– И не лень тебе было все это наби-
вать?

– Надо было хоть чем-то развлечься.

– А я прилетел сюда, чтобы восполнить
пробелы в школьной программе по литерату-
ре? – ухмыльнулся Хромов, принимая от Его-
рыча стакан.

– Возможно и для этого, Юрий Макси-
мович.

*«Душа его от глаз пророка
Со страхом удалилась прочь;
И тень его в горах Востока
Поныне бродит в темну ночь,
И под окном поутру рано
Он в сакли просится, стуча,
Но внемля громкий стих Корана,
Бежит опять, под сень тумана,
Как прежде бегал от меча,» –*

процитировал Павел.

– «Гарун бежал быстрее лани!»! – вспомнил школьную программу Хромов неожиданно даже для самого себя. – Лермонтов! Ух, меня наша русичка заставила выучить. А мне понравилось! Мораль сей басни: предательство влечет за собой смерть Иуды... Я прав, учитель? – с наигранным почтением спросил Хромов.

– Абсолютно, – подыграл Словоцов. – А тот человечек, который обычно стоит у ресторана «Прага»?

– Он уже там не стоит, в данный момент он лежит в такси у подъезда. Удивительный паренек, смерти не боится, а летать – глаза зажмурил – и рюмку за рюмкой. Мы с ним весь запас коньяка в самолете выпили. Точнее – он. Я теперь очень сильно воздерживаюсь, – он задумчиво посмотрел на бутылку в руках Егорыча, – плесни-ка, дружище, пока доктора не видят. – Быстренько выпил содержимое рюмки, крикнув от удовольствия, и снова воззрился на Словоцова: – Так в чем, Паша, суть дела? Тема какая?

– Тема, Юрик, – подыгрывая ему, ответил Павел, – вечная. Любовь. И прежде чем ты захочешь набить мне морду за Веру...

– За веру, царя и Отечество?! За это морду не бьют, Павлик. За это убивают на войне.

– Не ерничай, надо притащить сюда моего тезку и отпустить такси. Потом я все расскажу.

– Мне можно присутствовать? – спросил Егорыч.

– Нужно, – коротко отрезал Павел.

– А в магазин? – поинтересовался Хромов.

– Все уже есть, – кивнул Слобцов на батарею емкостей под столом.

– Угу, – удовлетворился тот, – хорошо подготовились. Чувствую, предстоит научно-практическая конференция «за жизнь».

Все вместе они притащили почти безжизненное, что-то лепечущее тело Паши в комнату.

– Нашатырь? – спросил Слобцов у Егорыча.

Тот кивнул и полез в аптечку. Порылся в коробке, достал ампулу, вскрыл ее и выплеснул на ватку. По квартире поплыл резкий запах аммиака.

– Вы присутствуете на парапсихологическом эксперименте, – предупредил Слоб-

цов, морщась, поднося к носу Паши «благоухающую» вату.

Тот ответно поморщился и открыл глаза.

– Сели? – спросил он.

– Прокурор посадит – сядем, – хохотнул сверху Хромов.

– Паша, ты хоть немного в себе? – Словцов с надеждой рассматривал его мутные глаза. – Хочу проверить твои способности. Ты... Ну, как эти экстрасенсы по телевизору... По фотографии можешь?

– Я не пробовал...

– Посмотри, – Павел достал из кармана свадебную фотографию Зарайских, где, кстати, маячил на заднем плане свидетель Хромов, – на жениха посмотри, этот человек жив?

Пока Паша наводил резкость, пытаюсь сосредоточиться, Хромов тоже рассмотрел фотографию.

– Э?! Че здесь происходит? – с пол-оборота завелся он, сразу напомним, как выглядели братки 90-х.

– Юра, – почти нежно попросил его Словцов, – не кипятись раньше времени, я же тебя попросил – потерпеть. Потом, если считаешь нужным, забьешь «стрелки», на них набьешь морды, а сейчас дай этому чудо-ал-

коголику вникнуть в суть изображения. Так он жив? – снова спросил он у Пашки.

– Как Ленин, живее всех живых, – резюмировал осмотр Паша. – Если нальют, можно попробовать поточнее.

– Вы че, цирк тут устраиваете? – накалялся Хромов.

Егорыч задумчиво молчал, тревожно поглядывая то на Павла, то на Хромова, то на новопротрезвленного экстрасенса. Словцов же заседал:

– Паш, у Юрия Максимовича один только подзатыльник триста килограммов весит, ты уж поясни ему – при чем тут Ленин?

– Как при чем? Ленин умер? Умер! Но он жив? Жив!

– Проще, Паша, проще... Пока Юрий Максимович нас обоих в Мавзолей не отправил.

– Куда уж проще! – окончательно протрезвел Паша. – Этот человек умер, но он жив.

– Как жив? Что за хрень? Ты че, Словцов, хочешь сказать, что этот бомжара – ясновидящий? – озадачился Хромов.

– Я не бомж, у меня квартира в Москве, комната то бишь! Я бич – бывший интеллигентный человек, – спокойно пояснил Пашка и, по-

вернувшись к Словцову, добавил: – Помнишь, я тебе говорил, что на тебя охотятся? Так вот, этот тип и есть.

– Так, парни, – окончательно зависло сознание Хромова, – мне этой вудистики не надо...

– Юра, – прервал его Словцов, – вот теперь сядем, посидим, выпьем, и я все тебе спокойно расскажу. При этом я рассчитываю на твою помощь, заморачивать тебе мозги – не в моих интересах. Ну, сядь ты!

Хромов, шумно переводя дыхание, сел, следом опустился на стул Егорыч, потом уже Словцов. Он еще раз осмотрелся по сторонам, словно мог что-то забыть. Удовлетворенный осмотром, он начал:

– С чего начать?.. Гм... После того, как мне продырявили плечо, я начал писать роман...

4

– Надо уезжать, Колин, – сказал Джордж Истмен, – я здесь слишком заметен. Слишком. Не хочу потерять из-за какой-нибудь нелепости то, к чему шел восемь долгих лет. Даже

здесь, казалось бы, на отшибе, я не чувствую себя спокойно.

Они сидели в номере люкс отеля «Югорская долина». Подойдя к окну, за которым сияла его вечерняя иллюминация, Истмен продолжил:

– Вот, там безбрежные пространства, тайга непролазная, а вокруг тебя все сжимается так, что получается весьма маленький мирок. Все твои психологические игры... Все это... Плохо ты знаешь русский менталитет. Я понял, что делает Словцов. Он за нос нас водит! А я все это время это же самое время терял!

– Успокойся, Джордж, – пытался остановить его Уайт.

– Я уже однажды упокоился и успокоился! Пока мы тут ждем результатов действия амазонских снадобий, Словцов может вернуть себе Веру. Я глуп, Колин! Я беспробудно глуп! Я приехал сюда по глупости! Тоска по родине? Дерьмо! Я ее себе запретил! Я приехал и непреднамеренно убил своего отца! Не надо было мне соваться в эту Россию.

– Возьми себя в руки, Джордж...

– Пора в ноги себя брать! Руки в ноги – и дергать! В родное Соединенное Королевство! Надо было Веру туда выманить. Что – шансов

у нас не было? За хорошим контрактом она бы и в Парагвай поехала. – Истмен маятником метался по комнате.

– Джордж, ты сам решил сюда ехать, – заметил Уайт.

– Но ты бы мог это предвидеть?

– Вот я даже сейчас не понимаю – с кем я разговариваю: с английским джентльменом или русским психом?

– Самое главное, что сейчас этот поэтишка может сделать несколько таких шагов, что мне ничего не останется...

– Как ввести план «Б».

– И навсегда потерять Веру. Придумай, Колин, как можно выманить ее куда-нибудь в Европу. Там я еще что-нибудь попытаюсь сделать. А отсюда надо немедленно уезжать.

– Я предлагал тебе снять квартиру. Мы оба говорим по-русски... Мы бы затерялись и в этом небольшом городе. С моим-то опытом. Но ты захотел остаться в роскоши, чтоб тебе с утра подавали овсянку с мюсли и кофе в постель. Чтоб каждый день тренажерный зал и спа-салон! Чтоб машину к подъезду... И ты сделал вид, что вообще не знаешь и знать не хочешь русского языка. Вот тут ты – чуть ли не представитель палаты лордов!

– Да, ты прав, – остыл вдруг Истмен и сел на край кровати. – Что ты думаешь?

– Я думаю, он – не Махатма Ганди, и с его ходом мыслей мы справимся. В одном ты прав, Джордж, нам пора отсюда сматываться. Плохую работу на таком холоде можно делать чужими руками. И мой ход не был ошибкой. Госпожа Зарайская – это настоящая леди, а такие не забывают быстро даже случайных мужских ошибок. Время у нас пока есть. Сюда мы еще вернемся... – Уайт погрузился в задумчивость.

– Когда?

– Когда из-за всемирного потепления затопит Британские острова, – ухмыльнулся Уайт.

– Что он может предпринять?

– Самое банальное – пробить нас по гостиницам, явиться сюда вместе с твоим другом детства...

– Хромов здесь?

– Прилетел сегодня ночью... И тогда тебе очень трудно будет остаться подданным Ее Величества. Ибо Хромов, как твой отец, за сердце не схватится, в обморок не упадет.

– Я знаю, за что он схватится... – Истмен начал нервно покусывать губу. – Слушай, Колин, ты профессиональный разведчик, скажи,

неужели у всех этих писателей такой цепкий взгляд? Даже Вера меня не вычислила!

– Есть, Джордж, еще такое понятие – стечение обстоятельств.

– Стечение?

– Ну да, они, как вода из ванной, стекаются в одну воронку. Мы в 1991-м полагали, что русская разведка сдохла. А они увели у нас из-под носа в иракской пустыне приборы со «Стелс». А вспомни бравый марш-бросок десантников в Приштину? Другое дело, что обстоятельства складывались так, что это не стало победой. Видит Бог, займи они круговую оборону, части НАТО даже не сунулись бы в их зону... Но этих десантников предали еще до того, как они родились.

– Причем здесь русские десантники в Приштине или американские в Сомали? – раздраженно спросил Истмен.

– При том, что и мы с тобой прокололись где-то в самом начале. И в этой непредсказуемой стране обстоятельства складываются не потому, что их кто-то разрабатывает, а потому, что так уж происходит. Мы живем по часам на Биг Бене, а русские – по обстоятельствам.

– Да уж... В начале девяностых я был в этом городе. Тогда важно было присосать-

ся к трубе. Сюда даже приличные самолеты не летали. Это был колхоз. Самый настоящий колхоз! И не было ни малейшей надежды, что он станет похож на город, причем на европейский город. А тут – посмотри – осталось только несколько штрихов, и будет Абу-Даби в снежной пустыне.

– У нас есть одно преимущество, Джордж.

– ???

– Русские всегда побеждают, но не умеют пользоваться своими победами.

– Пожалуй, – согласился Истмен. – Надо собираться и уматывать. Я бы не хотел сейчас встретиться с моим лучшим другом Хромовым, думаю, он сейчас меня не поймет. Может, позже. Если его все-таки не придется убирать. Тем более – он никогда не был и не мог бы стать джентльменом. Да, надо уезжать. Если этот поэтишко о чем-то догадывается, то ничего хорошего это нам не сулит.

– Когда в тебе просыпается твой холодный расчет, помогающий тебе зарабатывать миллионы, я тоже чувствую вдохновение, Джордж, – сердечно поделился Уайт. – Хотя иногда даже мне становится

страшно, вдруг тебе придет в голову, что и я лишний?

– Ну, Колин, в этом случае, с твоими навыками, ты меня опередишь, – улыбнулся Истмен. – Лучше думай, как нам не проиграть партию вчистую.

– Думаю, я еще оставлю им сюрприз.

– Только не промахнись, как в аэропорту...

– Джордж, ты же знаешь, я давно сам не делал грязной работы... Так, развлекся... В конце концов, это все равно доставило тебе удовольствие. Ну и вторичные цели были достигнуты: ты увидел – с кем и как она приехала в Москву. То есть – моя наблюдательность оказалась точнее, чем мой выстрел.

– Я иногда думаю, Колин, что когда в «Ми-6» не ценят таких людей, как ты, они буквально рубят сук, на котором сидят.

– Спасибо. Но, уверяю, такие, как я, бродят вокруг конторы стаями, готовые сожрать друг друга еще до того, как они сожрут врагов британской короны.

– Ты никогда не говорил мне об этом, – удивился Истмен.

– Если бы я говорил все, что я знаю, сколько бы я стоил?

Собрались быстро. Из гостиницы юркнули в салон неприметного такси и на скрипучей «пятерке» рванули в аэропорт.

Перед тем как скользнуть в VIP-зал, Уайт ринулся к телефону. Истмен приостановился, вслушиваясь, как он говорит, искажая голос и речевую манеру. С другой стороны провода слышали простоватого русского старичка с немного хриплым голосом:

– ... Да, да, он не просто странный, он подозрительный. Поселился у нашего соседа, чего-то на чердаке прячет. Да откуда мне знать, вы проверьте, я же вам сигнал делаю, а вдруг террорист?! У вас же «вихрь-антитеррор», значит, вихрь должен быть... Я – кто? А зачем? Мало ли что? У вас же телефон доверия? Или недоверия? Ну... Я и говорю... Доверять надо бдительным гражданам! Проверить-то чего стоит? Он, может, просто не в себе, а может и чего! Да, на чердак несколько раз лазил. Не, я не проверял. Боюсь, конечно. А вдруг он заминировал! Полезешь, а там – Аллах акбар! И всему дому – акбар! Кто ж его знает? Да уж, вы проверьте... Если что, я сразу еще позвоню, но вы сильно-то не тяните... До свидания! Ага... До свидания...

5

После рассказа Павла Хромов погрузился в угрюмую задумчивость, машинально крутя в руках бокал, из которого несколько минут назад выпил коньяк. Пашка с тоской смотрел на початую бутылку, но боялся нарушить возникшую тишину, Егорыч смотрел в стол, Слобцов – на Юрия Максимовича. Прошло несколько минут, когда Хромов не своим, глухим, сдавленным голосом спросил:

– За что он в меня стрелял?

– За Веру, – тут же включился Павел.

– За Веру... Правоверный..., – ругнулся Хромов.

– Выходит, – продолжил Слобцов, – и мне по заслугам досталось. Но, полагаю, это не последняя моя пуля.

– С тобой мы квиты, поэт, по одной пуле имеем. Я сейчас умную мысль скажу, ты не удивляйся. Я не только бабло считать умею и конкурентов устранять... – Хромов внимательно посмотрел на Павла. – Вся твоя история невероятна, но чем более невероятна, тем больше похожа на правду. Я на его могиле поклялся отомстить его убийцам. Вера меня и в этом опередила. А вы-

ходит, мы с ней оба... Мимо кассы. – Он снова замолчал, оценивая собственное внутреннее состояние, и, определив, сделал вывод: – Так хреново, что даже выпить не хочется...

– А я бы вот... – начал, было, Паша, и Егорыч понимающе плеснул ему в рюмку.

– Только не усердствуй, – предупредил геолог.

– Мы с ним жили в одном дворе, – продолжил Хромов, – и я помогал ему драться за его имя.

– За имя? – переспросил Егорыч.

– Ну да, он терпеть не мог, когда его называли Жориком, и требовал, чтобы звали Георгием. Тех, кто не соглашался или подтрунивал над ним, – мы били. А я в душе все равно его Жориком считал. Жорик – он и на Арбате, и в Африке Жорик. Но он из себя сделал-таки Георгия Михайловича. Пути-дорожки разошлись, когда он поступил в МГИМО, а я еле отмазался от первой ходки, пришлось вместо зоны выбирать казарму. Снова столкнулись, когда начался передел-беспредел собственности. Кто успел – тот и съел. В одной упряжке – столько лет... Его отец – идеальная крыша... Ну и братва своя не лыком шита... Я ему столько раз задницу при-

крывал!.. Может, он не русский? Что в нем русского, раз он так поступил?

– Отец у него нормальный русский генерал был, – вставил Словцов.

– Да уж... Михал Иванович... На таких империи держатся... Ты мне вот что скажи, Павел, ты же мне не просто так «эсэмэски» слал? У тебя план какой-то есть?

– Пока только отдельные мысли. Да и, боюсь, как бы не опередили меня. Самое главное, чего хочет Вера. Вот этого, после всего, что произошло, я не знаю.

– Нет, у меня в башке не укладывается! – то и дело заводился Хромов. – Уж если с чего начинать – у него наследник по Москве без родителей болтается! На это ему наплевать! А ты, Павел, если подумать, два раза ему рога наставил!

– Покойникам, – напомнил Словцов, – рога не наставляют. К тому же второй раз, я полагаю, был инсценирован самим господином... как его там?

– «Мыльная опера», – вставил Егорыч.

Паша тем временем снова потянулся к бутылке и, обрадовавшись, что никто не обратил на это внимания, быстренько наполнил рюмку и выпил.

– Паша, это не эликсир жизни, – попытался урезонить его Егорыч.

– Не переживайте, я не буйный, могу только уснуть, – примирительно ответил Паша.

– Да, – согласился Словцов, – надо выспаться. В любом случае, утро вечера мудренее.

– А я бы сейчас его поискал, – не унимался Хромов.

– А он сидит и ждет? Да и какое теперь у него имя? – высказал сомнение Словцов. – А, главное, для чего искать?

– Репу ему развалить! По-дружески, от всей души! В конце концов и из конца в конец, в этом городе не так много иностранцев. Гостиницы прошерстить...

– Не факт, что администраторы с улыбкой предоставят нужную информацию. Напоминаю, в этом городе милиция и сервис взяток не берут, – сообщил Егорыч.

– Но он вполне может снимать квартиру, – предположил Словцов.

Пашка, зевая, добавил свою экстрасенсорную информацию:

– Кто вам сказал, что они будут вас ждать?

– Они? – хором спросили остальные.

– Ну да, во всяком случае, их никак не меньше двух. Плюс те, кого они наняли.

– Сейчас объявлю общую тревогу, – схватился Хромов за мобильник, – братва на стратегических бомбардировщиках сюда прилетит.

– Зачем сюда? – удивился Паша, под сурдинку наливая себе новую дозу. – Надо как раз в сторону НАТО лететь. А это чревато третьей мировой войной.

– Какая третья? – поморщился Слобцов. – У нас еще первая не закончилась. Давайте не будем суесться.

– Все, надо спать! – принял за всех решение Егорыч.

– Да у тебя здесь всего две кушетки, – заметил Хромов.

– Есть еще надувной матрас... Большой...

– Остаться здесь небезопасно, – из каких-то своих соображений заявил Пашка, – но мне здесь нравится, – он с явным вожделением посмотрел на бутылки со спиртным.

– Павел, ты это, ты все-таки разъясни товарищам – чего ты замутить хочешь?

– Утром, – согласился Павел, который вдруг почувствовал нешуточную усталость.

– Ага, утром, – передразнил Хромов, – мне знаешь, сколько выпить надо, чтобы уснуть?

– Ну, тогда не будем рассусоливать, – поторопил Егорыч, наливая в рюмки коньяк.

– Да, не следует... – поддержал Паша.

6

Утро, возможно, и было мудрее, но явно не тянуло на доброе. К стуку в головах добавился назойливый стук в дверь. Явно кулаком. Словцов согнулся, сев на надувном матрасе, и осмотрелся. Рядом поднялся Егорыч. Московские гости еле подавали признаки жизни на спальных местах первого класса. Хромов пробурчал что-то, не открывая глаз, посылая всех и вся намного дальше общепринятого. Во всяком случае, букв там было значительно больше трех, а место было указано с художественно описанной точностью.

Павел отхлебнул минералки из пластиковой бутылки и передал ее Егорычу с вопросительным взглядом: кому открывать? Егорыч выпил остатки и, кряхтя, побрел в прихожую, продолжая начатую Хромовым тираду.

– Ну кто ж такой настырный? – задавал он вопрос замку, который не открылся с первого раза.

На пороге стояли два милиционера: «старлей» и сержант.

– Есть хозяин? – спросил старлей.

– Я, – признался Егорыч.

– Храните на чердаке свои вещи?

– Нет, туда соседи старый хлам складывают. А я здесь живу не так уж часто, больше на буровых.

– У вас кто-нибудь жил в последние дни из ваших знакомых?

– Я жил, – подал вдруг голос Пашка.

Словцов и проснувшийся Хромов посмотрели на него с удивлением, на что он моргнул обоими подпухшими глазами: мол, так надо.

– А ваши вещи на чердаке есть? – спросил старлей, без разрешения войдя в комнату.

– Э-э-э... – будто вспоминая, потянул Пашка, – бутылки с записками.

– С записками?

– Ну да.

– С какими записками? – прищурился милиционер.

– Ну... стихи там разные. Блок, Шекспир, Заболоцкий... Слыхали о таких? Читать-то, конечно, не читали, но, полагаю, слышали.

– Читал, на чердаке, – ухмыльнулся «старлей». – И к чему вам это?

– Хобби... Нравится мне так. А что, запрещено?

– Нет... А еще ваши вещи там есть?

– Если я скажу, что нет, вы поверите? – Пашка уже подошел к столу, плеснув себе в рюмку остатки коньяка и стремительно выпил.

– Злоупотребляете? – спросил сержант, который все это время молчал.

– Добро употребляю, – ответил, отдышавшись, Пашка.

– А в чем дело-то? – включился Хромов.

– Вы – кто? – вопросом на вопрос ответил «старлей». – Документы давайте посмотрим.

– У вас что – ордер? – спросил Егорыч.

– Хуже, документы давайте. И без резких движений, – предупредил сержант.

– Твою мать... – выругался Егорыч, доставая паспорт из куртки, которая висела в прихожей.

Вслед за ним паспорта стали извлекать остальные.

– Они вам кто? – спросил сталеи Егорыча, изучая документы.

– Друзья.

– Где трудитесь, Павел Сергеевич? – спросил Словцова «старлей».

– Советник президента «Траст-Холдинга», – спокойно ответил Словцов.

– А регистрация?

– Документы оформляют...

– Вы? Из Москвы? – глянул исподлобья на сурового Хромова милиционер.

– Из нее... Тема какая, лепи давай, че тянуть?

– Когда прибыли?

– Вчера.

– Билет есть?

– Есть.

– Да вы успокойтесь, Юрий Максимович, никто же вам руки не заламывает.

– Ага, у кого свои лишние – пусть попробует.

Старлей оставил его наглость без внимания и перешел к Пашке.

– Павел Леонидович. Ага. И давно здесь живете? Работаете?

– Инвалид умственного труда, живу несколько дней, работать мне вредно, – отпартовал Пашка.

– Бутылки, значит, ваши?

– М-да, я вот очень люблю полные, – Пашка скрутил с очередной пробку, вновь себе наливая, – а пустые ненавижу, потому заполняю их духовным опытом человечества.

– А как насчет снайперских винтовок? – осторожно спросил «старлей».

– Никак. У меня на службе был другой профиль. Нейролептонное оружие. Знакомо вам?

– Так или иначе, вам придется проехать с нами. И остальным тоже, до выяснения.

Егорыч тут же стал дозваниваться до кого-то по сотовому. Пашка же скептически посмотрел на милиционеров и снова себе налил.

– Вам часто приходилось арестовывать кавалеров ордена Ленина? – спросил он.

– Чего? – не понял сержант.

– Шутите? – усмехнулся «старлей».

– Отчего же, – Пашка достал из внутреннего кармана потертого пиджака маленькую красную книжечку.

Хромов, увидев ее, присвистнул. Словцов поменялся в лице. Старлей, изучив содержимое, спокойно заметил:

– Это ничего пока не меняет.

– А это? – Егорыч протянул ему мобильный.

– Кто там? – спросил «старлей».

– Узнаете.

– Старший лейтенант Бусыгин. Слушаю... – Он тут же стал заметно напряженной. – Да, я понял, но есть серьезные обстоятельства. Товарищ полковник, я все понимаю... был сигнал. Там... Да... На чердаке обнаружено огнестрельное оружие – снайперская винтовка. Это не шутки. Надо все проверить. Да, насчет Василия Егоровича понял. Понял, товарищ полковник. Хорошо, доложу.

Отключив трубку, «старлей» протянул ее Егорычу, окинул оценивающим взглядом всю компанию.

– Вам, – сказал он Пашке, – все равно придется проехать с нами. Надеюсь, ненадолго. А вы, Василий Егорович, как думаете, кто из соседей испытывает к вам неприязнь?

– Таких нет, это точно, – твердо заявил Егорыч.

– Тем не менее... Подумайте.

- Тут и думать нечего.
- Н-ну... ладно. Агафонушкин, изъятый ствол где? – обратился он к сержанту.
- В прихожей.
- Бери все. И бутылки тоже. В машину.
- Хромов остановил его на выходе из комнаты.
- Слышь, ты этого парня не обижай, – кивнул он на Пашку. – Да, и ему через каждые полчаса надо пятьдесят грамм. Это как обезболивающее. Понимаешь?
- Н-ну...
- Гну. Пусть он возьмет с собой вон ту бутылку коньяка. А вот еще деньги, если ему что-то понадобится. – Хромов достал из бумажника пятитысячную купюру так, как достают червонец. – Будь так добр, – притворно нежно попросил он, – купи ему все, что он попросит. Я в долгу не останусь.
- Да ладно, – смутился «старлей», принимая деньги, – разберемся во всем. Там уже следователь ждет. Толковый.
- Ерышов поди? – предположил Словцов.
- Точно, – подтвердил сержант, – знакомый?
- Да друг почти...

Когда милиционеры вышли, Егорыч задумчиво спросил:

– Что это было? Вот тебе и утро вечера мудренее...

Хромов со знанием дела ответил:

– Подстава... Ствол – это не хухры-мухры... Откуда он здесь взялся?

– Да ствол на чердаке можно и дедушке Мазаю приписать! – возразил Егорыч.

– Можно, если только он не стрелял в кого-нибудь из нас, – предположил Словцов.

– Здесь, короче, тереться небезопасно, – Хромов явно нервничал, – чем мы ответим? Что ты, в конце концов, придумал, Павел?

– Ничего нового, все уже давно придумано до нас. Ответим любовью...

– Че-ем? – изумился Хромов.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Как бы ни ругали российскую милицию и прокуратуру, работают там нормальные ребята. Просто им присуща известная каждому халатность. Потому и рассыпается часто большинство дел в руках умелых и жадных до денег адвокатов. В первые годы работы «опера» и следователи – романтики. В средних званиях (от «старлея» до майора) – это социально незащищенные люди, которым государство платит меньше, чем уборщице служебных помещений в банке или менеджеру средней руки. Поэтому прозревшие от такой несправедливости уходят, другие – пьют горькую, а третьи – врастают в систему ржавыми болтами, скреплённые с нею не по

резьбе, а на вездесущем клею «пофигизма» и маразма, царящих в ней от общей безысходности. Продажные, конечно, тоже встречаются, но это те, у кого не убивали друзей, или те, кто вообще оказался под этими погонами с единственной целью – карьеры. Плоха ли, хороша ли система, но если из неё когда-нибудь выпадут все болты, она простоит ещё несколько минут за счёт ржавого налёта и непременно рухнет, погребая под собой потребителей-обывателей, которые недавно поплёвывали с пренебрежением в сторону стражей порядка. И опять будут вопить журналисты и гуманисты: «Ах, надо было платить милиции, врачам и учителям». Но это будет уже в другой, какой-то иной системе, если ей вообще суждено сложиться. Но в итоге начнут платить ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы она едва стояла и не рухнула при первом дуновении ветра. Но и та система будет заставлять, к примеру, свои болты вращаться не по резьбе и говорить вместо «осуждённые» – «осужденные».

Следователь Сергей Петрович Ерышов как раз уже крепко подумывал: соскочить ему с системной резьбы или «забить» на всё по примеру старших товарищей? Такие, как

он, работали ещё хорошо, но лишь для того, чтобы самим себе доказывать – всё предыдущее было не напрасно, а профессионализм – не пропьешь, не разбазаришь. Когда он встречался в больнице со Словцовым, он ещё испытывал служебное рвение, но сейчас, беседуя в своём кабинете с Пашей, работал, скорее, по инерции. Единственное удовольствие, в котором он себе не отказывал, – поддёргивать собеседника «за поводок», не для того чтобы упиваться властью, а дабы ощущать постоянно необходимое в такой работе преимущество. Возможно, подобное испытывают шахматисты, загоняя партнёра в угол. Но в этот день как-то все не складывалось. С утра его «достал» начальник безопасности «Траст-Холдинга» Астахов, который, по всей видимости, имел кое-какие сведения о покушении на Хромова и «случайной» пуле в Словцова. За этого «глухаря» Ерышова шпыняло начальство. А тут Астахов со своими намеками на «руку из заграницы» и необходимостью подключить к этому делу ФСБ, как будто он сам не может вести это дело. Ерышов не любил «ходить вокруг да около», Астахов же ничего толком не сказал, оставив после себя больше вопросов,

чем ответов. И тут еще объявился новый задержанный: инвалид и кавалер ордена Ленина Павел Леонидович Валгин, изъяснявшийся куда более туманно, чем Астахов, но в одном с ним направлении, отчего возникало чувство, что поют они либо по одним нотам, либо действительно где-то рядом конец ниточки, за которую надо потянуть. Определив в Паше «ботаника» и алкоголика, Сергей Петрович сразу понял, что никакого отношения к снайперскому оружию он не имеет, но, с другой стороны, связь с этим стволом была единственной возможностью его задерживать. Не за бутылки же со стихами и пьянство?!

– Значит, вы об этой винтовке ничего не знаете?

– Сказать, что совсем ничего, гражданин следовательно, значит – соврать, – кривлялся Пашка, – но, с другой стороны, мои inferнальные знания только осложнят вашу работу.

– За что вы получили орден Ленина на закате социализма?

– За то, что работал над прибором, который любит ковыряться в человеческих мозгах так же, как и вы.

– Итак, что вы можете сообщить о винтовке?

– Из нее, разумеется, стреляли. Стреляли в человека. Не знаю, насколько удачно, а подбросили на чердак, чтобы опорочить имя честного человека.

– Ваше?

– Да кому я нужен! Ваш наряд просто прихватил меня, потому что им нужно было кого-то прихватить вслед за стволом, который выстрелил в предыдущем акте пьесы.

– Где он выстрелил, проверит баллистическая экспертиза. А вот вас зачем сюда принесло?

– Товарищ попросил. Нужна была экспертная оценка... э-э-э... спиртных напитков, продаваемых на рынках Севера.

– Дегустировали?

– Да... Не покладая рук, не давая отдыха больному организму.

– За это орден Ленина не дадут.

– А его теперь вообще ни за что не дадут.

– Кто проживал в квартире Егора Васильевича, кроме вас?

– Никто.

– А что делали там Словцов и Хромов?

– Зашли... Прогрегустировать...

– С утра?

– С утра, утренний алкоголь очень полезен. Промывает сосуды.

Сергей Петрович чувствовал, что теряет связь с «клиентом», более того, осознавал, что находится где-то рядом с истиной, но уловить ее не может. А Пашка продолжал его огорошивать.

– Вот вы, гражданин следовательно, собираетесь увольняться из органов. Не надо... Вы ничего не умеете лучше...

– Это не ваше дело! – вспылил Ерышов.

– Конечно, не мое, но вы дослужитесь до весьма высоких званий, а если уйдете, останетесь серым «ником», может, даже и став более обеспеченным человеком. Кроме того, вы же так и не раскрыли главного преступления – того, что случилось много лет назад? Вы так и не знаете, что произошло на рыбалке, когда ваш отец провалился под лед?

– Бросьте мне этот фрейдизм, я мечтал ловить преступников еще до того, как с отцом случилось несчастье. И вы говорите так, будто знаете, что там произошло.

– Почти, – спокойно заявил Пашка. – Ему просто не оказали помощь. Сознательно или из трусости, вот этого я сказать не могу...

– Да я это и без вас подозревал...

– В основном я прав, этот вопрос мучает вас всю жизнь.

Сергей Петрович еще внимательнее посмотрел на допрашиваемого. Поймал себя на мысли, что к этому человеку, несмотря на застоявшийся запах алкоголя, нельзя испытывать неприязни. Да и не было у него особых оснований держать его в КПЗ и донимать допросами с пристрастием. Но был еще один вопрос:

– Скажите, Павел Леонидович, как вы считаете: Хромов и Словцов друзья?

– Настолько, насколько могут быть друзьями уважающие друг друга соперники.

– А соперничают они из-за Веры Сергеевны, – сам для себя сделал вывод Ерышов.

– И стрелять они друг в друга не станут, – продолжил его мысль Пашка.

– Значит, есть кто-то третий...

– Но вам его уже не достать.

– Почему?

– Ну, скажем так: все знают, где находится Березовский, но его зачем-то объяв-

ляют в федеральный розыск, как будто никто не знает, где он.

– М-да... Вы хотите сказать?..

– Не более чем я сказал.

– Разумеется, мне придется вас отпустить. Куда подадитесь?

– А мне вот Юрий Максимович телефончик свой, визиточку в карман сунул, чтобы я ненароком не потерялся.

– Мне можно с ним поговорить?

– Только если он сам того пожелает. Такой человек, знаете ли, весомый...

Ерышов еще раз внимательно посмотрел на собеседника, подавляя в себе желание задать ему несколько не относящихся к делу вопросов и, таким образом, перейти из разряда «ведущих» в разряд «ведомых». Проще говоря, перестать быть хозяином положения. Рассматривая Валгина, он ловил себя на мысли, что, не зная он его год рождения, никогда не определил бы его возраста. Пашка и Пашка – такое у него выражение лица...

– Не уходите с вашей трудной работы, – вдруг чуть ли не попросил Пашка, – честных и добросовестных людей так здесь не хватает...

– Я подумаю, – ответил Ерышов и, немного погодя, добавил: – А дело я спихну в Москву. В конце концов, все дерьмо по стране оттуда растекается и туда же стекается.

– Разумно, – оценил решение Пашка.

2

– Причем здесь «Ромео и Джульетта»? – не унимался Хромов, пытаясь разрезать кусок тушеной оленины в ресторане «Югра», куда вся компания зашла пообедать.

– Юра, все просто, если я разъясню дальше, то это значит, что я целиком вам доверяюсь. Вы становитесь людьми, от которых целиком будет зависеть жизнь моя и жизнь Веры, если она, конечно, того захочет.

– А вы еще не помирились! – напомнил Хромов.

– Пусть пока так и будет, это выигранное время. Пусть все так думают, а главное – те, кто устроил мне порноспектакль с моим участием.

– Хорошо еще педиков тебе не подсунули, – хохотнул Хромов.

– Тьфу! – чуть не подавился Егорыч.

Словцова откровенно передернуло от плеча до плеча:

– Умеешь ты, Юрий Максимович, аппетит подбодрить.

– Да тут жрать нечего! Раньше готовили, а сейчас греют. Во, – кивнул Хромов в зал, – сколько народу нагрели! Ну а ты, Павел, раз сказал «а», не тяни, пора переходить к «б». За себя я ручаюсь, мамой клянусь, Вера мне дороже всего на свете. И уж если ты ей так вдруг стал нужен, значит, что-то в тебе есть. Я ей еще раньше, чем тебе, пообещал.

Павел вопросительно поглядел на Егорыча. Тот торжественно провел ладонями по лицу и бороде:

– Могила... Жутко люблю участвовать в таких мероприятиях.

Словцов еще несколько мгновений выждал, оценивая готовность собеседников. Хромову же не терпелось:

– Ну, не томи... Щас Пашку менты сюда подвезут, я уже договорился.

– А он и так обо всем догадается, – сказал Павел, – но, в принципе, все просто. Для того, чтобы выжить, или хотя бы жить спокойно, мы должны умереть. Оба. Умереть

наверняка, со всеми вытекающими последствиями и соответствующими надгробиями.

– Так это... – осенило Юрия Максимо-
вича. – Получается, сделать то же самое,
что Жорик сделал?!

– Ну да.

– Но при чем здесь Ромео и Джульетта?

– Да притом, что Зарайский отправил
вместо себя на тот свет двойника. У меня
нет никакого желания, чтобы кто-то умер
вместо меня. Поэтому надо умереть самим и
остаться в то же время живыми.

– Круто, – признал Егорыч.

– Кино, – призадумался Хромов.

– Я позавчера вечером в храме был, –
вспомнил Павел. – Не то чтобы я хотел спро-
сить у Бога, отчего со мной все так в жизни
произошло и происходит, а, наверное, у са-
мого себя перед лицом Бога спросить хотел.
Но когда зашел внутрь, удивился: шла служ-
ба, и было очень много людей. И такое чувс-
тво, будто я на чужой праздник попал. Там
совсем другие люди! Не те, что на улицах.
Все в них другое: взгляд, речь, движения.
Поют вместе с Ангелами. И вспомнилось
вдруг из Библии: много званых да мало из-
бранных. Так вот что мне Господь показал: я

увидел избранных! И такая на их лицах отрешенность от этого суетливого, гадающего под себя мира, такое терпение, что мне стало невыносимо стыдно. Я даже осмотрел себя со всех сторон, не притащил ли я на себе что-либо в храм грязное, неподобающее, а смотреть надо было внутрь, в душу.

Павел некоторое время помолчал, молчали и собеседники. Потом заговорил Хромов.

– Я когда Жору похоронил, тоже в храм пошел, чтоб все, как положено: отпевание заказал, этот, как его, сорокоуст... За упокой... И тоже у меня было чувство, будто я совсем в другой мир пришел. Сначала было душно, уйти хотелось поскорее, казалось, все со всех сторон давит и будто сама смерть где-то рядом, а жизнь там – за воротами церкви. Кипит, движется. Я с первого раза даже не выдержал, вышел на улицу, отдышался. А тут подходит ко мне поп и спрашивает: вижу, говорит, тяжело вам. Я ему честно признался: мол, там все напоминает о смерти. А он говорит спокойно так: напоминает, конечно, но жизнь именно там. Вечная жизнь... И я потом снова в храм зашел и уже совсем по-другому себя чувствовал. Спокойно как-то... И как

будто камень с души упал. А потом ехал домой и думал, и на всю голову заболел, но никак не мог понять, как может быть жизнь вечной. А дома, только не смейтесь, я детскую Библию прочитал. Детскую!.. И когда про Христа читать начал, вся душа у меня наизнанку вывернулась. Вдруг стало за всю свою жизнь стыдно. Так стыдно, что, думал, слезами умоюсь. Смешно?! – насторожился Юрий Максимович.

– Че ж тут смешного? – ответил Егорыч.

– Вот, рассказал, и как будто голый перед вами... – пояснил Хромов.

– А я, – начал Егорыч, – когда жена ушла, стал горькую пить. Уж не помню, сколько не просыхал. В больную-то душу хорошо льется, да вот не лечит. Совершенно честно полагал, что мне в этом мире хуже всех. И такое у меня перманентное состояние запоя было, что я и на буровых, и дома в состоянии опьянения находился. Так, знаете, не падал, работал себе, косились на меня, конечно, но с обязанностями худо-бедно справлялся. Да и терпели, потому как с кем не бывает? Однажды на новое «пятно» надо было ехать по воде. Перед «метеором» час

у меня был. Я бродил по Самарово, граммов сто, разумеется, в кафе «Иртыш» принял. Оно тогда как раз напротив Знаменского храма стояло. Кафе – развалина такая, с вечно пригоревшим пловом на все случаи голода. Вышел оттуда с изжогой, дорогу перешел. А перед храмом увидел инвалидную коляску. Паренек в ней лет двенадцати сидит. Прямо перед ступенями в храм. Я подошел, помог ему, в храм закатил. Воскресенский-то тогда еще только начинали строить. Поэтому основные службы в Самарово проходили. И в тот день отец Сергей служил – большой, кстати, подвижник. Закатил я паренька в храм и все: не знаю, куда руки деть. Народ: «Господи, помилуй» – и крестится. И паренек мой крестится. И у меня рука – сама собой... И смотрю я на этого мальчугана в инвалидной коляске, а у него никакой тоски в глазах, а, наоборот, прояснение какое-то. А я, здоровый мужик, на жизнь жалуюсь... Ох и противен я сам себе стал. Потом мне отец Сергей пояснил, что совесть – это глас Божий в человеке. И если человек его слышит, значит, не все еще потеряно.

Нависшую после этого тишину нарушил появившийся Пашка:

– Все исповедовались? – то ли в шутку, то ли всерьез спросил он, но никто не обиделся.

– Ну как там, во внутренних органах? – осведомился Хромов.

– Дела идут. Могу отметить, что местная милиция куда как нежнее, чем столичная. И самое главное, денег с меня не трясли.

– Ну садись, есть будешь?

– И пить тоже. Часа два уже маковой росинки в горле не было.

– Мы тут вообще-то всухую сидим, – заметил Слозцов.

– А у меня строгие медицинские показания, – пояснил Пашка.

– Девушка! – позвал официантку Егорыч. – Граммов двести «Русского стандарта», пожалуйста.

– Павел, – вернулся к теме Хромов, – ну а с Верой ты что думаешь?

– Мне кажется, что как только она будет меня видеть, у нее перед глазами будет вставать эта безобразная сцена. И как бы она ко мне ни относилась, это еще долго будет стоять между нами. Может, всегда.

– Стоп, – отрезал Хромов, – если родиться заново, этого уже быть не должно.

– Но прежде Вера должна согласиться умереть, – логично завершил Павел. – Не просто так, а вместе со мной.

– Если бы меня кто-нибудь любил, я бы попробовал сражаться за жизнь. Я бы за жизнь не на жизнь, а на смерть сражался! – заявил Пашка, гипнотизируя принесенный графинчик с водкой. – А сейчас я воюю с «синдромом отмены». Но недолго, – и то-ропливо налил.

– Егорыч, – обратился Словцов, – от тебя мне нужна помощь следующего плана. Нужна прописка. Регистрация. Потому что за границу я без нее не ходок.

– Не вопрос. Хоть у меня дома, хоть на любой буровой. Связи у меня есть – пропишем. Да и вообще – у нас сто таджиков и пятьдесят азербайджанцев на один квадратный метр прописываются, а уж одного поэта как-нибудь зарегистрируем.

– Но это надо быстро!

– Завтра, – спокойно заверил Егорыч.

– Я вообще зарылся бы где-нибудь в глухомани...

– Да на любой законсервированной буровой, сторожем тебя устрою. Экзотика – по самое не могу!

– Спасибо, это когда вздумаю написать книгу. Юра, – переключился Павел, – можешь помочь с выездом за рубеж?

– Деньги, виза – не вопрос, – с достоинством ответил Хромов. – Даже кое-где блатхаты у меня есть. Ткни в место на карте.

– И еще... Вера все равно должна с Зарайским встретиться, этому не надо препятствовать.

– Сначала с ним должен встретиться я! – мгновенно вскипел Хромов.

– После всего... Только после всего, – поспешил успокоить его Павел. – Да и чем может закончиться ваша встреча?

– Не знаю, – хмуро ответил Хромов, – но испытываю ба-альшее желание посмотреть ему в глаза...

– Никто из нас не знает, какие обстоятельства заставили его так поступить, – заметил Егорыч.

– Ну почему же не знает? – усомнился Пашка.

– Я знаю, – вздохнул Хромов. – Но жену и лучшего друга... – Он нервно скомкал салфетку. – Нельзя было так с нами! А уж отца...

– Юр, ты поговоришь с Верой? – переключил его Слобцов.

– Не вопрос... ближе ее у меня теперь никого нет.

– Вообще-то, она знает, как все должно быть... – задумчиво сказал Словцов.

2

В последней трети двадцатого века были достаточно известны и даже популярны в околonaучных кругах опыты академика Козырева, которому удалось доказать, что время движется неравномерно и на высоких скоростях замедляется. Кроме того, время, исходя из этих опытов, как физическая величина, имеет свою силу. Ученому миру не стоило искать «аппарат старения» в организме человека, ибо старение определялось силой давления времени. Неравномерность течения времени и силу его давления, пожалуй, ощущал каждый. Иногда под прессом этой силы ощущает себя один человек, иногда группа людей, иногда целый город, а порой все человечество. О том, что время человечества ускоряется, сегодня говорят довольно часто специалисты в самых разных областях знаний. Но никто не знает, куда мы несемся.

В те весенние дни в Ханты-Мансийске время определенно рвануло с низкого старта после зимней спячки. «Траст-Холдинг» в лице Веры Сергеевны вдруг «оброс» договорами, точно весь мир одновременно решил с ним сотрудничать. Зато у самой бизнес-леди мысли были совсем об ином, и она спихивала всю текучку на замов. Астахов принес фотографию двух англичан, выходящих из гостиничного комплекса «Югорская долина». Сделана она была из машины, второпях, качество никудышное, но один из них очень был похож на Зарайского. Сходство это воспринималось именно как сходство. Если это и был Георгий Зарайский, пусть несколько постаревший, даже изменивший внешность, в этом образе виделся совсем другой человек. И все же, увидев снимок в первый раз, Вера вздрогнула и душой и телом.

– Если это он?.. – пыталась сама себя спросить Вера Сергеевна, вглядываясь в монитор ноутбука.

– То вам, так или иначе, придется с ним встретиться, – ответил за нее Астахов.

– Видел бы это его отец...

В тот же день объявился Хромов и, увидев фотографию, отмахнулся, как от назойливой мухи: мол, знаю.

– На него пора уголовное дело заводить, – прокомментировал он.

– За что?

– Ни за что, а за того, кто лежит вместо него в гробу!

– А ты бы смог подать на него в суд? – вдруг спросила Вера.

Услышав такой вопрос Хромов задумался, но потом уверенно ответил:

– Нет. По нескольким причинам. Во-первых, я на такие подляны не способен, во-вторых, мы с тобой, сама понимаешь, по некоторым вопросам перераспределения собственности на заре гайдаровских реформ можем оказаться с ним на одной скамейке, в-третьих, я сам кому хошь могу быть судьей... – взгляд его полоснул по экрану нескрываемой ненавистью. – И стрелять бы в него я не стал...

– А что бы ты сделал?

– Я бы Жорика из него сделал! Жорика, с каким в одном дворе рос!

– А я вот думаю, стоит ли показывать эту фотографию Лизе?

– Да уж, тут надо точно знать, чего от этого будет больше – вреда или пользы? И кому? Повремени пока.

– Как ты думаешь, Юр, почему он не вышел на меня напрямую?

– Потому что даже в этом он бизнесмен. Он сначала хотел убедиться, что ты принадлежишь ему и регулярно поливаешь цветы на его могиле своими слезами. Но понял, что опоздал. Чуть меня не пришил. Вот интересно, прибываю я на тот свет, а Зарайского там еще нет! Ох, и осерчал бы я! Я бы даже оттуда вернулся, чтоб его за такой расклад отблагодарить!

– Пока что вернулся он.

– Что-нибудь зашевелилось в твоём сердце, Верунь? – насторожился Хромов.

– Ничего... кроме боли. И обиды...

– Порвал бы... как Тузик грелку...

– А что Словцов? Ясно ведь – это он тебя вызвал, – переключилась Вера.

– А что Словцов? – переиграл интонацию Хромов. – Он из твоего гарема, ты и разбирайся.

– Ты меня или его обидеть хочешь?

– Извини, – тут же покаялся Хромов. – Павлик твой переживает душевные муки в связи со случившимся инцидентом.

– Уже рассказал? Я только Астахову, а он... Завтра весь город будет знать.

– Да не, он только мне, Егорычу и кавалеру ордена Ленина. Так что никто вроде бакланить не собирается.

Вера неопределенно покачала головой.

– Ну... и он сказал, что ты сама знаешь, что нужно делать, если он тебе еще нужен, – продолжил Хромов.

– Юр, у меня такой осадок после всего... Такое чувство, что жизнь неслась, как пейзажи за вагонным окном, и вот вроде мелькнуло что-то родное, знакомое, нужное, захотелось соскочить с этого поезда прямо на ходу. Словцов как-то сказал, что в жизни человека огромную роль играет вид из окна. Так вот, было чувство, что увидел именно то место, где хотел бы прожить остаток жизни. Встретила того человека, которого искала... Ну, не искала, а где-то в подсознании всегда ждала, хоть, может, и нет в нем ничего особенного... Но в нашу жизнь, помимо Господа Бога, постоянно лезут сценаристы и режиссеры...

– Так что там подсыпали? – прервал размышления Веры Хромов.

– Не подсыпали, подлили. В соус с какими-то травами... А травы с психотропным эффектом.

– Подлили, – повторил Хромов, – подливают обычно подлецы...

– И знаешь, Юр, я вдруг задумалась: во что я все эти годы верила? Чему верила? Кому верила? И вдруг поняла, что наивно верила в себя! В свои силы! А это был миф, это была пустота, которая производила пустоту.

– И я – пустота? – нахмурился Хромов.

– Нет, Юра, ты не понял, ты настоящий, потому я тебе об этом и говорю. Ненастоящим было все, что я делала. И вдруг появился такой же ненастоящий Словцов, который уже знал, что он ненастоящий. Появился из такой же нелепой случайности, придуманной Ленкой Соляновой. И я вдруг поверила, что в этой жизни что-то есть...

– Вера, у тебя и имя такое. Я в тебя всегда верил, тебе верил и... – Хромов тяжело вздохнул: – Останусь тебе верным до конца жизни. Со мной случайностей не происходит...

– Этот мир сошел с ума... – продолжала плыть где-то в своем потоке Вера. – Мир – огромный механизм зарабатывания денег, который при этом перемалывает человечество.

– А куда без денег? – и спросил и возразил Хромов. – Че без них делать? Родил-

ся – плати, живешь – плати, умер – все равно плати...

– Слушай, Юр, а ты никогда не думал: на что и ради чего живут учителя и врачи?

– И эти... поэты... Думал... Выходит, все, чего мы так добивались, за что жилы рвали, все это мимо? А может, так и есть: я ощущаю себя независимым человеком, но не ощущаю счастливым, наоборот – загруженным, как самосвал. Но я ощущал себя независимым и тогда, когда у меня ничего не было! А сейчас часто ощущаю странную какую-то тоску. И не могу понять – отчего и к чему она. Вот ты говоришь – вид из окна... Мне, выходит, надо просто себе заказать VIP-гроб с иллюминатором и чтоб песня в нем звучала: «Земля в иллюминаторе видна»...

– Знаешь, почему Павел бросил, перестал писать роман о любви?

– Ну и?

– Он сказал, что не хочет обманывать тысячи молодых девушек, вселяя в них надежду, что такая любовь бывает! Люди разучились любить, сказал он. Они просто потребляют друг друга, как пищу, как вещи...

Хромов нежно и пристально посмотрел на Веру.

– Вер! – позвал он. – Если ты будешь с ним, он напишет еще не один роман. Даже я бы написал... Хуже, конечно, но написал бы.

3

В эти дни, ожидая помощи от Егорыча и Хромова, Павел бесцельно слонялся по улицам Ханты-Мансийска, находя город достойным всяческого поэтического воспеваия при всех его наследственных недостатках. Так, чуть в стороне от центральной площади, обнаружил чудненькое здание окружной библиотеки, вход в которое охраняла мудрая бронзовая сова, восседающая, надо понимать, на бессмертных фолиантах. В отличие от расположившегося через дорогу монументального Центра искусств для одаренных детей Севера, библиотека выглядела скромно, но классически опрятно. Зайти внутрь поманило объявление о выступлении столичного гостя, «знаменитого популярного поэта Тимура Кибирова», известного также под характерной поэтической фамилией Запоев. В годы перестройки уроженец Шепетовки интеллек-

туально-эпатажным штурмом взял подмости обеих столиц.

Павел без каких-либо сложностей попал на поэтический вечер, который проходил в небольшом конференц-зале библиотеки. Когда он туда вошел, зал был весьма заполнен почитателями поэзии, а правильнее сказать – почитательницами, ибо юные девы, дамы бальзаковского возраста и просто дамы составляли в зале подавляющее большинство. Они с наивным и искренним восторгом в глазах, с чуть приоткрытыми от поэтического обожания ртами слушали автора. На заднем ряду нашлось свободное место, где неподалеку Павел заметил писателя Николая Коняева. У того выражение лица было недоуменно-тревожным, и вся его маленькая фигурка была напряжена, как готовая выстрелить пружина. Причина этого напряжения стала понятна Словцову весьма быстро.

Кибиров нараспев эпатировал слушательниц:

*Ну что, читательница? Как ты там? Надеюсь,
что ты в тоске, в отчаянье, в слезах,
что образ мой, тобой в ночи владея,
сжимает грудь и разжигает пах...*

И чем дальше – тем больше.

И читательницы бурно аплодировали...

«Чтобы разбить засилие традиции, бей рифмами, похожими на фрикции...», – мысленно ответил Кибирову Слоцов. В этот момент поднялся Николай Коняев и спросил:

– Скажите, Тимур, вы бы хотели, чтобы эти стихи прочитали ваши дети?

Кибиров несколько мгновений ошеломленно молчал и вынужден был признать, что нет, он не хотел бы, чтобы эти стихи сейчас прочитали его дочери, но вот есть разные стихи для разных аудиторий и т.д. и т.п. А главное – свобода поэтического творчества, предоставленная Всевышним.

– Ну хорошо, а Всевышнему вы тоже эти стихи прочтете? – не унимался Коняев.

Большинство дам с недовольством оглядывались на местного писателя, посмевшего прервать эротическое камлание.

– Для Всевышнего у меня есть другие стихи, – уже раздраженно ответил Кибиров. – В конце концов, если вам не нравится интимная лирика, которая, я полагаю, имеет право на существование, то могу почитать так любимые в нашей стране политические... Вот, к примеру...

Умом Россию не понять —
равно как Францию, Испанию,
Нигерию, Камбоджу, Данию,
Урарту, Карфаген, Британию,
Рим, Австро-Венгрию, Албанию —
у всех особенная статья.

В Россию можно только верить?

Нет, верить можно только в Бога.

Всё остальное — безнадёга.

Какой мерою ни мерить —

нам всё равно досталось много:

в России можно просто жить.

Царю с Отечеством служить.

Последние строчки Кибиров читал, откровенно ёрничая, словно вбивая гвозди в «гроб квасного патриотизма». Это уже всерьёз задело Павла, напомнив середину девяностых, когда ноги об российский флаг вытирали под аплодисменты всего мира. После этого стихотворения Павел поднялся, ему стало скучно. Был какой-то момент, когда ему хотелось защитить русскую поэзию, но дамочки снова в восторге зааплодировали. И он посчитал неуместным вторгаться в это слепое обожание ни своими рифмами, ни своими рассуждениями.

Павлу вспомнилась вдруг другая, недавно прочитанная у Мизгулина реминисценция Тютчева:

*«Пурги безверья не унять.
Нет ни желания, ни воли.
Умом Россию не понять,
А если нет ума – тем боле...»*

С этим и вышел. Следом за ним потянулся Николай Коняев, которого, судя по всему, обязала к присутствию на этом поэ... эротическом вечере выборная должность в писательской организации.

– А еще недавно был Евтушенко, – сообщил он, – на юбилее у Шесталова. Этот хоть женщин любит, а тот – себя. Так выступал, что даже не вспомнил, к кому на юбилей приехал. Если Юван, дай Бог ему здоровья, доживет до следующего, то сто раз подумает, кого ему приглашать...

– А я тут еще у вас в книжные магазины ходил, – поделился Словцов.

– Ну и что?

– Ничего. Ни-че-го. Что касается культуры, вы тоже впереди планеты всей.

– Не отстаем, – печально согласился Коняев.

– У вас же есть Суханов, Волковец, Мизгулин?.. Есть настоящая поэзия. Или по-прежнему считают, что все лучшее делается в Москве? Если у вас читают такие стихи, – он кивнул за спину, – в таких залах, то где читать стихотворение Пети Суханова «Орден»? Или мизгулинскую «Кольчугу»? – и он стал громко, ясно, на всю улицу читать их стихи.

Тут Павел заметил, что на него смотрят настороженно, удивленно, с улыбками, как на человека не в себе, и смутился. Коняев же, выбросив окурок выкуренной во время его декламации сигареты, подытожил:

– Павел, этот пафос сейчас не в моде...

4

В середине апреля вдруг резко континентально, а может, и эхом глобальному потеплению, ударили морозы. Да так, что город поплыл в белесой дымке, мгновенно обледенев и запустив на полную мощность отопительные системы. Егорыч пояснил, что

и в июне снег бывает. Яблоневый цвет вместе со снегом летит. Или в мае – зацветет черемуха – жди заморозков. Все-таки Север в этом смысле не может быть цивилизованным. Его всеми трубами цивилизации не протопишь, не прокоптишь. И еще не известно, чего здесь ждать в случае таяния льдов Антарктиды. Вполне возможно, в качестве компенсации здесь начнется новый ледниковый период. Не зря же в вечной мерзлоте находят свежемороженых (хоть сейчас на стол!) мамонтов. Да и что будет, когда в целях энергетической безопасности холеной Европы из-под Югорской земли выкачают все топливо? Останется изрубить на дрова весь лес и тихо лечь в ту самую вечную мерзлоту. Павел же в эти дни как раз думал о Европе, перевернув в библиотеке геолога все справочники и атласы. Он разумно не стремился на улицу, где на ходу можно было превратиться в сосульку, а только поглядывал на окна, покрытые узорчатой шубой морозных рисунков. Вспомнился почему-то Борхес, предлагавший прочитать письма Бога на шкуре ягуара. Эх, не был он в приполярных широтах, иначе непременно бы начал читать замерзшие окна...

Неожиданно позвонила Вера, спросила, как дела, долго говорила о чем-то неважном, незначительном, и Павел чувствовал, что ей хочется позвать его, но что-то еще мешает, что-то, похожее на неприятное послевкусье, находится между ними, плывет, как ядовитый туманчик, и торопить встречи в этом случае и бессмысленно, и даже опасно. Так и поговорили ни о чем, принимая данный разговор за рекогносцировку и все же намечая места предстоящего форсирования реки отчуждения. Вера спросила, помнит ли он о своей теории бессмысленности накопления, а он спросил в ответ: разумно ли ради любви терять голову? И, кажется, они прекрасно поняли друг друга. Словцова после этого разговора так потянуло в дом Веры, что и возможность встретиться глаза в глаза с Лизой не испугала его. Бессмысленно валяясь на диванчике Егорыча, он, изнемогая, жмурился, наслаждаясь то наплывающей синевой Вериных глаз, то плавными линиями ее тела, то слышался вдруг мягкий перелив ее голоса, и сердце восторженно сжималось, готовое разорваться ради возможности быть с ней рядом. И не было в

голове ни одной строчки, способной передать это космическое по своему размаху томление.

Стук в дверь где-то в полвторого ночи нисколько не насторожил Словцова. Он, бодренько натянув спортивные штаны, ринулся к двери, надеясь увидеть на пороге заработавшегося Егорыча. Но на пороге оказался совсем другой человек. Несмотря на обилие примечательных шрамов на лице и прямой уверенный взгляд серых глаз, оно не поддавалось никакой расшифровке и относилось к категории тренированно-неуловимых.

– Ну, так и будем стоять? – ничего не выражающим голосом спросил пришелец.

– Входите, если есть такая необходимость, хотя, я полагал, что такие дела обычно делаются на улице.

– Какие дела? – также бесцветно спросил ночной гость, закрывая за собой дверь.

Павел, напротив, окончательно уверовал в свое видение происходящего и, соблюдая в речи необходимую твердость, почти с пафосом произнес:

– Учтите, валяться в ногах и молить о пощаде не буду, – предупредил он.

– А я на это и не рассчитывал, – признался, снимая «аляску», гость. – Чаем с дороги угостите? Там мороз, как будто и не весна вовсе.

– Чаю? – не поверил Словцов.

– Ну да. Есть что-то еще? Можно рюмку коньяка.

Через пять минут они сидели на кухне друг против друга, и Справедливый бесцеремонно просвечивал Словцова своими серыми буравчиками, не торопясь поведать о причинах и целях своего визита. Павел же прикидывал, успеет ли он хотя бы вытащить из-под себя табуретку, чтобы оказать хоть какое-то сопротивление, позволяющее ему умереть как мужчине.

– Да не буду я в вас стрелять! – слегка ухмыльнулся после «рентгена» Справедливый. – Это в кино перед стрельбой беседуют, а в реальной жизни – целятся.

– Значит, я все-таки не ошибся, – облегченно вздохнул Павел.

– В чем?

– Хотя бы в роде ваших занятий.

– В роде? Вроде... Но вот только давайте не будем...

Он не успел договорить, потому как на кухню появился заспанный Пашка в рваных трико и с порога заявил:

– Без меня выпивать нельзя. Это несправедливо, – от последнего слова у гостя едва заметно дрогнула бровь. – А! – обрадовался Пашка, протирая глаза. – Это вы стреляли в Хромова, а попали в Словцова! – бесцеремонно заявил он.

– Провидец, – так же бесцеремонно определил Справедливый.

– Типа, – согласился Пашка.

– Тот, кто не боится смерти, считает себя уже мертвым, – закончил обследование гость.

– Это в оптический прицел видно? – не смутился Пашка. – Может, нальете страдальцу?

Словцов налил ему коньяка, и тот с нескрываемым наслаждением выпил.

– Сомнительная анестезия, – прокомментировал Справедливый.

– Какая есть, – пожал плечами Пашка и, не дожидаясь предложений, сам себе налил вторую, – у нас полстраны под такой анестезией. – Опрокинув в себя еще одну рюмку, он будто настроился на деловой лад и весьма развязно обратился к гостю: – Если вы появились здесь открыто, следует понимать, мы будем жить?

– Не факт, – холодно отрезал Справедливый. – Но я очень хотел посмотреть на человека, которого хотят убить не из-за денег. Это впервые в моей практике. Даже прикрываясь идеями, стреляют все же из-за денег. Кроме того, у меня есть обязательства и перед другими людьми.

– Может, вы скажете, как нам вас называть? Если нельзя настоящее, то какое-нибудь вымышленное или дежурное имя?

– Андрей Вадимович. Имя настоящее. Как вы понимаете, в данный момент я нарушил все мыслимые и немыслимые, писанные и неписанные правила своего поведения и своей работы. Сделал я это потому, что у меня есть свои принципы. Вас они не касаются, и объяснять я ничего не собираюсь. Меня интересует другое: вы, Павел Сергеевич, насколько я понимаю, не исчезли «с линии огня» только потому, что у вас в голове должен быть какой-то план. Иначе, если не я, то кто-то другой выполнит эту работу?

– Вы... Андрей Вадимович, возможно, не поверите... Н-но...я предполагал именно такое развитие ситуации. Я тут пытался написать роман, и... В общем, все пока получается так, как я в нем написал.

– Глупо! – тут же отрезал Справедливый.

– Согласен, – кивнул Павел, – но есть еще одно определяющее обстоятельство: я люблю Веру Сергеевну. Возможно, это покажется сентиментальным и даже пафосным, в коей-то мере старомодным, но за это я готов умереть.

Справедливый вздохнул, переваривая его слова, на лице его впервые появилось какое-то выражение. «Ну что за детский сад» – так его можно было интерпретировать. Оно быстро сменилось нейтрально-непробиваемым, и Андрей Вадимович скептически произнес:

– Тайна, которую знают больше одного человека, уже не тайна. Поэтому, если в ваши планы посвящен кто-то, кроме вас, – бросил он взгляд на Пашку, – то я сомневаюсь в их выполнимости.

– Просто есть люди, без которых я не смогу обойтись... И без вас в том числе... Дальше уж положусь на волю Божию.

– Хорошее дело, полагаться на Всевышнего, но лучше не создавать Ему проблем.

– Скажите, если, конечно, сможете: Георгий Зарайский, – Павел отчеканил это имя,

надеясь увидеть хоть что-то на лице собеседника, — уже... — начал искать слова, но получилось банально: — Заказал меня?

— Сегодня я не знаю человека с таким именем, — ответил Андрей Вадимович, — и пока что относительно вас — тишина. Но что-то мне подсказывает, а моя интуиция крайне редко меня подводила, что заявка на вас непременно поступит. И тогда у всех будет очень мало времени. Поэтому, если вам не трудно, начинайте излагать, чего вы там написали в своем романе.

— Честно говоря, я на этом и остановился... Но были варианты, причем самые разные. Смысл их сводился к одному: двое умирают, чтобы остаться жить. Идея старая, как Шекспир, о котором, кстати, тоже неизвестно: а был ли такой человек? Ваше появление, Андрей Вадимович, если вы встанете на сторону справедливости, предполагает самое надежное решение сюжета. Но здесь мне понадобится помощь специалистов. Все должно быть настолько натурально... Я думаю, заказчик захочет это увидеть, если не в натуре, то на каком-нибудь носителе — пленке, диске...

— Может, вас лучше взорвать? Ну, так, чтобы куски мяса во все стороны? — с тем же

непроницаемым лицом предложил Справедливый.

– Это возможно?

– За деньги теперь все возможно. Разве что места в Раю не купишь. Мне нужно встретиться с Астаховым.

6

Вера в эти дни крутилась, как белка в колесе. Деньги и работа словно чувствовали, что она собирается, подобно Словцову, выброситься с парашютом из этого обреченного лайнера, и сыпали мелкими проблемами и большими контрактами под ноги. Несколько раз приходила Солянова и все пыталась выяснить, что же произошло у нее с Павлом и чего ждать. Но разговора как-то не получалось. Вера никак не могла решить – стоит ли рассказать подруге о задуманном? А однажды просто спросила:

– Лен, а если бы Зарайский был жив?

– Ты что, Верунь, – испугалась Солянова, – если снится – панихиду закажи. Ты хоть никому не говори такого, так и до больнички недалеко...

И Вера решила никому не говорить, в том числе и подружке.

Пытаясь отвлечься от суеты в дороге, она совершила поездки по всем предприятиям. Ездил в Нефтеюганск, Сургут, Пойковский, Советский... Возвращаясь вечером из Нягани через новый мост, любовалась куполами храма Воскресения в свете прожекторов. Вот уж где архитекторов Сам Бог вел – храм стал лучшим символом города. Когда машина перевалила Самаровскую гору, Вера попросила водителя повернуть на стоянку к храму.

Служба уже закончилась, и тишину в храме нарушало только потрескивание свечей и легкое шарканье старушечьих ног – бабульки вели нехитрую приборку: гасили огарки, протирали пол и то, что, по их мнению, требовало блеска, и по мере движения успевали приложиться к иконам. Немногих поздних посетителей они не тревожили.

Свечная лавка была предусмотрительно размещена в подвальном помещении, что позволяло не создавать во время службы очереди и шума. Вера купила там несколько свечей. Пошла ставить свечи за упокой души отца Георгия, раба Божьего Михаила,

и с ужасом остановила свою руку, когда поняла, что по выработанной годами привычке ставит свечу за сына. Какое-то время постояла в растерянности, но потом встретила взглядом с глазами Спасителя на алтарных воротах.

– Господи, – прошептала она, – что же я не то сделала? Неужели должна была и с того света ждать? Не было ничего.... Никого... И теперь сразу двое? Если один от Тебя, то от кого второй?

Вернувшись в офис, хотела вызвать к себе Астахова, но он сам уже ждал в приемной вместе с Хромовым. Как только они вошли в кабинет, он с порога доложил:

– Справедливый приехал. А играем мы практически против «Ми-6».

– Вертолет что ли? – не понял Хромов.

– Да, почти, – усмехнулся Астахов, – вертят, как хотят, всю планету.

– Ладно вам, – понял, что опростоволохился, Юрий Максимович, – у нас с Павлом тут тоже кое-какие идеи. Точнее, у меня. Я тут на кинофестиваль в Москве ходил, типа, как спонсор, кстати, отвалить немало пришлось – кино теперь дорогое, а тусовка у них – вообще космос!

– Ты? На кинофестиваль? – искренне удивилась Вера.

– Ну... Вер, я ж не совсем... дубовый... Я, между прочим, и на балет денег давал, вот не ходил, правда. А кино – это мне понятнее.

– Не уснул там?

– Не! Зато познакомился кое с кем. Чудной мужик, все во фраках, а он класть на это хотел, в толстовке и джинсах. Да еще в берцах! Но мастер своего дела.

– Кто? Не тяни, Юра?

– Эмир Кустурица! – торжествующе объявил Хромов, наблюдая за реакцией собеседников.

– И ты думаешь, он кинется нам помогать? – улыбнулась его наивности Вера.

– Вам не кинется, а мне – в легкую!

– И как ты с ним познакомился?

– Я тоже без костюма пришел. Ну, знаешь, как я люблю по грязной весне: в кожаных, в куртках такой – короче, не солидный человек, а байкер.

– И этого хватило для дружбы с мировой известностью?

– Да он нормальный мужик! Простой, как газета «Пионерская правда»! Никаких тебе закидонов! Ему Сергеич костюм дал.

– Какой Сергеич? – с интересом включился Астахов.

– Никита... Сергеич...

– А тебе? – не верила Вера.

– Да я тут же в ближайшем бутике купил. Но пока мы с ним тусовались, поговорить успели.

– И только поэтому он согласится тебе помочь?

– Уже согласился... Не знаю, может, я ему понравился чем-то.

– Согласился? – вскинул брови Астахов.

– И что ты ему сказал? – не верила Вера.

– Я позвонил, мы ж мобилами обменялись, он меня в свою деревню, которую сам построил, приглашал погостить. Я ему честно признался, что бухаю от безысходности, что достало все, что смотреть не могу ни на капитализм, ни на социализм... Ну, короче, описал ситуацию. Он говорит: приезжай на похороны...

– Чьи? – буркнул с ухмылкой Астахов.

– Они всей деревней голливудские фильмы хоронить будут. А про вас я сказал: надо помочь одной богатой женщине, которая купила себе мужчину...

Вера смутилась. Хромов продолжал:

– А он сказал: богатым я не помогаю. Ну, тогда я сказал, что она хочет стать бедной, а этот мужчина поэт. Он спросил: это сказка? Я ответил: получается, сказка. Он сказал: сказки я люблю, приезжай, расскажешь мне свою историю, вдруг по ней надо снять фильм...

– Нет, ты шутишь, – не понимала Вера.

– Да в рот компот! – обиделся не на шутку Юрий Максимович. – Я для них таких людей беспокою! Даже автографа для себя не попросил! Декорации, разумеется, мы сами оплатим.

– А почему нет? – усомнился в своих сомнениях Астахов. – Это же Кустурица, а не голливудские болванчики.

– У меня в коллекции всего несколько фильмов: фильмы с Черкасовым, «Летят журавли», «Москва слезам не верит», еще несколько отечественных шедевров и все фильмы Кустурицы... – вспомнила Вера.

– Значит, вам будет, о чем поговорить, – подытожил Хромов.

– А меня приглашают в Прагу, – сообщила Вера с недосказанным вопросом к Астахову.

– Я знаю, – ответил Астахов. – Чудо вос-
крешения в старой доброй Праге... Думаю, в
Россию он больше не поедет.

– Значит, все-таки он? – попыталась ра-
зогнуть последние сомнения Вера.

– Фотографию показать?

– Не надо.

7

В последний день перед вылетом Павел
позвонил Веронике.

– Здравствуй, Ника!

– Папочка, привет! Ой, тебе звонить до-
рого, давай я!

– Ну, слава Богу, я еще могу оплачивать
свои телефонные разговоры. Не дожил еще
до того, чтобы дочь меня содержала, хотя
кто знает? Я тебя не разбудил?

– Да какая разница! Я так рада, что ты
позвонил. Правда, у меня для тебя, наверное,
грустная новость...

– Что случилось? – испугался Слов-
цов.

– Со мной – ничего! Успокойся. Просто
мама выходит замуж.

– Замуж? – Павел помолчал, переваривая информацию, Вероника ему не мешала. – А знаешь, это, пожалуй, даже хорошо. Так лучше. В конце концов, она заслужила тихий семейный покой.

– Ты хочешь знать, кто он?

– Наверное, нет, – заколебался Павел, – нет, точно нет. Все, что осталось между нами – это ты. Главное, чтобы она была счастлива, я искренне этого желаю. Как там у тебя?

– Ты же не поверишь, что в Америке может быть хорошо.

– Другое, дочь, – я не могу поверить, что Америка может быть хорошей, а многим там – не кисло, я это знаю, очень не кисло. Есенину там не понравилось, ему плохо там было, а его мнение дорогого стоит.

– Па-ап, ты для этого мне позвонил?

– Да нет, конечно, доченька, прости. Просто соскучился. Ну и еще кое-что. Хотел тебе сказать...

– Вы с Верой Сергеевной женитесь! – опередила Вероника.

– Ну-у... Почти... Понимаешь, всего я по телефону рассказать не могу. Помнишь, я тебе рассказывал про то, как в детстве отправлял письма в будущее?

– Помню. Смешно и наивно.

– Да, смешно и наивно. Но ты, пожалуйста, об этом помни. Если со мной что-то случится, помни об этом обязательно и не расстраивайся.

– Па, ты о чем? – насторожилась Вероника.

– Так надо, дочь. Это очень важно. Да, и вот еще что, телефон не меняй. Симку, в смысле.

– Хорошо, не буду. Что ты задумал, па?

– Ничего. Просто я очень по тебе скучаю.

– Я тоже, па. Не поверишь, но мне не хватает твоего кухонного бухтения. Твоего недовольства современным миром, твоей ругани телеканала «Культура» и моих журналов.

– Ну, – улыбнулся Словцов, – это дело поправимое. Лет через тридцать и ты забухтишь. А как твой Дэвид?

– Хорошо. Учимся. Он меня оберегает.

– Я до сих пор не могу во все это поверить! Америка, жених – американец...

– Он очень хороший!..

– Я тоже был хорошим, когда делал предложение твоей маме. Главное, чтобы он стихов не писал.

– Он не пишет, па. У него мозги устроенны экономически.

– Почему-то меня это не удивляет.

– Ты опять начинаешь?

– Да нет, дочь, ты же жаловалась, что тебе не хватает моего бухтения?

– Подловил!

– Ага! Ну ладно, милая, помни, что ты мне обещала.

– Помню.

– Я тебя когда-нибудь обманывал?

– Вот этого точно не было.

– Значит, верь мне.

– Верю.

– И это...

– Что еще, па?

– Встретишь Буша, Збигнева Бжезинского и Билла Клинтона, передай им, что все они козлы!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

Они прилетели в Прагу разными рейсами. И если Вера была занята встречами, Павел, пользуясь случаем, бесцельно бродил по городу, наматывая километры и впечатления, останавливаясь в пивницах и ресторанах для того, чтобы передохнуть, хлебнуть хваленого чешского пива и отведать омлета с сыром, полевку, чесночку и другие вкусности. От чешского вина отказался почти сразу. Хлебнув там-сям три-четыре разных сорта, понял, что вино в Чехии куда хуже среднего кубанского, а до подвалов Массандры, австралийского шираза или юарского каберне им, как кефиру. Пиво, кстати, тоже оказалось не везде похожим на то, чего он ожидал. В одной пивнице офици-

ант объяснил ему, что многие заводы уже скупил, скажем, «Miller». Павел только ухмыльнулся: выходит, сначала в страну заползает пивная пена, а потом подтягиваются радары и ракеты.

У Веры все шло по графику. Правда, взятую напрокат «Шкоду» пришлось бросить на одной из улиц из-за отсутствия опыта вождения по узким улочкам и всеобщей езды без правил на таких улочках. Нет, конечно, правила действовали, но какие-то неписанные, известные только чехам. После того, как один из местных водителей напомнил ей, что русские умеют ездить по Праге только на танках, Вера сдалась. Далее перемещалась на метро и трамваях. Так – на «девятке» доехала до Национального театра, построенного в девятнадцатом веке на народные деньги. Потому и написано было на нем золотыми буквами: «Народ – себе». На скольких зданиях в России можно было бы разместить такие надписи? Рядом высился бетонно-стеклянный куб современного театра, построенного к 100-летию театрального искусства в Праге. Совсем рядом несла свои мутные воды Влтава... Внизу по течению она впадала в Лабу, которая на границе с Германией превращалась в Эльбу, на которой жили когда-то полабские славяне.

Напротив театра находилось культовое кафе «Славия». Там была назначена первая встреча, к которой Вера специально не готовилась, но, тем не менее, была нимало удивлена, увидев за одним из столиков Мизгулина с огромной кружкой пива в руке.

– Дима! Ты?!

Дмитрий Александрович с улыбкой поднялся из-за стола и галантно поцеловал Веру в щеку.

– Я же обещал, что лично проконтролирую результат. Ну, и дела у меня здесь, в филиале... Здесь все, что ты просила, – протянул конверт.

Вера распечатала его и начала внимательно просматривать бумаги, метнула на стол пластиковые карты. От этого занятия ее отвлек услужливый официант, для которого она ограничилась одним словом «кофе», после чего он удалился с немного разочарованной, но тренированной улыбкой.

– Это даже больше, чем я ожидала... – немного растерянно оценила содержимое конверта Вера.

– Если будут вопросы, ты знаешь, куда и к кому обращаться. Могу я чем-то еще помочь?

– Спасибо! Этого вполне достаточно. Не ожидала. Особенно – увидеть тебя собственной персоной. А действительно, что ты делаешь в Праге?

– Ну видишь же. Пью пиво. Говорят, почки прочищает.

– Кроме шуток, как ты все успеваешь?

– В смысле, все выпивать? Наливаю чаще.

– Ну ты же понял: я имею в виду кучу обязанностей, которые ты тянешь: бизнес, депутатство... И еще стихи... Как ты все успеваешь?

– А я все не успеваю, Вера, – немного грустно, но честно ответил Дмитрий Александрович.

– Я тут... Короче, я прочитала твою книгу стихов. Насколько хватает моего вкуса в поэзии – мне очень понравилось. Ты много пишешь о Боге. И о человеке, который к Нему идет... Я хотела спросить... – Вера немного замаялась, пытаясь совладать с внутренними противоречиями и страхом, которые ее вдруг охватили. – Мне сейчас предстоит нелегкая и очень непростая встреча с прошлым... Нет, я не об этом... Правда ли, что Господь может простить даже убийство? До-

статочно искренне покаяться?.. Как-то получается легко и просто...

– Вера, а ты живи легко и просто, – ответил поэт и с удовольствием отхлебнул большой глоток пива.

Минуту они молчали. Затем Вера вдруг вспомнила:

– Знаешь, Павел начал писать роман обо всем, что с нами произошло, но сказал, что продолжать не будет. Жалко, если его наброски пропадут. Есть дискета...

– Передай мне. Думаю, у меня есть один друг, который смог бы что-нибудь сделать.

– Имена изменишь?

– Все, кроме своего, – с улыбкой ответил Дмитрий Александрович.

2

Главная встреча этого дня предстояла Вере на Карловой площади. Вера пришла туда на полчаса раньше, чтобы внимательно осмотреться и максимально избежать любых непредвиденных ситуаций. От грядущей встречи ее немного знобило, прихо-

дилось то и дело унимать легкий мандраж в руках. Даже захотелось закурить.

Площадь больше походила на луг. Вера вспомнила еще покрытые талым снегом и настом улицы сибирских городов, глядя на светло-зеленую, ровную, прямо-таки цивилизованную траву на аккуратных газонах. Ярко представила, как летом на этих газонах валяются беспечные пражане, читая газеты, играя с детьми, слушая музыку, да просто спят. В центре площади находился фонтан, к которому сходились пешеходные дорожки. Дойдя до фонтана, она осмотрелась: Новоместская ратуша, построенная еще при Карле IV, церковь Святого Игнатия Лойолы и самый чудной – розовый дом доктора Фауста, овеянный городскими легендами и преданиями. Где там дыра в крыше, через которую Мефистофель забрал доктора Фауста по истечении их договора?

– Вера? – окликнувший ее голос был и знакомым и неожиданным, заставившим вздрогнуть всем телом.

Она оглянулась. Все-таки ему удалось подойти незамеченным. Еще бы: за столько лет он уже научился быть тенью. Вера стояла в нерешительности, внимательно рас-

смастривая Георгия Зарайского, или Джорджа Истмена.

– Я так понимаю, ты не испытываешь желания броситься мужу в объятия? – он говорил с заметным акцентом, что еще больше настораживало, добавляло напряжения.

– Своего мужа я похоронила почти восемь лет назад, – твердо ответила Вера, стараясь сохранить спокойствие и ничем не выдать волнения, от которого кружилась голова.

– Я не мог по-другому...

– Ты даже говоришь с акцентом.

– Все эти годы я принципиально не разговаривал на родном языке, и теперь сам не знаю, какой мне роднее.

– А еще чего ты не знаешь? Не знаешь, к примеру, что пережили все твои близкие?.. На что ты заставил меня пойти?..

– Вера, ты думаешь, мне было легко?

– Вот в этом-то и вся загвоздка: ты только и знаешь, как тяжело было тебе. Остальные – не в счет. И теперь ты воскрес, чтобы вернуть себе утраченное прошлое.

– Я вернулся, чтобы создать заслуженное будущее. Ты права, я совершил немало ошибок, но через все я пронес главное – лю-

бовь к тебе, чего ты, похоже, сделать не смогла или не захотела.

– Имеешь ли ты право говорить об этом?

– Хорошо... пусть не имею. Но я не оставил тебя ни с чем! Я ни о ком не забывал все эти годы! Любая малейшая опасность для моих близких пресекалась... Сразу и неотвратимо! Я был счастлив, когда мой отец и твоя мать... нашли друг друга... Думаешь, только благодаря твоим мужественным действиям конкуренты оставили в покое твою, или мою (?), московскую собственность?

Вера смутилась. Георгий, похоже, пристально следил за каждым их шагом, каждым днем жизни.

– Я понимаю, что Георгия Зарайского не вернуть. Но гражданин Великобритании Джордж Истмен делает вам предложение, Вера Сергеевна... Несмотря на то, что вы увлекаетесь... филологическими и бесперспективными бомжами...

«Не смей», – хотела сказать Вера, но не смогла вставить слово, Георгий напористо продолжал:

– Соединив наши капиталы, мы теперь можем начать совершенно новую жизнь,

Вера. То, из-за чего мы так долго страдали, то, за что боролись, теперь достигнуто.

– Я пожалела, – наконец заговорила Вера, – что потратила лучшие свои годы на зарабатывание денег и... жизнь честной вдовы!

– Ты никак не можешь оставить в покое могилы! Посмотри – вот я перед тобой, живой и полный сил! Ты прямо, как отец...

– Что?! – вскинулись брови Веры, и привычная плавная речь превратилась в секущее лезвие: – И здесь ты?! Михал Иванович – твоя вина?! Инфаркт – потому что увидеть наяву погибшего сына?.. – и заговорила, но уже с равнодушной безысходностью: – Господи... А мама гадала, почему его железный организм вдруг дал сбой?.. Видишь, Георгий, живой ты приносишь больше страданий и боли...

– Мне что, покончить с собой?! Откуда мне было знать, что вы все так мне рады? Знаешь, о чем сказал отец в последние секунды своей жизни?! Он сожалел, что у него не хватает духу быть Тарасом Бульбой, потому что его сын трус и предатель! – на протяжении всего разговора это был единственный момент, когда Джордж Истмен позволил себе повысить голос.

– Скажи мне еще одну вещь, – задумчиво попросила Вера, – а кто умер тогда, вместе тебя?..

– Это важно? И это важно? Nobody! – сорвался он, путая языки! Настоящий никто!

– Ты сказал, что добился цели, можешь повелевать обстоятельствами и событиями... Я – тоже часть твоей цели?

– Ты всегда была моей, и я ни разу не дал тебе повода усомниться в своей любви. Или теперь и это требует доказательств?

– Теперь ничего не требует доказательств. Георгий Зарайский, которого я любила, погиб. Я столько лет заказывала панихиды за упокой его души, и, видимо, он действительно чувствовал себя покойно. А еще я все эти годы заботилась о его сыне, который моим сыном не был...

– О! Я так и думал! У кого не бывает грехов молодости? Честно говоря, когда ты дала согласие на встречу, я почувствовал надежду. Ведь ты догадывалась? Скажи, догадывалась?

– Догадывалась.

– Но между нами встал человек с улицы! Менестрель! Мейстерзингер! Вагант!

– Георгий, раньше ты проявлял больше сдержанности, – заметила Вера. – И чего ты

тратишь свои драгоценные джентльменские нервы на жалкого сочинителя? Ведь ты уже растоптал его морально?

– Настоящие мужчины не ломаются под ударами судьбы.

– О! Как по-русски ты заговорил.

Все это время Вера слушала не только Георгия, но и себя. Она действительно пыталась понять, что значит для нее этот человек. И в течение этого странного разговора память вдруг возвращала ей чувство защищенности и заботы, которое дарил ей Георгий. Нет, при всем желании она не могла просто перечеркнуть его черной кладбищенской лентой. Не могла ответить холодным презрением. Не могла даже в ответ попрекнуть Лизой, потому что сама же простила эту измену. Заставила себя простить. Простила, правда, мертвому Зарайскому. Но, в то же время, не могла и не хотела бросаться ему на шею, подобно героиням сериалов и «мыльных опер». Ей просто хотелось уйти. Поскорее. Подальше. Навсегда.

– Если тебя интересуют твои деньги, то я готова предоставить всю наличность с процентами по первому требованию вместе с недвижимостью. При этом я не буду требовать эксгумации и экспертизы ДНК, определять

причастность мистера – как вас там? – к выстрелам в Слоцкого и Хромова, хотя вынуждена буду напомнить о Георгии Георгиевиче и причитающейся ему доле, – жестко и взвешенно поставила точку Вера.

Еще ей хотелось сказать, что она прекрасно понимает, что Зарайский не оставит ее в покое, прекрасно представляет, что можно ожидать от его прагматичного и упрямого стремления к вожаденной цели, но вовремя вспомнила, как наставлял ее к этому разговору Астахов. Как заставлял ее практически наизусть заучить последнюю фразу вплоть до интонации:

– Но, если этого не сделаю я, нет гарантии, что расследованием не займутся другие.

– Угроза? – усмехнулся Джордж Истмен.

– Что тебе угрозы? Ты просто умрешь еще один раз, родишься где-нибудь в Австралии, тебе не впервой... И еще, – решила-таки добавить от себя, – там, где ты живешь, какой у тебя вид из окна?

Истмен несколько растерялся от такого вопроса: с подвохом он или нет? Но все же ответил:

– У меня квартира на Кенсингтон Пэлес Гарденс с окнами на Кенсингтонский дворец,

где жила принцесса Диана. Там же квартира у Березовского... Правда, у него еще особняк за городом, а у меня еще есть недвижимость в районе Беркли-сквер. Вид из окна? Честно говоря, если я и смотрел в окно, это было в первые дни. А так – мне некогда. Что там? Туман?

– Ясно, – чему-то грустно улыбнулась Вера. – Мне пора.

– Вера, я вынужден был ждать столько лет, и я буду ждать еще, – твердо сказал он ей вслед.

3

Вечером позвонил Павел. Только позвонил. Встретиться они не пытались, исходя из сценария, разработанного Словцовым. Вере ничего не оставалось, как только подчиниться безумным идеям и планам, принятым «большой тройкой»: Астаховым, Словцовым и Хромовым. В принципе, ради означенной цели она была готова на все, и единственное, что ей мешало – охватившее вдруг равнодушие и инертность. Впервые за долгие годы она отдалась преследующей ее по пятам усталости и поэтому, придя в номер гостиницы, просто валилась

на кровать и дремала. В такой момент и позвонил Павел.

– Вера, это я.

– Я слышу, Павел.

– С тобой что-то не так?

– Все нормально, не обращай внимания.

– Как прошла встреча?

– Нормально. Как задумано.

– Тебе нечего мне сказать?

– Пока нет, Па.

– Да что с тобой?!

– Паш, ну ничего, понимаешь, ничего. Я, между прочим, час назад встретила с человеком с того света. Который, к тому же, являлся моим мужем...

– Извини... что твой работник тебя побеспокоил. Я просто хотел напомнить тебе о перелете в Тиват.

– Я помню, Павел. И не обижайся, неужели у тебя не бывает таких моментов в жизни, когда никого не хочется видеть и слышать? Я помню твою теорию об одиночестве, которое движет жизнью. Но мне нужно побыть наедине с собой. Разве у тебя такого не бывает?

– Да у меня практически... вся жизнь... теория об одиночестве. Теория об одиночест-

ве, она ... Я тут много думал. Человек не может быть один, если с ним Бог. Точнее, если он с Богом. Монах – от греческого «один». Но уединение монаха не с самим собой, а с Богом. Помнишь, мы говорили об этом? Ладно... Прости, Вер. Грузжу тебя. Я бы с удовольствием сейчас встал часовым у дверей твоей комнаты.

– А вот это бы не помешало, – улыбнулась Вера. – Скажи, Па, а ты напишешь когда-нибудь стихи для меня? Я в самолете читала то, что ты посвятил Маше... И, честно говоря, завидовала ей.

– Хорошо хоть – не ревновала. Милая, если Бог оставит мне мой средненький талант, то все, что я напишу, будет посвящено тебе.

– Знаешь, я как-то расслабилась. Так вдруг устала, что, кажется, умереть проще, чем дожидаться прилива сил.

– Надо поспать...

– Ага, и говорит это тот, кто тебя будит.

– Я просто очень волновался.

– А я, мне кажется, скоро вообще утрачу возможность чувствовать...

– И меня?

– Павел... Не торопи... Не надо меня сейчас подгонять...

Некоторое время Павел молчал. Ему явно не хотелось отключаться, и он придумал, что еще сказать.

– Вер, я тебе не говорил, Маша выходит замуж. Я говорил с Вероникой.

– Хорошо. Особенно хорошо, что ты поговорил с дочерью.

– Да... Ладно, Вер, отдыхай. Я люблю тебя. Увидимся в раю?

– Как Бог даст.

4

Колин Уайт вошел в номер Джорджа без стука. Тот сидел перед экраном ноутбука, изучая курсы ценных бумаг, записывая что-то в блокнот. Уайта он поприветствовал, даже не поворачиваясь.

– Рад тебя видеть, Колин.

– Вижу, как рада твоя спина, – заметил Уайт.

– Не обижайся. Я забочусь не только о своих деньгах, но и о твоём астрономическом окладе. А ты заботишься о моей безопасности. Поэтому ты единственный, кому я не боюсь подставлять спину.

– Спасибо за доверие. Но мне бы хотелось поговорить с тобой с глазу на глаз, а не со спиной.

Джордж с некоторым сожалением повернулся в крутящемся кресле. Потянулся к минибару в тумбе стола и достал бутылку виски. Плеснул по глотку в стаканы.

Уайт одобрительно проследил за его действиями, взял свой стакан, отложив на кровать папку, с которой пришел.

– Джордж, даже после твоей встречи ты не оставил этой затеи с русской женой? – почти вкрадчиво спросил шпион.

– Моей женой, – поправил Истмен.

– Твоей русской женой, – грустно согласился Уайт. – И каковы твои планы? Разорить ее, чтобы она бросилась к тебе в ноги? Совершить героический поступок, дабы привлечь ее внимание, которое целиком занято другим человеком?

– Ты, как обычно, принес дурные вести? – догадался Истмен.

– А на что ты рассчитывал? Честно говоря, я наивно полагал, что дурные вести для тебя могут быть только в случае падения биржевых индексов, а в сентиментальные игры ты не играешь.

– Значит, твой шпионский спектакль в русском театре не прошел, – вздохнул Истмен, – и Вера снова с этим поэтом?

– М-да... – Уайт раскрыл папку и достал оттуда ворох фотографий, разложив их вее-ром на покрывале.

Истмен лениво, будто изображения его совсем не волнуют, порылся в солидной пачке, выбирая фотографии из стопки по наитию.

– Где это? Крым какой-нибудь?

– Нет, это Адриатика. Черногория.

– Нашли место. Там что, уже цивилизация?

– Там ее никогда не будет. Но места красивые, а море чистое.

– Ты и там побывал, Колин?

– Интересы Ее Величества на Балканах были всегда и всегда сталкивались там с интересами России.

– И там у тебя тоже есть свои люди.

– Да, в основном албанцы. Они скупают землю поближе к морю.

Истмен изо всех сил старался сдержаться и сделать вид, что его мало трогают представленные его другом снимки. Вот по узкой улочке, взявшись за руки, идут Вера и этот Словцов. Вера явно счастлива. На ней только

просвечивающее парео, отчего ее точеная фигура предстает во всем ее умопомрачительном великолепии.

– Пригород Будвы... Они снимают там апартаменты, – продолжал пояснять Колин.

Вот они целуются ранним утром на пляже. Никого еще нет, только они. Явно встали пораньше, чтобы встретить рассвет у моря, чтобы никто не мешал. Интересно, сколько заплатил Колин фотографу-соглядатаю? Надо было не спать всю ночь, чтобы сделать этот снимок.

– Постельные сцены нужны? – робко, но ехидно спросил Уайт.

– Нет, и без них все ясно.

– Джордж, надо возвращаться к прежней жизни. К прежней не в смысле твоего печального московского периода, к прежней – в смысле норовистого делового человека, каким я тебя знал до тех пор, пока ты не погрузился в эти сантименты.

– Чем он ее взял? У него даже мускулатура хуже моей. Не спортивный...

– Джордж, ты забыл, она тебя похоронила...

– Ты хочешь сказать, что пора похоронить ее?

– Джордж, это то, что ты хочешь услышать, а я тебе хочу сказать, что в мире проживает еще три с лишним миллиарда женщин, и для человека с твоими возможностями ими можно просто пользоваться. Мне кажется, тебе надо расстаться с прошлым. Помахать ему рукой и помнить, что все привязанности любому человеку мешают оставаться самим собой.

– Я опоздал, – с нескрываемой горечью сказал Истмен. – Расстаться с прошлым? Его можно отстрелить, как использованную ступень космической ракеты.

– Э-э-э... – досадливо потянул Уайт, – космический челнок у тебя не получился...

– Я вижу, тебе просто не хочется выполнять эту работу, – Истмен продолжал смотреть на фотографии.

– Не вижу смысла, – вздохнул Уайт, – тем более, что при малейшем срыве все будет указывать на тебя. У тебя есть гарантия, что госпожа Зарайская никому не рассказала о вашей встрече? И уж Словцов-то точно знает, откуда ветер дует.

– Все, о чем ты говоришь, не имеет значения. Вот скажи мне, Колин, если бы у нас с тобой кто-то попытался забрать наши день-

ги, что бы ты сделал с такими людьми? И тем более с теми, кто уже забрал?

Уайт только вздохнул. Он заметил, что Джордж впал в ту степень упрямства, о принадлежности которой могут поспорить этнографы – для кого она больше характерна: русских мужиков или английских джентльменов. Видимо, поэтому у Истмена оно было сильно вдвойне. А сейчас это состояние усугублялось состоянием черной меланхолии.

– Знаешь, Колин, она была на моих похоронах, а я на ее похоронах не был. Она и так пережила меня на восемь лет. А возвращения моего не пожелала, – последнюю фразу он разбил по слогам, чтобы придать ей нужную весомость, как в речи прокурора.

– Поставь себя на ее место, – несмело попытался возразить Уайт.

– Я поставил ее на ее, а потом и на мое место, – выстрелил в него взглядом Истмен. – А сейчас я попытался вернуться на свое место, Колин! На свое! Понимаешь? А оно уже занято! За-ня-то! По-русски звучит, как ответ из туалетной кабинки. Ты хоть обделайся, но в кабинке кто-то есть, и он кри-

чит тебе в ответ: за-ня-то. Ты что, Колин, хочешь, чтобы я остался на улице с полными штанами дерьма?!

– Ага, – отмахнулся Уайт, – надо вырвать дверцу и замочить гада, который мучается там со своим геморроем! Не проще под эту дверь нагадить?

– Ты уже пробовал...

– Видать, мало.

– Хватит, Колин, я как раз в Интернете, поэтому самое время отправить письма моему должнику.

– Не знаю, Джордж, мне кажется, все это плохо кончится. Ты же знаешь, моя интуиция меня не подводила. Когда я тебе говорил, не вкладывать деньги в оранжевых на Украине, ты мне поверил. Твой коллега до сих пор клянчит у них проценты. Вспомни, кто тебя предупредил, что Сорос готовит обвал?

– Колин, ты мне мешаешь сосредоточиться. Пусть твоя интуиция лучше подскажет, как нам присутствовать на экзекуции, дабы не вызвать подозрений.

– Ты еще и этого хочешь? – искренне удивился Уайт. – Ну, может, ты хотя бы сменишь стрельбу на менее шумный яд?

– Нет, нужен верняк!

– Верняк? – повторил за Истменом русское слово Уайт.

– Именно, верняк! Это значит – сто-процентное попадание.

– Ты уверен в своем «маэстро»? Первый раз он уже допустил фальшь?

– Это было как раз то стечение обстоятельств, о котором ты мне рассказывал. Россия? Не так ли? Вот и надо успевать, пока они на территории Европы. Пусть и славянской, но все-таки Европы.

– Может, лучше их выманить в Косово, и пусть их там пристрелят как возможных террористов солдаты «Кейфор», или прирежут албанцы как возможных агентов ФСБ?

– Колин! – чуть не разнес клавиатуру ноутбука Истмен. – Может, еще одну революцию в России организовать, чтобы все выглядело естественно?

– А что, – насупился Уайт, – ради того, чтобы избавиться от семьи Романовых, Европа и Америка такой спектакль разыграли.

– Угу, – снова вернулся к тексту Истмен, – и это обошлось вам куда как дороже. Особенно, когда танки дядюшки Джо уничтожили берлинские улицы, а советские

ракеты принохивались своими боеголовками и к Лондону, и к Вашингтону...

– Ну да, – согласился наконец-то Уайт, взвесив аргументы своего хозяина и друга.

Истмен небрежно бросил одну из фотографий в маленький сканер рядом с ноутбуком и поставил точку в письме Справедливому, затем еще раз перечитал текст:

«В связи со значительными скидками в начале сезона, предлагаем вам посетить виллу на берегу Адриатического моря в Черногории, наша компания гарантирует вам комфортный отдых; проживание будет зарезервировано и оплачено, оплата проезда на месте. В аэропорту Тиват вас будут ждать все необходимые бумаги. Обратите внимание, русских туристов температура моря 18 градусов по Цельсию не пугает, и они открывают купальный сезон в апреле. См. фото».

Завершив работу, он повернулся к своему другу лицом:

– Колин, а тебе придется поставить точку в этом печальном деле.

– Ты хочешь, чтобы я убрал стрелка? Против существующих правил?

– Выигрывает тот, кто придумывает правила. Мне ли тебе об этом говорить, Колин?

– Ты ему не доверяешь?

– Ты научил меня не доверять никому. И... если тебе не хочется делать эту работу... можно нанять... какой-нибудь албанец сделает это за копейки, особенно если рассказать ему, на чьей стороне сражался этот человек во время югославских войн. Таким образом, мы окончательно запутаем следы.

– Да какие следы, Джордж! С точки зрения Интерпола, в этой песне у нас нет мотива! Успокойся, пальну я в твоего исполнителя. Всего и дел-то...

5

Получив письмо, Справедливый долго и внимательно рассматривал фотографию, где внешне беззаботные Павел и Вера стояли по колени в воде. За их спинами угадывался остров Святого Стефана. Справедливый помнил это место. Там он залечивал раны в начале девяностых после справедливой войны, в которой сражался на стороне сербов. Потом справедливых войн не было, и он начал маленькую свою... За деньги. За их деньги!

Он часто задумывался над тем, почему его еще не накрыли, не поймали и не закрыли. Только ли благодаря профессиональности, звериному чутью и интуиции почти как у экстрасенса? Или – потому что его боялись все, с кем он так или иначе соприкасался? Но, благодаря этому, у него, если не прибавилось врагов, то не осталось и друзей. В итоге ему начинало казаться, что кто-то свыше ведет его по краю пропасти через затейливые смертоносные траектории чужих интересов и страстей. Для чего? Вот этот вопрос можно было задавать небу сколь угодно долго. Оставалось думать – ради того, чтобы совершить нечто более важное, чем все происшедшее до сих пор. И теперь он решил, что Павел и Вера – это как раз одно из этих событий. Из тех – ради чего.

И еще – он последнее время все больше разочаровывался во всем, что ему приходилось делать. Страшнее всего, что приходилось разочаровываться в концепции, идее собственной борьбы со злом. Во-первых, один в поле хоть и оставался воином, вопреки народной пословице, но и результативность у него была единичная. Во-вторых, приходилось быть и судьей, и прокурором, и адвокатом одновременно, определяя, за какое дело взяться, а за ка-

кое – нет. При этом весьма часто следовало после уничтожения «цели» тут же уничтожать заказчика, который стремился избавиться и от него самого – «рубил концы», нанимая убийцу убийцы. Так одна смерть нанизывалась на другую и множилась. Смерть могла породить только смерть. И когда Справедливый все отчетливее начал понимать это, он понял и другое. Не понял даже, а почувствовал, как умирает его душа. Если б на его месте был кто-то другой, с принципами «ничего личного», то он, вероятно, только бы обрадовался тому, что ночью кошмары не снятся, совесть почти не заглядывает в потаенные уголки сердца и «кровавые мальчики» в глазах не скачут. Последние два года ничего подобного у Справедливого не было, но, помимо души, у каждого человека есть еще разум, и именно разум подсказывал ему, что долгое отсутствие проявлений совести делает из него монстра, а отнюдь не сверхчеловека.

В большинстве случаев тогда наступает время вспомнить о Боге. Но и здесь у Справедливого была своя концепция. Он никак не мог понять Прощения... Не мог, или не хотел? Может, даже не из-за отсутствия веры в Милосердие Божие, а потому что сам принимал

добровольное пребывание в аду, чтобы и там не давать покоя своим клиентам.

Но оставался еще один вопрос, разгибающийся при ближайшем рассмотрении в восклицательный знак. Это был вопрос о счастье. Его тоже не было у него ни в какой понимаемой человечеством форме. Не было женщины, не было детей, не было уже цели, потому что идея терпела крах. Место убранный грязи тут же занимала грязь другая, а сам он уже по уши был в грязи и в крови. Грязь и пустота стали привычным пространством как внутри, так и снаружи.

«Может, дьявол играет со мной, оставляя меня жить, сохраняя меня на свободе?» – думал иногда он, выкручиваясь из многомерных ловушек. И мечтал умереть в бою... На справедливой войне...

Зарайский разочаровал его тем, что заказал собственную жену. Правильнее сказать – вдову. И мужчину, которого она выбрала. К тому же поэта. Был какой-то момент, когда Справедливый поверил в то, что деньги для Зарайского средство, а не цель. А оказалось все так же банально: и цель, и средство. Та же Вера пришла к нему не из-за денег, а из понятного ему чувства мести. Теперь же гос-

подин Истмен пытался поставить на кон чувства... Но чувства ли это были при ближайшем рассмотрении, или попранные права собственника? Пытаясь разобраться в этом, Справедливый впервые решил сыграть по собственному сценарию, а уж от своих решений он не отходил никогда.

«Получил приглашение на отдых», – такой текст электронного письма Справедливый отправил Астахову. На всякий случай проверил все свои почтовые ящики, более заказов не было. По этому поводу у него тоже была своя теория. Стабильность следовало измерять не экономическими показателями, а количеством убийств. В стабильном обществе смерть воспринимается как нонсенс, в противном случае – она привычное окружение, а новый памятник на кладбище или новые развалины взорванного дома – стандартный интерьер.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

В апреле в Будве было тихо и спокойно. Туристов было немного, и город готовился через месяц принять население, в несколько раз превышающее его собственное. А пока текла размеренная патриархальная жизнь между самым чистым морем и очень голубым глубоким небом. Купаться в Ядранском море в эту пору решались только отчаянные русские, особенно северяне, для которых согревшиеся до 12-15 градусов Иртыш и Обь – комнатная температура. На них, правда, смотрели без особого восхищения и удивления, потому как давно привыкли. Кстати, местные, пока еще не отягощенные заботой о постояльцах, тоже успевали получать свою порцию солнца, хотя мог-

ло показаться, что большинство черногорцев с рождения были отлиты из меди. Поэтому пляжи хоть и не были забиты до отказа, как летом, но не пустовали.

Павел и Вера поселились в старом городе, который окружала древняя крепость, поросшая травой, выюном и цветами. Впрочем, узкие средневековые улочки своим форматом мало чем отличались от современных, поскольку застройка в Будве велась весьма тесно. Там, где кончался старый город, новый начинался окно в окно. Кое-где с трудом могли разойтись два человека. О проезде на автомобиле и тем более парковке не могло быть и речи. Павел и Вера часами просиживали в маленьких кафе, разговаривая. Им нужно было рассказать друг другу всю предыдущую жизнь. Чтобы начать новую. По вечерам они ходили подолгу смотреть на закат, когда солнце сваливалось за западные склоны гор и мир наполнялся предчувствием тишины, хотя жизнь ни на минуту не останавливалась. Иногда небо затягивалось облаками, но самое дивное, что над островом Святого Николы почти всегда был разрыв, сквозь который пробивались почти осязаемые на ощупь солнечные лучи – эта-

кий пирамидальный нимб. Такую же картину им удалось наблюдать над островом Святого Стефана, превращенного в самую элитную гостиницу Адриатического побережья.

Иногда они посещали службу в церкви Троицы Живоначальной или в церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Храмы были древние, как и эта земля.

Словцов свозил Веру в Цетинье поклониться деснице Иоанна Крестителя, а она его – в красивейшую Которскую бухту. За десницу Иоанна Крестителя Ватикан предлагал Черногории сумму, равную ее бюджету на полвека, но черногорцы святынями торговать отказались.

Черногорцы чутьем охотников распознали в Вере богатого человека, поэтому почти в каждом кафе к ним подходили продавцы недвижимости, предлагали квартиры, виллы, недостроенные объекты или возможность открыть собственную фирму.

Когда речь заходила о предстоящих планах, Вера смеялась, вспоминая, как назвал ее чешский водитель, с которым она едва не столкнулась на узких улочках Праги. «Зача-точница». Потом выяснила, что это слово определяет начинающих водителей. Павел же

сообщил ей, что писатель по-чешски «списыватель», и в этом есть определенная доля правды.

И все же совсем рядом дул сквознячок опасности, который не оставлял шанса на полную беззаботность. Где-то рядом были люди Астахова, тот же Володя Среда, где-то рядом налегал на виньяк Хромов, но до времени «Ч» оставалось все меньше времени.

Самым невероятным было то, что Хромова в аэропорту действительно встречал лохматый и небритый гений современного кино Эмир Кустурица.

– Фантастика! – оценила происходящее Вера.

– Он очень отзывчивый человек и такой же депрессивный, как я, – пояснил Павел, – у нас с ним одинаковые тараканы в головах. Я как-то читал интервью, в котором у Кустурицы глупый журналист спросил: не боится ли он, что из-за того, что он принял православие, от него отвернутся многие друзья и он останется один. Кустурица спокойно ответил: со мной будет Бог, а кто еще нужен?

– Просто... и гениально.

Кустурица подошел к ним с добродушной улыбкой на широком лице, в сопровож-

дении переводчика, чтобы спросить у Веры, предварительно извинившись за незнание великого и могучего русского языка:

– Вы действительно та женщина, которая хочет стать бедной, но любимой?

– Да, – просто ответила Вера.

– А вас она нашла по объявлению в газете и наняла в качестве друга? – спросил он у Павла.

– Да, – так же просто, немного смущаясь, ответил Словцов.

– Хорошее могло бы получиться кино, – рассудил режиссер. – Но пока, – он с улыбкой посмотрел на Хромова, – разыграем сказку в жизни. Это весело! У меня все готово.

– Денег хватит, – на всякий случай подтвердил Хромов, отчего Кустурица поморщился, словно его потревожила старая болячка. Он что-то буркнул на сербском, что переводчик предпочел оставить без перевода.

Затем режиссер дал Хромову какой-то документ с печатью.

– Что это? – спросил Юрий Максимович.

– Виза на въезд в мою деревню. Я там мэр, у нас демократия наоборот. Не жители выбирают мэра, а мэр выбирает жителей. Это вам понадобится, чтобы проехать туда...

– А им? – кивнул Хромов на Павла и Веру.

– Для них мы построили другую, на окраине Будвы. Все думают, что там будет сниматься кино. Русские снимают, мы помогаем. О Будве поэт сказал, что город построен из камня и любви. Так что для влюбленных подходит.

Согласно разработанному плану, в назначенный срок Павел и Вера переехали в деревушку, обустроенную в качестве декораций к предстоящим событиям. Напоследок они пообедали в ресторане «Stari grad», прощаясь со старым городом и лабиринтом его музейных улочек. Перебираться пришлось еще дальше курортного поселка Бечичи и еще выше – в горы.

Теперь в их распоряжении был небольшой сербский домик с прилегающим к нему садом и хозяйственными постройками. Пожилая сербская пара с удивительно сочетающимися именами Станко и Станка переселились во флигель, где жили летом, и напоминали о себе только шикарными застольями в обед и ужин, ароматным кофе по-восточному на завтрак и лучезарными улыбками, если приходилось-таки столкнуться с ними во дворе или в

саду. Оба они хорошо знали русский язык и, как выяснилось в один из вечеров, русские песни. Станко, впрочем, не прочь был поговорить и о политике, и о славянском братстве, поругать Штаты и гнилой Запад, найдя в лице Павла не только собеседника, но и соратника. Вера и Станка в таких случаях тихонько говорили о своем – о женском, иногда все вместе пели под чистую, как слеза, сливовицу-ракию или домашнее вино, а в один из вечеров Павел читал стихи.

2

«Как случилось, как же так случилось!

Наше солнце в море завалилось.

Вспомню поле Косово и плачу,

Перед Богом слез своих не прячу.

Кто-то предал, ад и пламень лютый!

В спину солнца нож вонзил погнутый.

Кто нас предал, жги его лют пламень!

Знает только Бог и Черный камень.

И наутро над былой державой

Вместо солнца нож взошел кровавый.

Наше сердце на куски разбито,

Наше зренье стало триочито:

Туфлю Папы смотрит одним оком,
Магомета смотрит другим оком,
Третьим оком — Русию святую,
Что стоит от Бога одесную...
Бог высоко, Русия далеко,
Ноет рана старая жестоко.
В белом свете все перевернулось,
Русия от Бога отвернулась.
В синем небе над родной державой
Вместо солнца всходит нож кровавый.
Я пойду, взойду на Черну гору
И все сердце выплачу простору.
Буду плакать и молиться долго,
Может, голос мой дойдет до Бога.
Боже милый плюнет в очи серба,
Его душу заберет на небо».

Когда Павел закончил читать это стихотворение, последняя строчка действительно полетела в густо усыпанное звездами небо над Адриатикой. Туда, где пребывал сейчас поэт, написавший «Сербскую песню».

— Это стихи Юрия Кузнецова, — сказала неожиданно для Словцова Станка и на его немой вопрос ответила: — Мы его знаем. Знаем и это стихотворение. Я когда-то пре-

подавала русский язык, сейчас мало кто хочет его учить. Все учат английский. Я знаю и тот, и другой, знаю еще немного итальянский, но русский – самый поэтический.

– А сербский? – И сам же вспомнил прочитанное когда-то у незнакомого поэта:

*«Твердил я сербского склады,
Учил я сербский стих.
Как сербские слова тверды.
Как мало гласных в них.*

*Но как в бою они звучат,
Тогда лишь ты поймешь,
Когда в штыки идет отряд,
По-сербскому – “на нож”.*

*Я понял трудный их язык,
Народа дух открыв,
Язык, разящий точно штык:
Срб. Смрт. Крв».*

– Да, это язык народа, который все время воевал за свою свободу, – сказал Станко, в глазах которого замерли не смевавшие выпасть слезы.

– История России – это тоже постоянная война, – добавил Павел, – а последние сто лет мы воюем сами с собой...

– И мы... Что важно для русской души, то важно и для сербской, говорил преподобный Иустин, – заметил Станко. Тогда Павел стал еще и еще читать стихи сербских поэтов – Зорана Костича, Радована Караджича...

– Вы знаете так много стихов наизусть, – признала Станка.

– Раньше знал много. Профессиональное. А теперь начал забывать. Не время для стихов, что ли?

– Если не будет времени для стихов и песен, значит – народ умер, – веско сказал Станко.

– А если везде, в каждой стране, в каждом городе будет одинаковый вид из окна, значит – умерло человечество, – подумала о чем-то своем Вера.

– Где-то под Белградом на белогвардейском кладбище похоронен мой двоюродный прадед, – вспомнил Павел. – Символично звучит: белогвардеец под Белградом.

– Там есть и красноармейцы, но много позже... – вставила Станка.

– Выпьем за них, – предложил Станко, – у меня давно не было разговора по душам.

Утерев ладонью густые седые гусарские усы, он вдруг затянул:

Тамо далеко, далеко од мора,

Тамо је село моје, тамо је Србија.

И уже на повторе второй строки песню подхватил пронзительный детский голос из соседнего сада. Станка, которая сначала слушала, стала подпевать, но не в унисон, а в терцию. И вот уже, казалось, поет все побережье. Павел и Вера слушали, затаив дыхание, как многоголосно, наливаясь единой грустью и волей, звучит славная сербская песня.

«Живела Сербия», – унеслось в бездонное ночное небо, и наступила звонкая, как взмах сабли, тишина. Притихли даже цикады в садах. И Павел вдруг с грустью подумал: а могут ли так ныне запеть в русской деревне?.. Вспомнят ли слова народной песни?

3

«Она что, не могла позволить себе курорт подороже?», – изумился Колин Уайт,

поселяясь в двухэтажную гостиницу, напоминающую больше постоялый двор с шумным трактиром. Так, прямо напротив рецепции, располагался кабаk с деревянной резной мебелью, висящими из-под потолка кусками «пшута» – вяленого мяса, и, главное, какими-то цыганскими музыкантами, которые начинали играть то ли славянские, то ли цыганские песни, как только Уайт появлялся. Хуже того, когда он отправился осмотреть местность, они вместе со всей своей духовой медью и барабанами двинулись за ним, играя не что-нибудь, а тему нашествия из седьмой симфонии Шостаковича. Потом играли переделанный на какой-то издевательский манер «Полет валькирий» и почти постоянно продолжали горланить свои песни.

– Джордж! Я не могу тут работать! Я еду к тебе на Святой Стефан! Что? Меня преследует какой-то цыганский ансамбль. Я не знаю, как от него отделаться? Дать денег?

Сунув телефон в карман, он повернулся к музыкантам, которые неподалеку остановились выпить ракии из огромной стеклянной бутылки. Каждый делал помногу глотков, но бутылка весьма быстро шла по кругу. Стоило Уайту подойти к ним, она механически ока-

залась в его руках, и он чуть было не отхлебнул из нее, но вовремя опомнился.

– Вот! – с просветленным лицом объявил он, протягивая купюру в пятьсот евро. – Деньги!

– Money! – обрадовался главный музыкант, скрупулезно осматривая купюру. Потом продемонстрировал ее всем и вдохновенно крикнул: – Money!

Музыканты тут же схватили инструменты и заиграли что-то ужасно знакомое, но опять же на свой цыганско-славянский манер. Но когда главный хриплым баритоном запел, Уайт с ужасом узнал, что он только что заказал одноименную песню «Pink Floyd».

– Money, get way... – пел главный. – Money – it's gas...

Раздосадованный Уайт с ненавистью взирал на происходящее. Наконец ему пришла другая мысль: первая – достать из кошелька родные фунты, вторая – говорить на русском.

– Вот! Это не мани, это настоящие английские фунты! Разумеете? Вот – это вам! Всем молчать и стоять смирно! Ясно!

– Яволь! – подобострастно рявкнул старший, вытягиваясь по команде смирно, но, получив деньги, стал и эти купюры тщательно

просматривать на солнечном свету, под одобрительный ропот своих коллег. Уайт криво ухмыльнулся и пошел своей дорогой. Но стоило ему сделать несколько шагов, как за спиной заунывно зазвучало: «God, save the Queen» в стиле похоронного марша. Колин замер на месте, не решаясь повернуться. Пусть лабают что хотят, лишь бы не шли по пятам. Сделал снова несколько шагов. Музыка изменилась, плавно перейдя в «Thank you for the music» из репертуара знаменитого шведского квартета.

– Я уеду из этой гостиницы! Это фарс какой-то! – орал в трубку Уайт, жалуясь Истмену.

– Справедливый там живет?

– Там! Здесь! Но я могу наблюдать за ним из другого места.

– Колин, сезон еще не начался, и они просто выжимают из немногочисленных туристов все, что можно. Относись к этому спокойнее.

– Хорошо тебе давать советы из пятикомнатных апартаментов с видом на море, а у меня какой-то коровник за окном!

– Колин, осталось немного, потерпи. Расслабимся, отдохнем.

Несколько успокоило Уайта событие, свидетелем которого он стал на следующий

день. Цыганский джаз-банд окружил в холле Справедливого, добиваясь от него – какой инструмент он носит в лаковом кофре. «Ствол!», – испугался сначала Уайт. Но Справедливый спокойно расстегнул замки и открыл на общее обозрение... саксофон. «Ах да, албанцы должны привезти нам стволы одновременно», – вспомнил Уайт и тут же удивился предусмотрительности Справедливого, которого теперь никто не будет спрашивать, что он таскает в кофре. Надо и для себя придумать что-нибудь подобное. Другое дело, что музыканты тут же предложили сыграть что-нибудь, и Уайт даже чуть согнулся, как будто его пнули между ног. Теперь, полагал он, снайпер вынужден будет сочинять неправдоподобные нелепицы, для чего ему саксофон. Но Справедливый вдруг сел на табурет в окружении галдящих цыган и начал выдувать знакомую тему. Постепенно она стала обрастать сопровождением, и в итоге, хоть и не очень складно, но зазвучала пьеса из известного фильма «Arizona Dream». «С ума сойти», – подумал Уайт, торопливо удаляясь, пока музыканты не увязались за ним.

Вечером, когда он вернулся в гостиницу, портье заговорщическим тоном спросил его:

– Мистер Уайт, сэр, сегодня самое время заказать девушку в номер.

– Зачем? Почему самое время?

– Как зачем? – искренне изумился портье. – Самое время, потому что сегодня это можно сделать в полцены!

– Сегодня?

– Да, сегодня! Вполцены! Медь с молоком! Метр восемьдесят! И наши девушки очень цивилизованные! Оч-чень!

– Я отдыхаю, в том числе от женщин. Понимаете?

– Андестенд, андестенд... – задумчиво потянул портье. – Но у местных жителей может сложиться о вас неправильное впечатление.

– Мне наплевать, что подумают обо мне местные жители. Я приперся сюда в апреле, чтобы не видеть толпы туристов и дышать морским воздухом. Я заплатил за это!

– Разумеется, сэр. Никаких проблем, сэр. Но сегодня вполцены, сэр... – портье представлял собой весьма жалкий вид, как будто у него отобрали последний кусок хлеба.

Уайт остановился в раздумьях и, немного погодя, принял решение:

– Ладно, присылайте свою... вполцены...

Он успел сбросить только ветровку и хлебнуть минеральной воды, как в дверь постучали.

– Войдите! – небрежно скомандовал англичанин и через секунду оторопел.

В комнату вошла действительно прекрасная загорелая девушка, но на костылях! Она была одноногой. Под легким сарафаном угадывалось великолепное тело, но не было одной ноги чуть выше колена.

– В чем дело? – изумился шпион.

– Это я. Меня зовут Вишня. Я вполценны.

– А... Э... О... Что это!? Это издевательство?

– Нет, сэр. Всем надо жить и работать. Я очень хорошо работаю. До попадания на-товской бомбы в наш дом я работала моделью. Но взрыв изуродовал мою ногу. И не стоит так волноваться. Я цивилизованная. Видите, – она кивнула на свой обрубок, – как меня приласкала цивилизация. Говорят, что английские летчики даже написали на бомбе поздравление для Вишни: «С Пасхой Христовой!». Веселые ребята, правда?

– Идиоты! – вынужден был признать Уайт. – Вообще-то я не помышлял о ночном удовольствии даже с двуногой... Думал, дам ей задание погладить мои вещи.

– Для этого в гостинице есть Бранка. А мне на одной ноге неудобно.

Колин Уайт еще раз выругался, он не знал, что ему делать.....

4

Албанец Джерджи объявился на следующий день. Он прислал SMS-сообщение и назначил встречу в Будве в полдень. Уайту пришлось нанимать единственное и раритетное такси в поселке – кабриолет, переделанный из «Москвича-412», да еще покрашенный в броский ярко-желтый цвет. Успокаивало одно – Павел и Вера тоже катались на этом динозавре советского автопрома и, похоже, их это искренне забавляло. Значит, никто не будет воспринимать его поездку как деловую. Сам таксист и владелец авто – Лука – называл свое четырехколесное чудо *promenade limousine* и брал за пару часов катания вдоль «ядрански пут» ни много ни мало сто евро. Уайт торговаться не стал, а попросил Луку подождать его в городе, чтобы с ним же вернуться.

Джерджи ждал его в кафе, уже заказав две чашки кофе. Одетый в джинсовый костюм,

с сигаретой в зубах, он напоминал беспечного хиппи, прожигающего время. Когда Уайт сел напротив него, он не преминул съязвить:

– Колин, даже на берегу Адриатики ты не снимаешь темный костюм. Ты смотрел «Люди в черном», Колин?

– Смотрел, Джерджи, смотрел. Более того, я сказал Томми Ли Джонсу, что вторая часть – полное дерьмо!

– Ты знаешь Томми Ли Джонса?

– Лучше, чем тебя. Чем порадуешь?

Джерджи ногой перепихнул под столом спортивную сумку в сторону Уайта. Тот, растегнув молнию, молча заглянул внутрь: две снайперки и «беретта» с глушителем.

– Сколько?

– Десять тысяч евро, – не моргнув глазом, ответил албанец.

У выдержанного Уайта подпрыгнули брови:

– Это в два раза дороже, чем стоит!

– Хорошо, я увезу заказ обратно. Мне пришлось вытащить эти игрушки из партии для Косово. Поэтому в стоимость входят неустойка и другие накладные расходы.

– Ладно, – отмахнулся Уайт, доставая чековую книжку. – Когда вы все тут навоюетесь?

– А мы с черногорцами не воюем, а торгуем. С ними бессмысленно воевать, как и с нами. Они такие же, как мы. Упрямые. А вот чек, Колин, оставь себе, мне нужны наличные.

– Ты что, не доверяешь?

– Доверяю, но сегодня нужны наличные.

– У тебя не будет проблем с обналичиванием этого чека. Ни один банкомат не даст мне такую сумму.

– Да, – согласился Джерджи, – ты прав. Тут во всех банкоматах может не оказаться такой суммы. Ладно, выписывай чек, но на пятьсот евро больше, я не рассчитывал тратить время на такую чепуху.

– Проклятый албанец! Тебе бы с евреями торговаться. Игрушки, надеюсь, качественные?

– В масле еще. Но пристреляны, как ты и просил. – Джерджи внимательно посмотрел на чек и, удовлетворенно хмыкнув, сунул его в нагрудный карман джинсовой куртки. – Приятно работать с тобой, Колин.

– Не могу тебе ответить такой же любезностью, Джерджи.

– О! Я забыл, что ты джентльмен, и если тебе приходится наживать на войне, ты восемь раз в день моешь руки.

– Деньги не пахнут, сказал император Веспассиан, когда вводил налог на уборные.

– А я, кстати, планирую открыть бизнес с биотуалетами, – поделился Джерджи.

– Тротил и наркотики там будут вместе с туалетной бумагой?

– Надо об этом подумать, – вдохновился идеей албанец.

Когда Колин с грохотом закрыл за собой дверь развальни-кабриолета, Лука, бросив взгляд на сумку в его руках, невозмутимо спросил:

– Купили наркотики или оружие?

– ??? – нахмурил брови Уайт.

– Ну вы же взяли эту сумку у албанца – значит, купили либо то, либо другое.

– Бог мой! Что за удивительная страна?!

– Черногория. Мы запах оружейного масла чуем лучше, чем запах сливовицы и вкусного обеда. Не переживайте, я не побегу в полицейский участок.

– Сколько? – устало спросил Уайт.

– Сто евро.

– О'кей.

Но самое удивительное ожидало британца, когда он вошел в гостиницу. У стойки бара и за столиками галдела толпа людей, одетых в

немецкую форму времен Второй мировой. На столах, помимо напитков и закуски, лежали автоматы «МР-38» и немецкие карабины. Галдеж стоял как на сербском, так и на немецком.

– Что это за ряженые? – спросил раздраженно у портье Уайт.

– Это, сэр, кино. Будут снимать кино. Немцы воюют с югославскими партизанами. Красивый бой. Партизаны победят. Я тоже буду участвовать в массовой сцене. Не хотите открыть второй фронт? – улыбнулся портье.

– Что? – не понял шутки Уайт. – Я должен отдохнуть, они долго будут шуметь?

– Я попрошу их быть тише, сэр. Скажу, чтобы вас никто не беспокоил. До июня тысяча девятьсот сорок четвертого года. Черчилль ведь хотел открыть второй фронт на Балканах. Так что можете отдыхать спокойно, сэр.

– Да уж, а то пришлете очередную проститутку в инвалидном кресле, – недовольно пробурчал Уайт, поднимаясь на второй этаж по скрипучей деревянной лестнице.

Из номера он позвонил Истмену.

– Джордж, сумасшедший дом продолжается. Тут намереваются снимать кино, батальные сцены.

– Справедливому это не помешает, а тебе?

– Ночью я подготовлю позиции, и для тебя – тоже, – оставил без внимания его колкость Уайт.

– Хорошо.

– Ты любишь провожать закат?

– Да.

– А я нет.

– Почему?

– Глаза слепит, целиться неудобно, – открытым текстом заявил Уайт и отключился.

5

Солнце действительно нещадно слепило, расплываясь оранжевым маревом над западными вершинами гор. И все же Уайт профессионально выбрал обе позиции. Позиция Справедливого была на скалистом уступе полусотней метров ниже. Причем находящегося еще выше Уайта он мог только чувствовать, если у него было то самое звериное чутье, о котором упоминал Джордж. Кусок дикого пляжа, куда каждый вечер приходили Павел и Вера, был как на ладо-

ни. К нему в отдалении, спускались с двух сторон две тропинки. Сам пляж целиком просматривался со склона, вдоль которого тянулся Адриатический тракт – «Ядрански пут». Истмен проедет мимо на машине, любуясь достопримечательностями. Потом, когда найдут тела Павла и Веры, он будет уже далеко.

Устроившись удобнее, Уайт наслаждался шепотом природы. Что-что, а красота была здесь необыкновенная. Дотянуть бы еще до ее уровня ненавязчивый черногорский сервис, и можно приехать сюда коротать годы на пенсии. Если, конечно, дядя Сэм не вздумает начать отсюда новую мировую заварушку, как уже было когда-то в Сараево.

Справедливый появился минут за двадцать до времени «Ч». Откопал в камнях завернутую в тряпье винтовку, неторопливо проверил прицел. Кто его знает, какое у него чутье, но воля и нервы у него были железные. В какой-то момент Уайт испугался. Справедливый лег на спину и внимательно осмотрелся по сторонам. Так, что британцу показалось, он засек его позицию. Но тот вернулся в исходное положение.

«Черт! Такой день! Такое спокойствие и умиротворение, а тут...» – Колина Уайта охватила странная сентиментальность. Вот уже появились Павел и Вера, остановились в метре у кромки моря. Павел, как обычно (так он делал уже несколько дней подряд), обнял Веру со спины. Они стояли, о чем-то шептались, наблюдая за горизонтом, а Справедливый начинал целиться. По договору, он должен был поразить обе цели одной пулей. У Джорджа была нездоровая фантазия, в сущности, бзик по этому поводу.

Где-то за спиной, в Будве, ударил колокол.

6

– Помнишь, как там? – спросил Павел, – и сам продолжил: – «Солнце гасло, медленно погружаясь в морскую гладь горизонта, и розовые всполохи на небе писали обещание завтрашнего дня. Они стояли на опустевшем берегу в обнимку, провожая солнце. За их спинами тихо шумел листвою искалеченный людьми рай. Они ничего не

ждали, потому что у них было все. В недалекой церквушке ударил колокол, созывая прихожан на вечернюю службу...».

– Помню, – подтвердила Вера. – «Пуля вошла в его сердце со стороны спины, а из его сердца вышла там, где грудь расходится буквой "л"».

Павел нежно нашел рукой это место.

– Не трогай, собьешь пластырь, что-нибудь не так пойдет, и тогда в нас будут стрелять по-настоящему. Па, это больно, когда эти пластыри взорвутся?

– Немного. Чуть меньше, чем умереть.

– Перестань, – Вера едва сдерживала смех и страх.

– Падай красиво... Кровь будет видно с обеих сторон.

Благовест ударил в пятый раз....

– Готова?

За спиной прозвучал хлопок выстрела, одновременно с ним ударил колокол, приклеенная пластырем пиротехника разлетелась на части, заливая кровью тела Павла и Веры. Дальше оставалось только красиво упасть.

7

– Вроде этого нет в сценарии? – услышал за спиной голос Уайт, вздрогнул и вспотел одновременно.

Он отринул от оптического прицела, в котором еще секунду назад была голова Справедливого.

– В оптику лучше видно? Это что, они оставили боевое оружие? – за спиной Уайта стоял черногорский милиционер.

– Кто они? – замер Уайт, ощущая в кармане брюк тяжесть спасительной «беретты».

– Да – вон!

После этих слов на пляже, где лежали тела Павла и Веры, началось невообразимое. Один за другим подняли мелкую гальку взрывы, с дороги по склону скользили разношерстно одетые вооруженные люди, за ними – та самая толпа немецких автоматчиков. На самом пляже началась жестокая рукопашная, и число «мертвых» тел там стремительно росло. Партизаны отчаянно сражались, потому как отступать им было некуда. Сверху на Павла и Веру упал какой-то толстый «немец». С моря всю эту бата-

лию снимал появившийся невесть откуда вертолет. Справедливого на позиции уже не было...

– Хотите посмотреть поближе? Вот идиоты! – милиционер рассматривал винтовку. – Это же «эсвэдэ», тогда таких еще не было. Если б увидели в фильме, засмеяли бы. О! – он передернул затвор, – и патроны есть. Вчера выпили весь бар, сегодня оружие бросают. Надо отдать этим разгильдяям винтовку.

– Нет, я тороплюсь, – вернул себе маску железного спокойствия Уайт. – Вы им сами отдайте.

– Ну, как хотите, – милиционер начал спускаться по тропе в сторону битвы. – Сейчас закончат.

– Ага, – кивнул Уайт, направляясь в другую сторону.

– Снято! – с улыбкой крикнул Кустурица, которого Уайт уже не видел. – Можно подгонять «скорую помощь» за трупами!

На окраине поселка Уайт снова напоролся на злополучный цыганский оркестр. Завидев щедрого постояльца, музыканты тут же схватили свою медь и начали выдывать

знакомую тему из фильма «Миссия невыполнима». При этом фальшивили на свой балканский манер. Уайт брезгливо поморщился, этот фильм ему очень нравился, напоминая о бурной молодости. А вот Лука на своем кабриолете оказался как нельзя кстати.

– В Тиват! – крикнул ему британец.

Уже на тракте в кармане зазвонил мобильный телефон. Голос Истмена заинтересовался:

– Что это было, Колин?

– Кино. Я же говорил.

– Работа сделана?

– Да. Я видел.

– А Справедливый?

– Ушел под эту заварушку.

– Гениально! Я так и знал, что он что-нибудь придумает. Теперь, главное, нам самим не попасть на его мушку. Искать его бесполезно...

– Ты мне это говоришь, Джордж?

8

Вечером в киношном поселке Хромов и Кустурица закатали большой и шумный

праздник, на котором играл знаменитый «No smoking orchestra», так не понравившийся Колину Уайту... Павел и Вера в это время читали черногорскую желтую газету о смерти двух российских туристов в результате разборок криминальных структур. И о том, что из-за этого были сорваны съемки исторического бестселлера о Народно-освободительной армии Югославии. Полиция ведет расследование. Эту же газету будет чуть позже читать Джордж Истмен. Проскочит еще какая-то информация в Интернете. Телевидение данное событие вниманием не удостоит, или Истмен просто не углядит ее в пестрых и быстрых блоках подобных новостей.

– Я тут услышал одну удивительно точную поговорку, – сказал Павел, – из одного дерева икона и лопата бывают.

– Интересно, – признала Вера.

– Это не о дереве. О человеке. Это человек может сделать из себя лопату, загибающую, скажем, деньги, или – еще какой-нибудь инструмент, доску разделочную, скажем, а может стать иконой, согласно тому, что он есть образ и подобие Божие.

– Да, – согласилась Вера. – А почему Кустурица называет себя югославом?

– А почему я считаю себя гражданином Российской империи?

– А я кто?

– А вас я прошу быть моей женой!

– По старому паспорту или по новому?

– Мы повенчаемся, а для Бога паспорт не важен...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ: ЭПИЛОГ

1

Пашка неуверенно постучал в дверь, указанную на листочке, который он держал в руках.

– Кто вы? – услышал он и понял, что его рассматривают в глазок.

– Я от Веры Сергеевны. Варвара Семеновна – это вы?

Дверь открылась. Пожилая женщина еще раз внимательно осмотрела его с ног до головы, затем отступила в сторону:

– Входите.

– У меня к вам письмо от Веры, – он протянул запечатанный конверт.

Варвара Семеновна торопливо вскрыла его, развернула лист, на котором была всего одна фраза.

– Тут сказано, что вы все расскажете, все объясните.

– Да! Пока не забыл, – Паша достал из кармана еще один конверт. – Это тоже вам. Здесь текст эпитафии на памятник. Павел Слобцов придумал.

– Какой памятник?

– Если вы угостите меня чаем... И если у вас в доме есть коньяк... Ну, а если нет, то у меня он есть с собой... Я все вам подробненько расскажу.

2

– Витя, я не верю, – причитала Лена Солянова, вытирая слезы и сопли с распухшего лица.

– Не верь. Имеешь полное право, – сухо отвечал муж, наливая в рюмки водку. – Помянем?

– Да отстань ты! Почему их хоронили в закрытых гробах? Варвара Семеновна даже не попросила открыть!?

– Потому что там были взрывы...

– Но почему тогда Веру похоронили рядом с Зарайским?

– Варвара Семеновна так решила.

– Экстрасенс-алкоголик этот – Пашка – все так решил. Вертелся вокруг нее... Заботливый... А что значит эта надпись на памятнике: «Любовь того стоила»? Кому она?

– Кому надо, тот и прочитает, – резонно рассудил Виктор.

– Это я, дура, все устроила. С этим дурацким объявлением.

– Пуля – дура, а ты – просто женщина.

– Издеваешься?

– Сама ты над собой издеваешься.

– Но ты мне объясни, почему она почти все оставила Лизе? Кому?! Ли-зе! Я в ум взять не могу.

– Не бери.

– Тьфу на тебя, Солянов, наливай...

3

– Вероника, тебе прислали из Европы бутылку вина, – растерянный Дэвид вошел в комнату.

– От кого?

– Обратного адресата нет. Будем открывать?

– Бутылку? Бутылку... – как замороженная повторила Вероника.

– Красное вино... То ли македонское, то ли черногорское...

– Будем открывать... Неси штопор.

– Ты собираешься пить напиток, который неизвестно кто послал?

– Нет, я собираюсь найти там письмо.

– Письмо? Кому?

– Будущему...

4

– Клавдия Васильевна, принесите, пожалуйста, кофе и попросите Среду ждать в приемной, – скомандовала Лиза в сектор.

В кресле госпожи Зарайской она чувствовала себя весьма уверенно. Более того, в отличие от сдержанной Веры, она крутилась в нем на все триста шестьдесят градусов с завидной резвостью. Портрет самой Веры Сергеевны, перетянутый черной лентой, нисколько ее при этом не смущал.

– Вы принесли с собой тот чудный рыбный соус? – с усмешкой спрашивала она Уай-

та, который сидел напротив нее. – Или у вас есть что-нибудь позабористей?

– Перестаньте, Елизавета, вы же носите имя британской королевы.

– Это она носит мое имя, а я могу позвать Астахова.

– Не горячитесь, мы знаем, что он уволился и отбыл в неизвестном направлении. Что поделать, не справился с работой.

– Тогда я могу позвать нового начальника безопасности – Среду. Он, знаете, комара на лету может подстрелить, – Лиза выразительно посмотрела на Уайта.

– Я же не воевать сюда приехал, – озадаченно вздохнул Уайт.

– Ага, кто-то там вспомнил, что у него есть сын, и подумал, что можно на мне жениться. Щас я побегу, понесу все свои капиталы на блюдечке с голубой каемочкой. А потом он и меня, как Веру Сергеевну, взорвет. Ему же не я, наследник нужен.

– Елизавета Алексеевна, с Верой Сергеевной произошел несчастный случай. Вы же знаете, чем кончилось расследование. А вы, я полагаю, всегда мечтали выйти замуж за приличного человека.

– А кто вам сказал, милейший господин Уайт, что я не выйду? Я знаю, как это делается. О! – она взяла со стола газету, развернула и прочитала вслух одно из объявлений: «Куплю одинокого мужчину для достойного использования. Требования: средних лет, высшее образование, начитанность, любовь к искусству, путешествиям, отсутствие вредных привычек...» Классика! – оценила Лиза. – И если кто-нибудь еще раз напомнит мне об анализе ДНК, то я через этот анализ гарантирую пожизненное пребывание на Колыме, ясно? Так и передайте своему... Как там его?

В это время голос Клавдии Васильевны из селектора сообщил:

– Елизавета Алексеевна, Юрий Максимович звонит, срочно.

Не извиняясь, Лиза сняла трубку.

– Алло! Юра! Как я рада тебя слышать. Нет, замуж еще не вышла, жду от тебя предложений. Жорик? Нормально Жорик. Да, пришлось его из Москвы увезти. Потом объясню. Какое дело?.. Кино снимать?.. Сопродюссером?.. А сопродюссеров показывают?.. Нет?.. Сделают исключение?.. Кто будет снимать? Сколько надо – я в деле! Хорошо, увидимся.

Нежно устроив трубку на место, Лиза ехидно воззрилась на Уайта:

– У вас еще есть вопросы? Видите, мне некогда, я тут кино собираюсь снимать.

– Кино, – вздохнул Уайт, – у вас... и у этих сербов... не жизнь, а сплошное кино.

– Ага, нам так веселее. Ну все, адью. Привет королеве. – Нажала кнопку на селекторе: – Володя, проводи джентльмена... до аэропорта. Посади в самолет и проследи, чтобы он с него не спрыгнул! – снова повернулась к Уайту и метнула в него ядовитый взгляд: – У нас город маленький, хоть и столица. Еще раз явитесь, заблудитесь в тайге. А там – медведи!..

– У вас в России – везде медведи... Даже в партии...

5

А тайга за окном просыпалась утренней возней птиц и разговаривала с ветром низким хриплым голосом вековых стволов. Верхушки кедров уже не дотягивались до неба, которое весной становилось выше и прозрачнее. Разбитый вездеходами проселок тянулся вдоль опушки и сворачивал к околице.

Но самым удивительным временем была ночь. Белесая, светящаяся сама собой изнутри, она не позволяла небольшому поселку погружаться во мрак, а будто бы купала его в туманной дымке.

– Белая ночь! – любовался в окно Павел. – Я думал, такое только в Питере.

– Здесь даже интересней, – соглашалась Вера.

– Сколько мы здесь будем жить?

– Пока не надоест или пока не состаримся.

– А если наступит новый ледниковый период?

– Дров во дворе – море! Ну и, в конце концов, у нас есть маленький домик в Черногории.

– Ты же отдала его Вишне?

– Я попросила ее там жить и присматривать за ним. Мама туда поедет отдыхать.

– Ты не боишься, что мы когда-нибудь с ним встретимся вновь? Столько людей знает! Если он догадается?

– Пусть. Вера Зарайская поживает рядом с ним на кладбище. Даже если что, он ничего не рискнет предпринять, потому что никто не знает, где Справедливый. И еще я кое-что от-

правила Ерышову. Так, на всякий случай. Но главное – никто не знает, где Справедливый.

– М-да... Такие, как он, на пенсию не выходят...

– У нас вчера кончились деньги.

– В смысле?

– Здесь нет банкоматов! Я об этом не подумала!

– Позвони Диме, пусть исправит ситуацию, – улыбнулся Павел, – откроет отделение банка в этой глуши.

– Сам позвони, у меня на мобильном тоже ноль.

– Значит, будем жить в деревне. Тут, кстати, в сельскую школу требуются учителя...

– Ты забыл, год учебный заканчивается, кто нас сейчас возьмет?

– Значит, заведем корову и будем продавать молоко. В конце концов, даже Кустурица живет в деревне. А я, вопреки всему, буду читать деревенским детишкам стихи. Ей-Богу буду...

– Ну, и на что тебя вдохновляет здешний вид из окна?

– Вчера за окном мельтешил пьяный Пашка. И это вдохновляло меня наладить

ему пинка. Он, похоже, передумал умирать. Заспиртовал свои больные мозги. Будет тут местным колдуном, погоду предсказывать.

– А если серьезно? – Вера тоже подошла к окну, прислонившись к Павлу.

– Знаешь, я все время видел из окна город. Поэтому, честно говоря, не знаю. Но... Выйди-ка на улицу!

– Зачем?

– Ну, выйди, трудно что ли?

– Да нет, но что ты придумал?

– Ну выйди. Встанешь вот там, – Павел показал ей на одинокую сосну у дороги, – и смотри на меня.

– Ладно.

Через пару минут Вера смотрела на него, прислонившись плечом и головой к сосне.

– Ну что? Вдохновляет?! – крикнула она ему.

Павел открыл окно и выпрыгнул на улицу. Подбежал к ней, подхватил на руки.

– Вдохновляет! Жить так хочется, что умереть не жаль! Лишь бы вот так прижимать тебя к себе...

– Тебе еще не надоело умирать? Ты не хочешь дописать свой роман сам?

– Нет, я хочу, чтобы он длился... – Павел еще крепче прижал Веру к себе.

Она положила ему голову на плечо:

– И чтоб в конце: и жили они долго и счастливо, и умерли в один день.

– Да, но про это читать не любят. Не любят читать про счастливую любовь. Им конфликт подавай, чтобы плакать или смеяться, чтоб нервы щекотало. Это я тебе как писатель говорю.

– А у нас конфликтов не будет.

– Значит, и писать не о чем. Только завидовать.

ЭПИЛОГ ЭПИЛОГА

Эту историю рассказал мне Дмитрий Мизгулин, когда вернулся из Праги. Он же привез начало романа Словцова на дискете и предложил его продолжить, обещая стать редактором и суля всяческую творческую помощь. Самому ему на масштабную прозу времени пока не хватает. У меня как раз вид из окна в это время был никудышный, отчего предпочтительнее было смотреть на белый лист бумаги или монитор компьютера, и я подумал: **любовь того стоит...**

И если кто-то скажет, что таких счастливых историй не бывает и любовь такой силы невозможна, смею возразить: всё бывает и не всё проходит. У меня такая была и есть. Но это уже, как принято говорить, другая история.

И ещё. Кто-то скажет: зачем в этом романе столько стихов? Кто-то их пропустил, кто-то прочитал вскользь... А я просто боюсь... Боюсь, что когда-нибудь кто-нибудь прочитает строфы Владимира Соколова, стихотворением которого я начал роман:

«Как я хочу, чтоб строчки эти
Забыли, что они слова,
А стали: небо, крыши, ветер,
Сырых бульваров дерева!

Чтоб из распахнутой страницы,
Как из открытого окна,
Раздался свет, запели птицы,
Дохнула жизни глубина», —

и не поймёт — зачем они...

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	41
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.....	63
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	119
ГЛАВА ПЯТАЯ	145
ГЛАВА ШЕСТАЯ	188
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	229
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	276
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	329
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	362
ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ	415
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.....	454
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.....	502
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	531
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ: ЭПИЛОГ	562
ЭПИЛОГ ЭПИЛОГА.....	573

Литературно-художественное издание

Козлов Сергей Сергеевич

ВИД ИЗ ОКНА
Роман

Редактор *Крылова Г.А.*
Корректор *Шамова О.А.*
Верстка *Буданова А.С.*

Подписано в печать 10.08.08. Формат 70х100/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,22.
Тираж 7000 экз. Заказ 5080.

Издательство Сибирская Благовонница
109012, г. Москва, ул. Никольская, д. 7/9, строение 6

Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

240 ~

049872010

Государственная библиотека Югры

Небольшое объявление в одной из газет полностью меняет жизнь двух людей – молодой успешной женщины и малоизвестного поэта. Слава, предательство, разочарование в жизни, новая любовь – все это переживают главные герои книги. Благодаря всем перипетиям, случившимся с ними, они открывают сердце для Бога и начинают новую жизнь.

